ПИОНЕР 5

МАЙ ● 1979 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВАШ ГОЛОС СЛЫШИТ ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ!

С. ФУРИН

Хороший месяц май — краснознаменный, красногалстучный, праздничный! Во всех уголках земного шара в первый день мая выйдут на улицы и площади колонны трудящихся, чтобы отметить Международный день солидарности, праздник весны, труда, мира и дружбы. Очень любил Первомай Владимир Ильич. С радостью смотрел он 1 Мая 1919 года на рабочие колонны, где рядом со взрослыми шагали и ребята. Это глядя на них — самых юных граждан молодой Республики Советов, вождь революции сказал: **«До сих пор, как о сказке, говорили о том, что увидят дети наши, но теперь, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества не утопия. Еще усерднее будут строить это здание наши дети».**

Через три года по Красной площади в первомайских колоннах прошло пятьдесят два

пионерских отряда — первые ласточки будущей многомиллионной всесоюзной пионерской дружины. Они шли впереди рабочих колонн. Шли гордые и счастливые. Шли в новой пионерской форме, которую им сшили на «Трехгорной мануфактуре» и фабрике имени М. И. Калинина. Впереди каждого звена пионер с красным флажком. У всех на груди — первые пионерские значки. Их сделали после работы комсомольцы-вожатые.

Первые пионеры хорошо знали свой интернациональный закон: **«Пионер — товарищ пионерам и рабочим ребятам всего мира».** В торжественном обещании тех далеких лет были такие слова: **«Буду твердо стоять за дело рабочего класса в его борьбе за освобождение рабочих и крестьян всего мира».** И они были верны своей клятве.

Богата интернациональная летопись Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. До тебя твои сверстники вписали в нее много ярких страниц, словом и делом утверждая на земле дружбу и солидарность детей планеты. Давайте вместе полистаем эту пионерскую летопись.

ГОДЫ ДВАДЦАТЫЕ

ЮНЫЕ ДРУЗЬЯ МОПРа

Спросите ваших бабушек и дедушек, и они расскажут вам о том, с какой гордостью носили их сверстники красные мопровские значки, выступали на митингах и собраниях солидарности, собирали «интернациональные пятаки».

Что же такое МОПР? Это Международная организация помощи борцам революции. Она возникла в конце 1922 года, чтобы оказывать помощь деньгами, продуктами, лекарствами политзаключенным и их семьям, семьям погибших революционеров.

Пионеры нашей страны активно помогали МОПРу, создавали повсюду кружки юных друзей МОПРа. Ребята расклеивали на заборах и домах плакаты, которые призывали: **«Помоги борцам за революцию! Сдай свою интернациональную копейку в фонд МОПРа!»** Пионеры устраивали платные вечера, а собранные деньги передавали в фонд помощи бастующим и политзаключенным. Юные мопровцы проводили среди ребят и взрослых беседы о жизни рабочих и детей в капиталистических странах, о борьбе за свободу, вместе читали первые номера журнала «Пионер», которые в 1924 году призывали: **«На помощь германским товарищам! Пионер, спеши!»**

Среди пионеров, среди пролетарских детей

не должно быть ребят, которые бы не делали ничего для спасения голодающих детей Германии».

И пионеры Страны Советов спешили. Вот юнкоровские сообщения тех лет.

Москва. Хамовнический район

Советом вожатых звеньев района организована фондовая комиссия из 5 лиц. Комиссия начала работу с того, что закупила 2 тысячи жетонов-значков вождей революции, от которых выручила 5 червонцев[1]. Затем устроили в клубе лотерею, в которой разыгрывались вещи, сделанные пионерами. Выручили 15 рублей.

Помощь сокольнических отрядов

Сокольнический район за короткий срок собрал свыше 100 рублей золотом.

1-й отряд устраивал субботник и воскресский фонд помощи МОПРу. Они распространяли значки, собирали членские взносы, вовлекали детей и взрослых в это общество.

В селе Петровском Ставропольского края на главной площади часто проходили митинги и сходки. На них всегда были пионеры: у каждого в руках кружка-копилка. Пионеры ходили с ними по площадке и собирали деньги для МОПРа. Шло соревнование: кто соберет больше.

Из интернациональных копеек и пятачков складывался пионерский фонд МОПРа в те далекие годы.

ПЯТЬ ЧЕРВОНЦЕВ — ВОТ КАКОВ БЫЛ ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ВЗНОСОВ СОВЕТСКИХ ПИОНЕРОВ В ФОНД ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМ ДЕТЯМ ГЕРМАНИИ.

ТРИ МИЛЛИОНА РУБЛЕЙ — ТАКОВ ВКЛАД ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В АКЦИЮ «СОЛИДАРНОСТЬ» В НАШИ ДНИ.

В дни международного детского фестиваля «Пусть всегда будет солнце!»

ник по разгрузке дров. Разгружено 12 вагонов дров. Заработанные деньги пошли в фонд помощи детям Германии. Другие отряды устраивают платные спектакли, подписные листы по фабрикам и учреждениям.

Кипит работа

«Мы, — писали ленинградские ребята из 35-го отряда в газету «Ленинские искры», — устраиваем своими силами лотерею в пользу детей германских рабочих. Организуем международный детский уголок. Кипит работа по украшению клуба и детской площадки. Готовим стенную газету нашего отряда».

Такие сообщения поступали со всех концов страны.

Пионеры Калмыкии создали республикан-

[1] Червонец — десять рублей.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

МАЙ 5

Москва 1979 г.
Издательство «Правда»

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДЕТСКИЕ НЕДЕЛИ

Вспомни историю: начало двадцатых годов для молодой Республики Советов было крайне трудным. Не работали многие шахты и заводы. Стояли в тупиках неотремонтированные паровозы. Разразился голод в Поволжье. Тысячи обездоленных ребят скитались без крова, ютились в подвалах. Пионерские отряды в нашей стране только-только начали создаваться. Вот в такое время КИМ — Коммунистический Интернационал Молодежи и решил проводить Международные детские недели, которые проводились в СССР и зарубежных странах, чтобы объединить ребят, подружить детей всех национальностей, укрепить связи только что созданных детских коммунистических организаций и групп стран Запада и Востока.

Вспыхивали пионерские костры, ребята говорили на них о помощи детям капиталистических стран, пели задорные пионерские частушки, которые сегодня нельзя читать без улыбки.

Делегат письмо привез
Из страны немецкой —
Шибанем буржуям в нос
Мы Неделей детской.

Устраивали утренники и вечера, проводили сборы. Многие отряды открывали кружки по изучению иностранных языков, выписывали зарубежные пионерские журналы и обязательно создавали фонд помощи детям борцов.

В дни Недели по-боевому потрудились пионеры Иваново-Вознесенска. Они заработали столько средств, что на эти деньги в Германии был открыт детский дом для 150 сирот. В августе 1924 года состоялась передача красного знамени, которое изготовили немецкие ребята из детского дома имени ивановских ткачей г. Эренфельда. Это знамя стало символом дружбы.

В 1924 году в Москве проходил конгресс КИМа. Зарубежные гости побывали в гостях у советских ребят в пионерских лагерях, рассказали им о жизни и борьбе коммунистических детских групп на Западе и Востоке. Делегаты КИМа обратились ко всем пионерам СССР. Некоторые из них не могли подписаться своей фамилией, так как прибыли в нашу страну нелегально.

ВЫ ПОДНИМАЕТЕ НАШ ДУХ

«Все то великое, что наблюдали мы в пролетарской России, все то, чему научила нас жизнь русского пролетариата и юных русских пионеров, поднимает наш дух для борьбы с немецким капиталом.

Высшая заповедь для молодого коммуниста: мужество, энергия и решимость».

Член Центрального бюро Деткомгрупп Германии.

В НАШЕЙ БОРЬБЕ — ВЫ НАМ ПОДДЕРЖКА

«Вы, юные пионеры Советской России, вы — центр, направляющий энергию детского движения через все трудности борьбы.

Наши юные коммунистические группы следят всегда за вами, черпая в вашей работе поддержку себе.

Да здравствуют юные пионеры СССР!»

Делегат Соединенных Штатов на Конгрессе КИМа

РУССКИЕ ПИОНЕРЫ — НАДЕЖДА ВСЕХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

«Юные русские пионеры — это надежда революционных пролетариев всего мира. Мы уверены, что этот поток молодой энергии сохранит несокрушимый Союз Советских Республик».

Делегат КИМа от Франции

С каждой новой Международной детской неделей крепла дружба детей и молодежи всей планеты.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДЕТСКИЕ НЕДЕЛИ— ПЕРВЫЕ ВЕСТНИКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДЕТСКИХ ФЕСТИВАЛЕЙ НАШИХ ДНЕЙ. НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕТСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ «ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ!» ПРИБЫЛИ ДЕЛЕГАЦИИ ИЗ 103 СТРАН МИРА. ОНИ ПРИНЯЛИ ОБРАЩЕНИЕ КО ВСЕМ ДЕТЯМ ЗЕМЛИ, СКАЗАЛИ: «НЕТ НЕЙТРОННОЙ БОМБЕ!», «МИРУ — МИР!».

ГОДЫ ТРИДЦАТЫЕ

ГРЕНАДА, ГРЕНАДА, ГРЕНАДА МОЯ!

Не раз ты слышал и сам пел замечательную песню на стихи поэта Михаила Светлова о Гренаде. А твои сверстники предвоенных

лет с тревогой и болью следили за событиями, которые развернулись в Испании летом 1936 года. В те годы многие пионеры носили синие «испанки» с красной кисточкой, отмечали флажками на карте места грозных боев республиканцев с фашистами, собирали средства в фонд помощи детям республиканской Испании, где шла гражданская война. Пионеры нашей страны чем могли помогали детям героического народа. Вчитайся в письма ребят тех лет, и ты поймешь, как проявили свою солидарность юные ленинцы Страны Советов.

«У меня есть 3 рубля. Я их собирал для того, чтобы купить себе конфет к празднику. Но конфеты у меня будут, а у ребят Испании — нет. Поэтому вношу 3 рубля на октябрьские подарки маленьким героям Испании. Ученик 5-го класса школы № 12 г. Пятигорска Нариманов».

В 30-е годы советские ребята поддерживали пионеров героической Испании. Когда шла война во Вьетнаме с американскими агрессорами, советские ребята отправили два корабля с подарками детям Вьетнама. Юные ленинцы Страны Советов вместе со всеми людьми доброй воли боролись за освобождение из застенков Пиночета пламенного патриота Чили товарища Луиса Корвалана.

Три мурманские пионерки — Анна Евстрифеева, Муза Поспелова и Бира Литер — организовали в своем пионерском отряде сбор средств для детей республиканской Испании и написали письмо:

«Узнав о том, как рабочие Испании героически ведут борьбу с озверелыми фашистами, мы, ученики 4-го «В» класса 17-й школы г. Мурманска, посылаем в фонд помощи 26 рублей. Мы хотим, чтобы дети Испании были такими же свободными и счастливыми, как дети СССР».

Второклассница школы № 16 г. Москвы Лена Кириллова прислала в «Пионерскую правду» такое письмо: *«Отдаю свои пять рублей испанским детям. Я их собирала, чтобы купить птичку. Но птичку я куплю потом».*

В Испанию отправлялись посылки с лекарствами, одеждой, обувью, игрушками, тетрадями. В знак благодарности за помощь и поддержку в марте 1937 года дети бойцов и командиров Республиканской Испании прислали пионерии Советского Союза знамя пионеров героической Барселоны.

Все тяжелее и тяжелее приходилось патриотам Испании. И тогда часть детей из мест, где шли наиболее ожесточенные бои, отправили в Советский Союз. Букетами цветов у причалов и на перронах вокзала встречали советские ребята своих испанских сверстников. Измученные артобстрелами и бомбежками испанские ребята оказались в лучших пионерских лагерях и детских домах страны. Их встречали Ленинград, Москва, Калуга, Одесса... И всюду их ждали как родных.

В пионерские лагеря и детские дома, где жили дети республиканцев, приезжали делегации советских пионеров, устраивались костры дружбы, митинги солидарности, на которых звучали испанские песни и боевое «Но пасаран!». К ребятам шли письма, телеграммы, посылки. Вот история одной из них.

В городе Йошкар-Ола Марийской АССР жили брат и сестра. Десятилетнюю девочку звали Эрой, а ее братишку Жаном. В 1938

году они ходили в начальную школу № 1, слушали рассказы о Владимире Ильиче Ленине и читали письма пионерам Надежды Константиновны Крупской. И Жан и Эра Шубины были хорошими умельцами. Они связали из кроличьего пуха теплые варежки и пуховые носки и ко дню рождения Крупской отправили свой подарок в Москву. В посылку вложили письмо: *«Родная Надежда Константиновна, Эра и Жан Шубины посылаем Вам маленький наш подарок — пуховые носочки. У нас есть два пушистых кролика, которых я и мой брат очень любим. Дорогая Надежда Константиновна, Вы очень много уделяете внимания нам, пионерам и октябрятам, Вы наш самый лучший друг».*

Н. К. Крупская порадовалась за марийских ребят, поблагодарила в ответном письме: *«Носочки я пересылаю сегодня в Одессу, в детский дом № 2, где живут испанские дети».* Ребятам из Испании она написала: *«Дорогие ребята, пользуюсь случаем, чтобы переслать вам подарок от двоих ребят — Эры и Жана Шубиных, которые живут в далеком городе Йошкар-Ола...»*

Для многих испанских детей наша страна стала второй родиной.

ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ПИОНЕРЫ НАШЕЙ СТРАНЫ АКТИВНО УЧАСТВОВАЛИ ВО МНОГИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ АКЦИЯХ И КАМПАНИЯХ СОЛИДАРНОСТИ: «ПИОНЕРЫ СССР — КУБЕ», «ПИОНЕРЫ СССР — ВЬЕТНАМУ», «ЛЕКАРСТВЕННЫЕ ТРАВЫ» ДЛЯ ДЕТСКОГО ГОСПИТАЛЯ В ХАНОЕ. ПИОНЕРСКИЕ ДРУЖИНЫ И ОТРЯДЫ ПОМОГАЛИ ДЕТЯМ ГЕРОИЧЕСКИХ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ, ПЕРВЫМ ПИОНЕРСКИМ ГРУППАМ ПОРТУГАЛИИ, ДЕТЯМ ПЕРУ, ПОСТРАДАВШИМ ОТ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ.

Сегодня, шагая маршрутами Марша **«Мир и солидарность»**, интернациональные традиции пионерии Страны Советов продолжаешь ты, твой отряд, твоя дружина. Вместе со всеми ты протестуешь против агрессии Китая.

Ты зарабатываешь средства в Фонд мира. Твой голос звучит в защиту детей Африки, которые страдают от голода, эксплуатации, расизма. Твой голос звучит в защиту чилийских ребят, детей Палестины, лишенных родины. Твоя дружина шлет письмо-протест президенту США, где сотни тысяч негритянских ребят лишены права учиться, получать профессию.

Чужая боль — твоя боль. Чужое горе — твое горе. Чужая беда — твоя беда. Так и только так живешь ты на земле, как жили, учились и боролись все предыдущие поколения юных ленинцев.

Твой голос в защиту мира и свободы народов слышит планета Земля. Так пусть он звучит еще громче, еще призывнее!

Пусть каждый урок солидарности станет для тебя уроком мужества и стойкости, веры в непобедимое ленинское дело!

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола и премии имени А. П. Гайдара журнала «Пионер»

Колыбельная для брата

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 1.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

Кирилл собрал портфель и с облегчением ушел из кабинета. Стал в коридоре у окна.

В голове была путаница. Все опять шло наперекосяк. В чем-то он был прав, а где-то поддался досаде и сам полез на скандал... Где, в чем? Как вообще разрубить этот клубок, замотавшийся со вчерашнего дня?

Во дворе на спортивной площадке третьеклассники гоняли мяч. Между столбами баскетбольных щитов стояли вратари: с одной стороны мальчишка в желтой майке и громадной кепке, с другой — девочка с растрепанными косами, в зеленом тренировочном костюме. Над пестрой кипящей толпой невозмутимо возвышался молодой физрук Георгий Константинович.

Разноцветные команды сгрудились у мяча, и наконец получилась вдохновенно орущая куча. Вратари не выдержали и бросились в свалку. Георгий Константинович начал обрадованно дуть в судейский свисток.

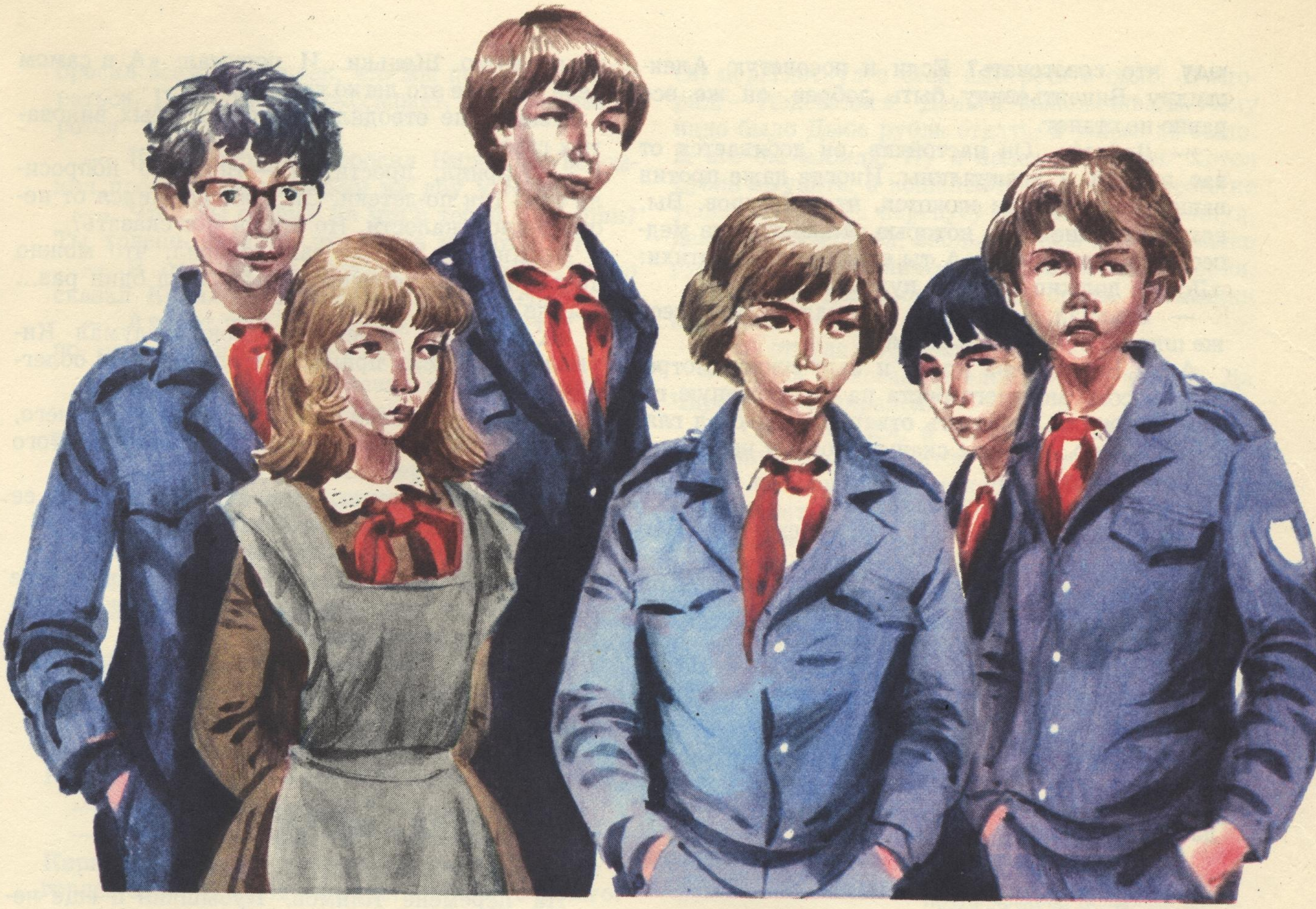
Кирилл улыбнулся: когда-нибудь и Антошка будет так же гонять мяч...

Послышались тяжелые шаги. По коридору, чуть колышась, двигалась директорша Анна Викторовна. Кирилл вздохнул и приготовился к продолжению неприятностей.

— Здрасте, — обреченно сказал он, когда Анна Викторовна приблизилась.

Она кивнула и остановилась.

— Если не ошибаюсь, опять Векшин...



Если сегодня Дыбы не будет, в следующий раз встретим...

«Опять», — сердито усмехнулся про себя Кирилл и промолчал.

— Почему не на уроке?

— Выставили, — сказал Кирилл.

— Похвальная откровенность. А за что?

Кирилл вынул дневник, открыл сегодняшнюю страницу и молча протянул Анне Викторовне.

Она взяла, прочитала. И вдруг спросила просто, совсем не по-директорски:

— А что случилось-то?

— Портфель вчера отобрали, а там учебник был. Я выучить не успел.

Она вздохнула.

— Если постараться, можно было бы найти выход, а?

— Можно, — равнодушно сказал Кирилл. — Но зачем отбирать портфели?

— То есть это дело принципа?

Кирилл пожал плечами.

Она для чего-то повертела дневник в руках и отдала Кириллу. Солидно, хотя и негромко произнесла:

— Ненужный, совсем ненужный конфликт. Зачем этот накал, Векшин?

— Какой накал?

Анна Викторовна помолчала.

— Хорошо, — вдруг сказала она. — Пожалуй, я попрошу Еву Петровну ликвидировать эту двойку. А ты потом выучишь урок и ответишь.

Кирилл удивился. Но, удивившись, он остался спокойным.

— Ответить я могу и сейчас. Разве в двойке дело?

— А в чем же?

— Вообще... во всем.

— Как же понять это «вообще»?

— Это трудно сказать словами, — проговорил Кирилл, глядя на третьеклассников во дворе. — Ну, этот хор, портфели... все остальное. Когда обвиняют, не разобравшись... Когда взрослый обязательно прав, а ученик обязательно виноват...

— Ты неправ, Векшин, — сказала Анна Викторовна.

— Ну, вот видите...

Она вдруг засмеялась:

— Да нет, ты в данном случае неправ. Учителя тоже ошибаются, кто же с этим спорит.

— Когда ошибаемся мы, попадает нам, — сказал Кирилл. — Когда ошибаются учителя, все равно попадает нам. Как вчера.

— А ты посоветуй, как жить без таких ошибок, — предложила Анна Викторовна. — Ты можешь?

Кирилл посмотрел на нее и не понял: шутит она или всерьез?

— Не могу, — сказал он. — Да и бесполезно.

— Почему бесполезно?

— Во-первых, вы не послушаете... А во-вто-

рых, что советовать? Если и посоветую Александру Викентьевичу быть добрее, он же все равно не станет.

— Добрее... Он настойчив, он добивается от вас знаний и дисциплины. Иногда даже против вашей воли. А вам кажется, что он суров. Вы, как маленькие дети, которые обижаются на медсестру со шприцем... А ты слышал такие стихи: «Добро должно быть с кулаками»?..

— Слышал, — сказал Кирилл. — Но здесь же школа, а не секция бокса.

Анна Викторовна долго и задумчиво смотрела с высоты могучего роста на нестриженую голову Кирилла. Он опять отвернулся и стал глядеть во двор. «Сейчас скажет: почему не остригся?» — подумал он.

Анна Викторовна сказала:

— Ступай на урок. Я предупрежу Еву Петровну.

— Ой, пожалуйста, не надо! — взмолился Кирилл.

Она почему-то шумно вздохнула.

— Ну, как знаешь, Векшин... Только не думай, что все учителя ужасно несправедливые люди.

— Я и не думаю, — искренне сказал Кирилл.

— Кстати... как это вы меня зовете? «Мадам Генеральша»?

— «Мать-Генеральша» — без выражения сказал Кирилл. — Но это не мы, а старшеклассники. Да они не со зла...

— Надеюсь, — отозвалась Анна Викторовна и тяжело двинулась по коридору.

А когда она скрылась, перед Кириллом оказалась заплаканная Женька.

Женька торопливо сказала:

— Кирилл, ты думай, что хочешь. Ну, презирай меня, ругай, пожалуйста. Но только дай мне сказать, ладно? Только послушай.

— Ну, говори, — усмехнулся Кирилл. — Да не суетись...

Ему было даже любопытно: как все-таки Женька выдала Чирка?

У Женьки опять по-младенчески задрожала нижняя губа.

— Ты же не представляешь, что было... Я прихожу, а они сидят, меня ждут. С мамой. Они уже созвонились... И началось! Думаешь, я сразу сказала? А они то кричат, то уговаривают: «Ты знаешь, ты обязана, ты не имеешь права молчать!» Я говорю, что слово дала, а они опять в крик: «Ты думаешь, мы глупее тебя? Ты думаешь, мы хотим ему зла?!» Кирилл, разве в самом деле они хотят зла?

— Нет, что ты, — сказал Кирилл.

— Я сама не помню, как было... Миллион слов, целая лавина... И еще обещали все время: «Ни один человек не узнает. Мы должны ему помочь, а ты не даешь...» Потом пришел папа, и все опять... Мама за сердце взялась: «Если я умру, то из-за тебя!..» Кирилл, я испугалась. Кирилл, я бы молчала, если бы перед врагами... но разве они враги?

— Нет, что ты... — опять сказал Кирилл, глядя мимо Женьки. И подумал: «А в самом деле... Разве это легко вынести?»

Женька не отводила от него мокрых виноватых глаз.

— Кирилл, прости, а? — тихонько попросила она. Так по-детски. Он даже поежился от неожиданной жалости. Но что он мог сказать?

— Кирилл, ты же сам говорил, что можно простить, если человек не выдержал один раз... Ты же простил Чирка...

«А в самом деле...» — снова подумал Кирилл. Эта мысль принесла ему капельку облегчения.

Он не чувствовал сейчас к Женьке ничего, кроме жалости. Только жалость. Но разве этого так уж мало?

— Ладно, Женька, — сказал он, глядя на ее сандалетки из тонких лаковых ремешков.

— Нет, правда... — прошептала она.

Что с ней было делать? Кирилл положил себе на ладонь ее маленькую, почему-то мокрую руку, накрыл другой ладонью.

— Ладно, Женька. Я понимаю... Ну, только не вздумай снова реветь.

Глава четырнадцатая

На перемене Климов, Кубышкин и еще несколько мальчишек обступили Кирилла. Подошли и девчонки, но Климов сообщил им, что разговор не для дамских ушей. Девчонки сказали, что Климов нахал и грубиян. Однако ушли.

Кирилл торопливо рассказал про вчерашние дела, только не стал уточнять, кто и как уладил дело со студенткой. Олег Райский поддернул на носу очки, неинтеллигентно чертыхнулся и сказал, что положение скверное.

— Да ничего ему не будет, — возразил Кубышкин. — Студентка-то его простила.

— Не в этом дело. Насколько я помню, у него начинался туберкулезный процесс. Может случиться рецидив...

— Слова-то какие умные, — хмыкнул Ромка Водовозов.

— Для дураков любые слова умные, — отрезал Райский и ушел к своей парте.

Затарахтел звонок.

— Кир, — вдруг сказал длинный Климов. — А ты, правда, был не такой. Силу почуял?

«Давно почуял, — подумал Кирилл. — За мной «Капитан Грант». И тот штормовой день. И «Колыбельная». Это и есть сила».

— Угу, — ответил он.

— Тогда держись... — непонятно сказал Климов.

Собрание началось с напряженной тишины. Кроме нескольких человек, никто не знал толком, что случилось с Чирковым. Все ждали.

— Начнем, — решительно произнесла Ева Петровна. — На собрании один вопрос. Векшин

бросил всем нам упрек, что мы не хотим разбираться. Пусть он все расскажет, а отряд разберется.

— Какой отряд? — спросил Кирилл и вспомнил прозрачные капельки на лбу у Чирка.

— Что? Ты о чем? Да что с тобой, Векшин? Ты хочешь сказать, что здесь нет отряда?

— В отрядах не бывает собраний, — хмуро сказал Кирилл. — В отрядах бывают сборы.

— Ах, вот что! Прекрасно. Если это так важно, можете считать, что у нас сбор.

— Спасибо, — тихо сказал сзади Климов.

— А на сборах командуют ребята, — негромко, но упрямо продолжал Кирилл.

— Великолепно! Пусть Черепанова командует. Она, кажется, еще председатель совета отряда. Ну, что же ты, Черепанова?

Женька нерешительно взглянула на Кирилла и попросила:

— Кирилл, расскажи...

— Расскажу, — отозвался Кирилл. Подумал и вышел к доске. — Расскажу. Теперь все равно... В общем, есть такой Дыба. Амбал лет шестнадцати. У него компания. Жулье всякое и шпана. Те, кто с ним знаком, сами знают... — Кирилл посмотрел на Димку Сушко.

— А чё ты на меня-то? — спросил Димка.

— Издевались они над Чирком, — объяснил Кирилл и ощутил подозрительное щекотание в горле. Этого еще не хватало! Сейчас-то с чего? Он переглотнул и стал смотреть в окно. Повторил: — Издевались. Деньги выколачивали. Ему надо было Дыбе рубль отдать, а у него не было. А его бы избили. Ну и полез в карман. Хотел рубль выудить, а кошелек положить на место не успел. Потом с перепугу в речку его выкинул, даже не посмотрел, сколько в нем денег. Только рубль взял металлический... Вот и вся история.

Довольно долго было тихо, потом Кубышкин спросил:

— А откуда ты узнал?

— Дыба хвастал рублем. Я догадался. Да Чирок и не отпирался...

— Он сознался, а ты решил скрыть от нас его вину, — подвела итог Ева Петровна. — Интересно, почему? Разве товарищи не имеют права все это знать?

— Да не было у него товарищей, — без упрека, а просто устало сказал Кирилл. — Никто же не заступился за него перед Дыбой. А как обсуждать — сразу товарищи... Вот и сейчас! Никто даже не спросил, сильно ли он заболел.

— Та-ак, — с ноткой удивления произнесла Ева Петровна. — Оставим пока Чиркова. Меня интересует позиция Векшина. Векшин, кажется, хочет сказать, что в отряде нет дружбы, нет коллектива. Так я поняла?

— Позвольте пройти,— почти ласково попросил Дыба.

Кирилл кивнул.

— Так. Но я не про это...

— Нет, подожди. Давай разберемся, какое ты имеешь право делать такие заявления. Какое ты имеешь право чернить отряд, который должен тебе скоро давать рекомендацию в комсомол...

— Раньше характеристикой пугали, теперь — что в комсомол не примут, — отозвался Кирилл. — Да мне еще рано в комсомол, я маленький. Мне только-только тринадцать недавно исполнилось.

— Однако ведешь ты себя самоуверенней многих взрослых!

По интонациям Евы Петровны класс безошибочно угадал, что предстоит долгая речь и конца собрания лучше не ждать. Завозились, поудобнее устраиваясь за столами.

Ромка Водовозов уныло сказал:

— Ну вот. Хуже, чем на продленке...

Ева Петровна сложила на груди руки и оглядела класс.

— Мне начинает казаться, что Векшин был прав: действительно, всем все равно. Райский потихоньку играет в шахматы, председатель совета отряда безмолвствует...

— Потому что Векшин все сказал! — неожиданно выпалила Женька и покраснела.

— И тебе нечего ему возразить? — сухо поинтересовалась Ева Петровна.

— Нечего, — негромко, но храбро сказала Женька.

Кирилл посмотрел на нее и тихонько улыбнулся.

Ева Петровна раздраженно зашагала в проходе между столами.

— Можно, конечно, дружить с человеком... с любым. Но зачем при этом плясать под его дудку?

— Я не пляшу. Просто я с ним согласна.

Ева Петровна повернулась к Женьке спиной.

— Может быть, и остальные согласны с Векшиным?.. Райский, убери шахматы! Ты с Векшиным согласен?

Олег встал и поправил очки.

— Векшин, по-моему, не сказал ничего нового. Но в принципе он в чем-то прав...

— В чем именно?

— В том, что наше объединение носит формальный характер...

Раздался смех.

— Не смешно! — вдруг резко сказал Райский. — Могу проще. Пока на нас орут, мы делаем, что велят. А без няньки и кнута ни на что не способны.

— Спасибо, Олег, — скорбно произнесла Ева Петровна. — Вот так и открывается сущность человека.

Райский сел и уткнулся в портативные шахматы, похожие на открытый портсигар.

— Кто хочет высказаться? — спросила Ева Петровна, демонстративно отвернувшись от Райского. — Неужели вам нечего сказать Векшину?

Высказаться захотела Элька Мякишева.

— Бессовестный ты, Векшин! Так говоришь про всех! У нас такая работа за прошлый год! Мы триста писем получили со всей страны, если хочешь знать, потому что у нас работа. У нас друзья во всех республиках и вообще... Мы с болгарскими пионерами переписываемся!

— А Чирок? — сказал Кирилл.

— Что Чирок?

— Ему что до твоей работы и переписки? Где был отряд, когда Чирка избивали?

— А где был ты? — спросила Ева Петровна. — Ты взял на себя роль судьи. А разве ты уже не в отряде?

Но Кирилл заранее знал, что она это спросит.

— Нет, я тоже виноват, — сказал он. — Но я хоть не оправдываюсь и не кричу, что у нас везде друзья. Друзья во всех республиках, а между собой подружиться не умеем... Или боимся?

— Чего? — спросил Димка Сушко. — Тебя, что ли?

— Дубина ты, — сказал Кирилл. — Не меня, а того, что придется по правде друг за друга отвечать. Защищать друг друга. Не словами, а делом.

— Кулаками, ты хочешь сказать? — холодно спросила Ева Петровна.

— Да, — сказал Кирилл. — Если надо, кулаками.

— И ты всерьез полагаешь, что лучший в школе тимуровский отряд должен опозорить себя драками?

— Ты что, Векшин! — подал голос длинный Климов. — Разве Тимур так делал? Он вызывал Квакина на совет дружины и говорил: «Нехорошо, Миша...»

— И Квакин плакал от стыда, — сказал Кубышкин, но никто сейчас не засмеялся. Было как-то тихо и неприятно.

Ева Петровна встала.

— Что ж, — сказала она, глядя не на ребят, а в окно. — Вы затронули важную тему. Давайте говорить серьезно и откровенно.

— А маму не вызовут? — спросил Кубышкин.

— Нет... Впрочем, у тебя уже вызвали... Так вот, друзья. Должна сказать вам, что Аркадий Петрович Гайдар, которого мы все любим, был сложной личностью и не все в его жизни так гладко, как иногда кажется. И в его творчестве. Тимур — тоже фигура непростая. Он не сразу нашел дорогу к сердцам читателей. Да, представьте себе! Многие критики и педагоги сначала встретили его в штыки!

— Разве они читатели? — спросил Валерка Самойлов.

— Не перебивай, Самойлов, — миролюбиво попросила Ева Петровна. — То, что я говорю, не всегда говорят детям... Впрочем, вы уже не дети, — спохватилась она. — Так вот, встретили Тимура в штыки. Многим была не по вкусу партизанская вольница в его команде. В самом деле: бесконтрольный ребячий коллектив, ни одного взрослого рядом...

— Во жили люди! — вздохнул кто-то за Кириллом.

Ева Петровна снисходительно улыбнулась.

— Я продолжаю. И должна заметить, что в упреках критиков была доля истины. Не все, что делал Тимур, можно одобрять безоговорочно. В конце концов что хорошего в ночных драках или угоне мотоцикла? Но тимуровское движение оправдало себя, жизнь взяла для него из повести Гайдара не все, а самое полезное...

— Не жизнь, а классные дамы! — отчетливо произнес Климов.

— Что-о? Ты где находишься в конце концов?!

— На сборе, — поспешно сказал Климов. — На сборе, Ева Петровна, а не на классном часе.

— И ты полагаешь, что на сборе можно говорить все что вздумается?

— А разве нет?

— И оскорблять учителей?

— Так я же не про вас, — примирительно сказал Климов. — Я вообще! Вы, наверно, еще сами пионеркой были, когда Гайдар про Тимура написал. Или студенткой.

— Хам ты, Климов, — печально произнесла Ева Петровна, которая родилась через три года после выхода книги о Тимуре.

Климов вздохнул:

— Вот и поговорили серьезно и откровенно.

— И все решили, — вставил Кубышкин.

— Нет, не все! — резко возразила Ева Петровна. — Вернее, ничего. Не разобрались с Векшиным. Не выяснили, что происходит с отрядом. Не решили, как быть с Чирковым!

— Может быть, лучше, как быть с Дыбой? — спросил Кирилл.

— Этот Дыба, как ты выражаешься, не из нашей школы. У него есть своя администрация, дорогой мой. Есть милиция в конце концов. Комиссия по делам несовершеннолетних...

— Конечно, есть, — сказал Кирилл. — А Дыба тоже есть. Интересно, да? Они есть, и он есть. Никуда не девается. И никуда не денется, пока мы его боимся.

— Потому что у них шайка, — сказали из угла, от витрины с черепами.

— Ну, я и говорю, — усмехнулся Кирилл. — Их же целая шайка. Целая тысяча, да? А нас, бедненьких, жалкая кучка. Что мы можем? На сборах про подвиги говорить... А человека от шайки защитить кишка тонка у отряда. У правофлангового...

— Ты что же, всех своих товарищей считаешь трусами? Ты, Векшин, отдаешь отчет своим словам?

— Не знаю... — тихо сказал Кирилл. — При чем здесь слова? Опять слова, слова... А пока мы их говорим, Дыба гривенники шкуляет у пацанов в «Экране». Не верите? Можно пойти посмотреть.

— Посмотреть? — спросил Климов.

— Ну да, посмотреть, — откликнулся Кирилл, ощущая горькое бесстрашие. — Посмотрим, потом побеседуем: «Нехорошо, Дыба, не делай так больше». И он перевоспитается.

В классе засмеялись.

— Ну, так кто со мной? — спросил Кирилл, сам удивляясь такой простой мысли. — Кто? Сеанс в час двадцать. На билеты наскребем. Полюбуемся на Дыбу, заодно кино посмотрим... Ну?

— А какое кино? — спросил Кубышкин.

— Откуда я знаю.

— Ну, все равно, — сказал Кубышкин и поднялся. — Я, пожалуй, пойду.

Класс грохнул. Веснушчатое лицо Кубышкина сделалось пунцовым. Но он пошел к доске и встал рядом с Кириллом.

— Это что за демонстрация! — крикнула Ева Петровна. И непонятно было, кому крикнула: тем, кто гогочет, или Кубышкину?

Кирилл и Кубышкин переглянулись. «А ведь он красивый, — подумал Кирилл. — Ну и что же, что круглый и веснушчатый?»

Смех продолжался.

— Пре-кра-тить! — скомандовала Ева Петровна.

— Разве на пионерском сборе нельзя смеяться? — спросил Климов. Выбрался из-за стола и, шагая, как циркуль, пошел к Кириллу. Спросил: — Гривенник дашь на билет?

— Дам.

Веселье усилилось.

— Смех — лучшая маскировка, — заметил Климов.

— Маскировка для чего?! — крикнула Элька Мякишева.

— Для чего угодно, — сказал Климов. — Для трусости, для подлости... У тебя — еще и для тупости.

— Пре-кра-тить! — опять потребовала Ева Петровна. — Это что за самодеятельность! Я запрещаю вам идти сегодня в кинотеатр!

— Этого запретить нельзя, — серьезно объяснил Кубышкин. — Мы ведь не с уроков уходим. Кино — это наше дело, личное.

— Они патруль хотят организовать, — язвительно сообщил Димка Сушко.

— Ага, — сказал Климов. — А что? Бывали у нас и раньше патрули: то зеленые, то голубые...

— А сейчас будет фиолетовый, как фингал под глазом, — пообещал Димка.

— Попробуй только вякнуть своему Дыбе, — сказал Кирилл.

— Векшин, Климов, Быков, в понедельник в школу с родителями, если сегодня посмеете отправиться в кино, — заявила Ева Петровна. — О вашем поведении я сообщу директору.

Климов незаметно вздохнул. Потом сказал:

— Не густо нас...

— Мне все ясно. Черепанова, закрывай сбор, — сказала Ева Петровна.

Женька встала.

— Сбор окончен, — сообщила она и посмотрела на Кирилла. — Подождите, ребята, я с вами.

Вот тут класс притих. Даже Ева Петровна молча смотрела, как Женька идет к доске. Потом тихо и почти обессиленно Ева Петровна произнесла:

— Я сию же минуту... прямо сейчас... позвоню маме.

— Знаю, — грустно отозвалась Женька. Она

У Толи оказалась кошачья реакция: он взлетел на забор.

с тревогой посмотрела на Кирилла, и он улыбнулся ей глазами.

— Черепанова! Ты же девочка в конце концов! — воскликнула Ева Петровна.

— А что делать, если в классе всего три мальчика?

Валерка Самойлов, сердито бормоча, заворочался за столом. Выбрался сам и выволок тяжелый портфель.

— Каждую субботу что-нибудь придумают...

— Тебя за уши не тянут, — сказала Женька.

— Не твое дело, — буркнул Самойлов.

Ева Петровна присела у стола и теперь смотрела на группу у доски спокойно, даже с любопытством. На лице ее словно было написано: «Ну-ну, интересно, что вы еще выкинете...» Но, когда громко защелкнул коробочку с шахматами и поднялся Райский, спокойствие ее опять исчезло.

— И ты туда же? Ну уж от тебя-то, Олег, я не ожидала!

— А, собственно, почему? — поинтересовался Райский.

— Ты знаешь, почему... Кстати, у тебя сегодня турнир во Дворце пионеров. Ты что, не думаешь о чести школы?

— Мне кажется, именно о ней я и думаю, — вежливо сказал Райский.

Ева Петровна поднялась и вышла.

Когда шли к кинотеатру, Климов сказал:

— Если придется стыкнуться, держитесь цепью, локоть к локтю. Иначе расколотят поодиночке. А ты, Женька, не суйся.

— Видно будет, — сумрачно сказала Женька.

— Может, и нету там никакого Дыбы, — со скрытой надеждой заметил Кубышкин.

— Он говорил, что будет, — сказал Кирилл.

Валерка Самойлов тоже вздохнул, но по-иному: ему было жаль времени.

Олег Райский обнадежил Кубышкина:

— Если сегодня не будет, в следующий раз встретим. — И он деловито поправил очки.

— Сними ты их, — сказал Климов.

— Я тогда ничего не увижу, — растерянно возразил Райский. — Будет затруднительно...

— Собьют, — сказал Климов.

Райский неловко улыбнулся:

— Ну, что ж... По-моему, дома у меня есть запасные.

Глава пятнадцатая

Поход в кино кончился мирно, хотя мог бы кончиться боем. В кинотеатре действительно отирался Дыба с компанией, и компания не теряла времени: в уголке у туалета прижала перепуганного мальчишку лет одиннадцати. Юный Вовка Стеклов уже тянул пальцы к его карманам. Мальчишка что-то объяснял жалобным полушепотом.

— О чем здесь разговор? — небрежно поинтересовался Климов и, зевнув, сунул руки в карманы. Кирилл и остальные поступили так же. Кроме Женьки, которая за неимением карманов заложила руки за спину.

— Это что за шмакодявки? — удивился Дыбин приятель Совушка и захлопал веками.

Но Дыба моментально оценил обстановку. Кирилл и его группа стояли тесным полукругом и смотрели вполне решительно. Дыба широко улыбнулся.

— Общественность на страже, — объяснил он компании. — Не будем шуметь в культурном месте. Мы пошутили с мальчиком, ты, мальчик, иди...

Мальчишка моментально исчез.

— Не шутил бы ты так, Дыба, — сказал Кирилл. — Не надо.

— Нехорошо... — вежливо поддержал Климов и тоже улыбнулся. Он был намного у́же Дыбы в плечах, но повыше.

— Вроде мы незнакомы, — заметил Дыба и медленно осмотрел Климова от ботинок до макушки. — Вроде мы дорогу друг другу не переходили.

Климов зевнул.

— Вроде... — сказал он. — Вот и не переходи. Как кого зацепишь, считай, что перешел.

— И?.. — спросил Дыба, уперев пальцы в бедра.

— Будет тогда «и», — сказал Климов и перестал улыбаться. — «И» с точкой. Знаешь, такая точка и палочка.

Дыба посмотрел на Кирилла.

— Я все понял, — сказал он. — Ты, Кирюха, не забыл утренний разговор?

— А ты? — спросил Кирилл.

— Я тебе вроде говорил: «Будем друзьями...»

— Насчет друзей — это успеется, — сказал Кирилл, разглядывая пятиугольную Дыбину физиономию. — А как насчет Чирка? Сколько ты ему должен?

— Жаль мне тебя, — сказал Дыба.

— А себя?

— Позвольте пройти, — почти ласково попросил Дыба и пошел из закутка фойе. За ним компания: Совушка, Димка Обух, Козочка, унылый тип по кличке Банан и Вовка Стеклов.

— Шесть на шесть, — сказал Валерка Самойлов. — Могли бы и стыкнуться.

— У нас одна девочка, — заметил Райский.

— Ничего, с тем хлюпиком она бы справилась, — решил Кубышкин.

— А ты сразу с тремя, — огрызнулась Женька. — Да ну вас... У меня внутри все трясется с перепугу.

— Ну и зря, — сказал Климов. — В кино они не стали бы драться. И вообще этот народ не нападает, когда силы равные. Они любят работать наверняка.

— А чего мы, собственно, добились? — задумчиво спросил Райский.

— Ну все-таки... — нерешительно откликнулся Кирилл. — Парнишку выручили. И Дыба узнал, что не все его боятся.

— Да, — сказал Климов. — Только теперь нам чаще надо ходить вместе и реже по одному... Особенно тебе, Кирилл.

— Я пришел к выводу, — грустно сказал Райский, — что одних запасных очков мне будет мало...

Они посмотрели румынский детектив «Шкатулка с секретом» и разошлись, договорившись, кто за кем бежит и кто кому звонит, если надо будет собраться срочно. Потому что мало ли какую штуку могут выкинуть Дыба и его дружки.

— К Чирку-то заскочишь? — спросил у Кирилла Климов.

Кирилл кивнул. Он все время помнил о Петьке. Надо забежать и хотя бы у матери спросить, что сказал врач, если к самому Петьке не пустят. Не отправили бы Чирка в больницу... Эта тревожная мысль постоянно царапалась внутри и даже портила радость от первой маленькой победы над шайкой Дыбы.

Но прежде чем ехать к Петьке, нужно было привезти из молочной кухни Антошкин обед.

Дома Кирилл торопливо скинул форму, натянул свой летний наряд и не стал даже обедать. Лишь бы скорее!

На кухне, к счастью, не было очереди. Кирилл получил молочное питание, зажал сумку на багажнике и покатил к дому.

Он выбрал короткий путь: по узкому переулку, поднимавшемуся от площади Жуковского на улицу Мичурина. Это был даже не переулок, а просто дорога между деревянными заборами: кусочек почти деревенской старины, сохранившейся среди больших улиц. Впрочем, не такой уж старины: рядом с дорогой, вдоль канавы, тянулась полоска вполне современного асфальта.

Подъем был крутой. Кирилл соскочил с седла и пошел по теплому асфальтовому тротуару, держа велосипед за руль. Было безлюдно, цвели в канаве маленькие ромашки, и совсем по-летнему гудел в траве у забора шмель.

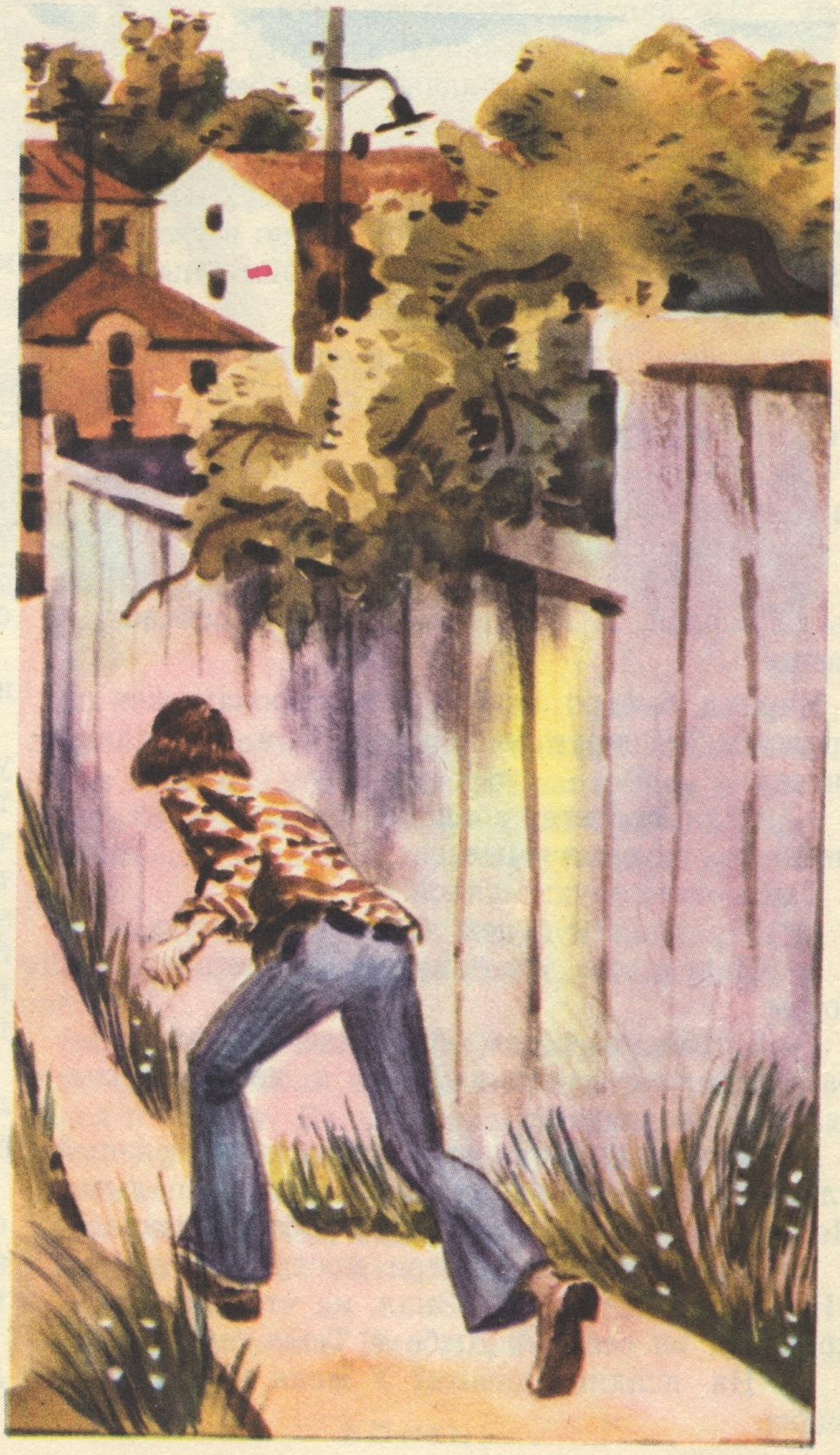
До верха было далеко еще, когда, раздвинув доски в заборе, навстречу Кириллу вышли Дыба и незнакомый парень.

Парень был ростом с Кирилла, но пошире.

Они встали на дороге.

...В колыбельной песне для Антошки были слова про пять минут на решение и пять секунд на бросок. Сейчас пяти минут не было. Пяти секунд тоже. Была, пожалуй, секунда, чтобы

Дыба не выдержал
и побежал неуклюжей рысью.



рывком развернуть «скиф» и прыгнуть в седло. Но в эту секунду Кирилл успел понять и решить многое. Он почувствовал, что, если теперь спасется бегством, всегда потом придется бегать и прятаться. Ведь не будешь всю жизнь ходить вшестером. И получится, что он с Дыбой одинаковы: если сильный, то король, а если слабее — поджимай хвост.

И к тому же в «Колыбельной» ни словечка нет о дороге назад.

Кирилл шагнул вперед.

Дыба заухмылялся.

— Гордый, — сказал он. — Поначалу все гордые...

Его приятель растянул бледные губы. Это, видимо, тоже была улыбка, но какая-то бесцветная. Кирилл увидел темные щербатые зубы. Еще он заметил, что у парня слезятся глаза, а лицо словно припорошено серой пылью. «Насквозь, дурак, прокурен, — машинально подумал Кирилл. — Дыхание, наверно, еле-еле...»

— Поставь машину, поговорим, — небрежно предложил Дыба. — Драпануть все равно не успеешь.

— Успел бы, если бы хотел, — сказал Кирилл и дернул руль, на который Дыба положил лапу. — Не цапай, я потом не отчищу.

Он прислонил велосипед к забору и прислонился сам — рядом с задним колесом.

— Ну, чего надо?

Они стояли в метре от него. Дыбин приятель смотрел равнодушно, а Дыба все ухмылялся. Он хотел казаться обрадованным, но в ухмылке проскальзывало разочарование: пойманный Кирилл вел себя не по правилам.

Дыба перестал улыбаться и спросил:

— Тебя, цыпленочек, когда-нибудь били? По-настоящему?

— Это по-бандитски, значит? Как вы Чирка? — прищурившись, произнес Кирилл.

Дыба снисходительно разъяснил:

— Не, Чирка мы любя, для воспитания. Чтобы слушался. А как по-настоящему, сейчас узнаешь.

Кирилл быстро глянул по сторонам: нет ли прохожих? Вокруг было пусто. Он торопливо сказал:

— Если тронете, сволочи, будете через час визжать и слезами умываться.

Дыба опять заухмылялся:

— У-у, где мы будем через час! Тю-тю...

— Далеко не утютюкаете. Не сегодня, так потом...

— Потом это потом. А сейчас это сейчас, — рассудительно заметил Дыба и деловито сказал: — Тюля, давай...

Прокуренный Тюля вынул довольно грязный платок и зачем-то начал наматывать на пальцы. Не спеша и аккуратно, будто к работе готовился.

Кирилл ощутил внутри противную дрожь. «Ну-ка, не вздрагивай. Знал, на что идешь», — приказал он себе. А Дыбе и Тюле сказал:

— На психику давите? У меня нервы в порядке.

Он дернул на сумке застежку-«молнию» и выхватил бутылку с молоком. Двухсотграммовую бутылочку с делениями на белом боку, с пушистой ватной пробкой. Жаль Антошкиного обеда, но выхода нет.

— Расшибу о башку, кто первый сунется, — пообещал он и решительно сцепил зубы.

Дыба вдруг сделал скучное лицо и нехотя проговорил:

— Да ну его, Тюля, чокнутого. Пошли, а то вон кто-то сюда прется...

Кирилл попался на удочку. Посмотрел в сторону, и в тот же миг бутылочка, выбитая из руки, разлетелась на асфальте. Дыба довольно заржал.

И тогда неожиданно даже для себя Кирилл влепил ему хлесткую оплеуху.

«Глупо, — тут же понял он. — Этим его не свалишь». Однако Дыба стоял, изумленно приоткрыв рот, и Кирилл развернулся к Тюле. «Ногой его...» Но Тюля увернулся и встретил Кирилла прямым ударом в лицо. Будто граната взорвалась!

Кирилл отлетел на забор. Красные тяжелые капли начали часто падать на майку. Он не ощутил сильной боли, только голова отяжелела. И страха не было. Но майку вдруг стало жалко до слез: отец так радовался, когда подарил ее... Кирилл вытер ладонью слезы, локтем кровь с нижней губы и прыгнул к Тюле. Сумел закрыться от кулака и ткнуть костяшками в Тюлины губы. Но вмешался Дыба: тяжелым толчком швырнул Кирилла в молочную лужу с осколками.

Как на горячие гвозди...

Кирилл не смог подняться сразу. Но они не спешили, они дали ему встать. Он встал и посмотрел себе под ноги. По ногам из порезов бежали тонкие алые струйки и смешивались на асфальте с молоком. С локтя тоже капало. И с подбородка.

— Хватит на первый раз? — спросил Дыба и сплюнул. — Или еще? Айда, Тюля...

— Боишься, гадина? — тихо сказал Кирилл и посмотрел на Дыбу исподлобья. — А ну, стой.

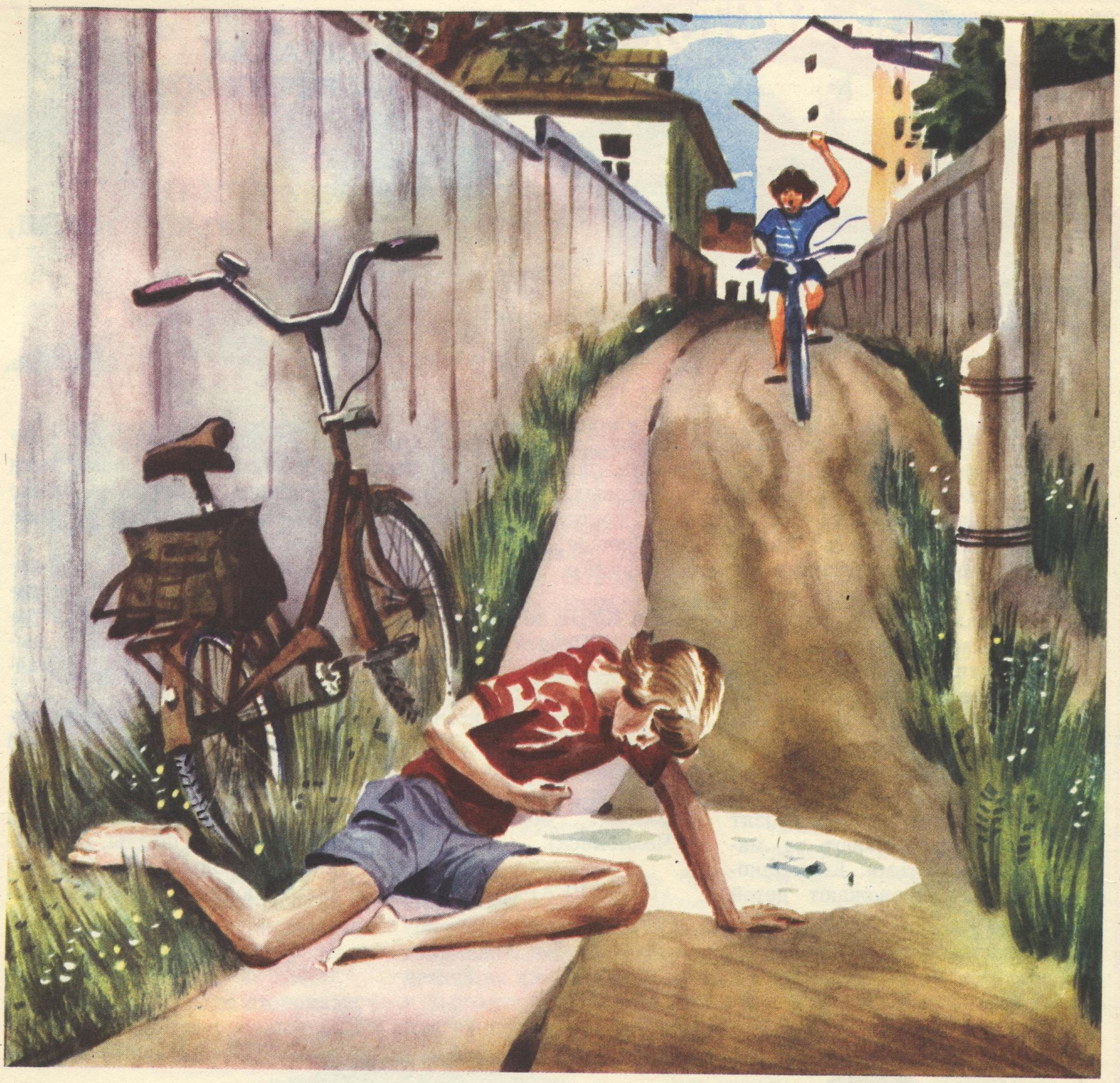
Он четко знал, что сейчас сделает. Головой ударит Дыбу в поддых, а когда тот согнется, он толкнет его на молчаливого палача Тюлю. Потом рванет с велосипеда тяжелый насос и врежет тому и другому по ненавистным рожам! Наотмашь! За все... За Чирка, за свою боль, за эту бело-розовую лужу на асфальте. За всех, над кем они издевались! За всех, кого они еще могут обидеть! За Антошку!

Он пригнулся и бросился на Дыбу, но от умелого удара под ребра опять отлетел к забору и упал в траву у своего «скифа».

Тюля подскочил и воровато, но сильно ударил ему два раза ботинком в бок. Кирилл приподнялся на локте и хотел вцепиться ему в ногу, но не сумел. Он почти не мог дышать.

И сквозь гудящую боль он вдруг услышал далекий тонкий голос:

— Кир, держись! Кир, я сейчас!



— *Кир, держись!*

У Тюли оказалась кошачья реакция: он взлетел на забор и упал с другой стороны. Дыба не был так ловок. Он суетливо зацарапал ногами по доскам, стараясь нащупать ту, которая отодвигалась. И не мог.

А сверху летел на велосипеде Митька-Маус. Он не тормозил на спуске. Наоборот, он так вертел педали, что коленки его мелькали на солнце, будто зайчики на желтых лопастях ветряка. Он вцепился в руль одной рукой, а в другой он, как палицу, поднял схваченный где-то кривой тяжелый сук. И как черный грозный вымпел, металась у него над плечом оторвавшаяся лямка...

— Кир, я здесь!

Дыба так и не нашел доску. Он торопливо зашагал вниз, потом не выдержал и побежал неуклюжей рысью. Видимо, ему, как и Тюле, в голову не пришло, что горластый пацаненок мчится сюда один. Они же не знали, что вчера Кирилл и Митька обещали всегда заступаться друг за друга.

Кирилл опять встал. Глотнул воздух. «Не уйдет, — подумал он про Дыбу. — Мы на колесах...»

Он шагнул к велосипеду, однако от колючей неожиданной боли в ребрах согнулся и прислонился к забору. Боль словно пришила его к доскам. Но через несколько секунд Кирилл сжал ее в себе.

Он опять начал медленно выпрямляться.

А Митька был уже совсем рядом и все кричал:

— Кир, держись! Кир, я сейчас!

КОНЕЦ

В КАКИХ СТРАНАХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА ДЕЙСТВУЮТ ТИМУРОВСКИЕ КОМАНДЫ ИЛИ ДЕТСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ, ПОХОЖИЕ НА НИХ?

ОТВЕЧАЮТ УЧАСТНИКИ ВИКТОРИНЫ

«Во ВЬЕТНАМЕ действуют тимуровские команды. Их дела похожи на дела наших тимуровских отрядов.

Во время войны во Вьетнаме и с американскими агрессорами и потом с китайскими захватчиками рядом со взрослыми сражались и делили все тяготы жизни дети. И в мирное и в военное время пионеры-тимуровцы заботятся о ветеранах, помогают семьям погибших воинов, помогают инвалидам войны. Они собирают хворост, возят воду, присматривают за маленькими детьми. Если школа далеко, провожают детей в школу, неграмотных учат грамоте, помогают взрослым на рисовых полях. Ухаживают за коровами, буйволами» (Тимуровцы, школа № 69, г. Горький).

«На КУБЕ тоже есть тимуровцы. Ребята помогают больным, инвалидам, семьям военнослужащих. Они работают по заданиям комитетов защиты Революции. У каждой школы есть своя зона тимуровских дел» (Штаб «Гайдаровец», школа № 63, г. Челябинск).

«В БОЛГАРИИ тимуровцы города Петрич помогают взрослым ставить памятники погибшим воинам — белые каменные пирамиды со звездами наверху.

Тимуровцы города Смоляны — частые гости на пограничных заставах. Они украшают их к праздникам, выступают перед пограничниками с концертами.

В шахтерском поселке тимуровская команда «Белый голубь» делает очень много хорошего. Тимуровцы выбирают куски угля из пустой породы около шахты, вскапывают огороды одиноким старым людям, работают на

стройках» (Тимуровцы, школа № 75, г. Новокузнецк).

«В ГДР четвероклассники 57-й школы города Дрездена прочитали книгу «Тимур и его команда» и тоже создали тимуровский отряд.

Девочки из этого отряда решили помочь фрау Ноак. Ей исполнился восемьдесят один год. Девочки стали приходить к ней каждую неделю. Они подметают полы, вытирают пыль, ходят в магазин, и все это делают с охотой. Однажды девочки узнали, что много хлопот фрау Ноак доставляет ее маленький сад. Они тут же взяли лопаты и садовые ножницы и привели сад в порядок. Фрау Ноак ими довольна.

В ГДР и среди второклассников есть тимуровцы.

Недавно Фридрих Хайнце, он сейчас служит в армии, получил посылку из родного города. Отправил ее тимуровский отряд второго класса. Очень удивился солдат. И обрадовался. Вот какой сюрприз приготовили тимуровцы!

Пока солдат служил в армии, они помогали его маме, поздравляли ее с праздниками, дежурили у нее, когда она болела, зимой убирали снег у ее дома» (Отряд имени Гайдара, школа-интернат № 16, г. Ульяновск).

«В ВЕНГРИИ есть братские могилы, где захоронены советские воины, те, кто погиб, освобождая Венгрию от немецких фашистов. С весны и до поздней осени на могилах цветут цветы. Зимой школьники украшают могилы венками из хвои и ярких самодельных цветов» (Штаб «Гайдаровец», Дом пионеров, г. Стерлитамак).

«В МОНГОЛИИ тимуровцы выбирают детские домовые комитеты, составляют графики дежурств во дворах и подъездах. Они следят за чистотой дворов, озеленяют их, моют подъезды. Очень благодарны ребятам жители домов за такую заботу.

А в селах ребята помогают чабанам и объездчикам лошадей» (Тимуровцы, школа № 82, г. Свердловск).

Победителями по восьмому вопросу викторины стали тимуровцы пятого «Б» класса школы № 69 из города Горького.

ИНФОРМАЦИЯ К СЛЕТУ

На заседании штаба Тимура обсуждался важный вопрос: где проводить II Всесоюзный слет тимуровцев, какой будет его программа? Очень помогли нам ваши письма, ребята. Спасибо!

Что решил штаб?

Слет будет проходить в Черкассах. Ребята побывают в Каневе и Лепляве, где сражался и геройски погиб А. П. Гайдар.

Что будет интересного на слете?

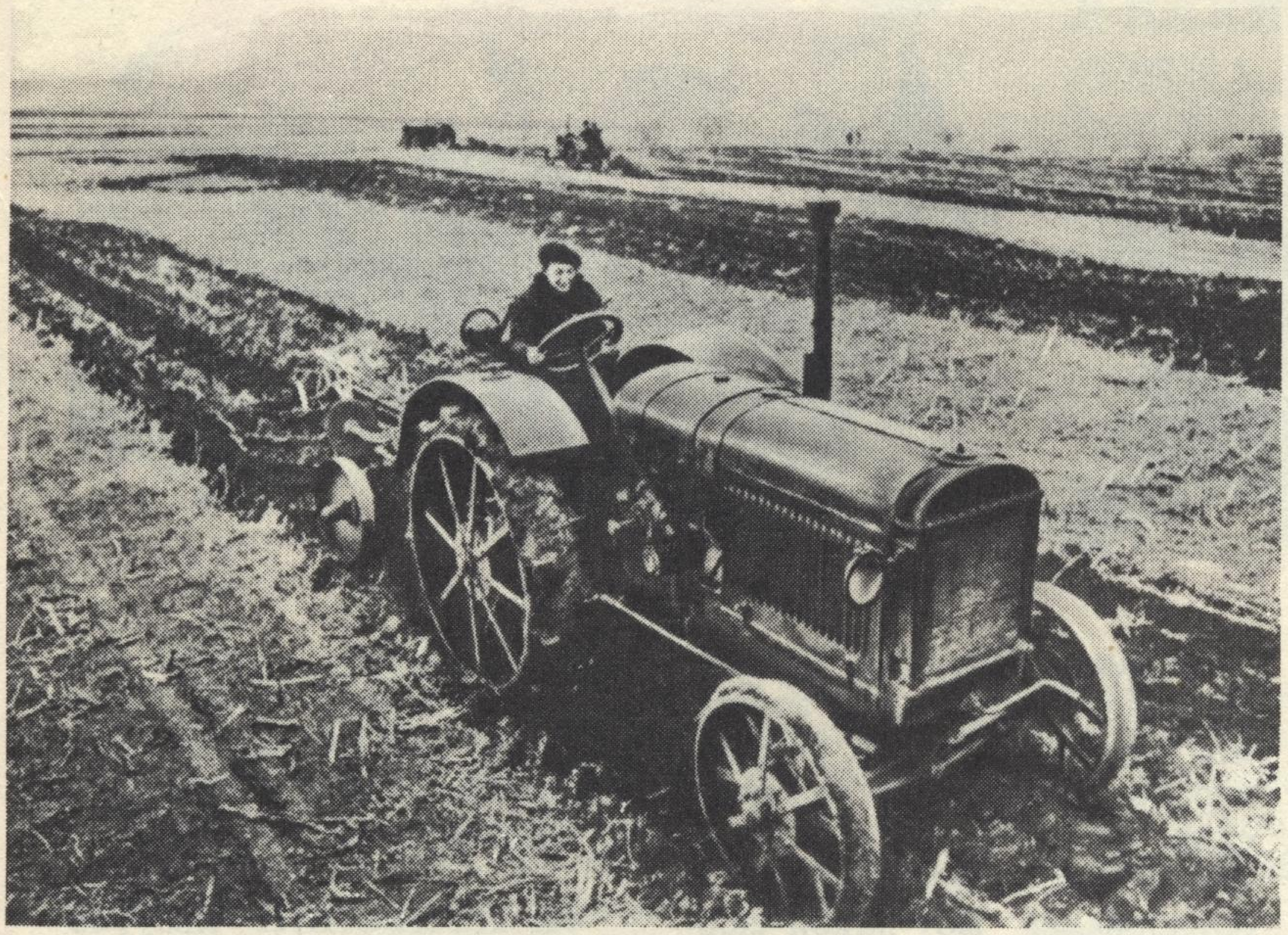
Один день на слете будет посвящен памяти Гайдара. Ребята встретятся с боевыми друзьями Гайдара, побывают на стоянке партизанского лагеря в лесу, возложат цветы на могилу писателя.

Поделиться опытом тимуровцам поможет конференция «Тимуровцы семидесятых». К этому разговору надо заранее готовиться.

Пройдет трудовой тимуровский десант. Делегатам за один день надо разведать, кому нужна помощь, успеть всем помочь и вечером выпустить «Боевые листки». Все увидят: кто что сделал за день.

В Каневе ребята посетят библиотеку-музей имени Гайдара, музей великого украинского поэта Тараса Шевченко.

На слете будет много конкурсов, викторин. Пройдет кинофестиваль фильмов, поставленных по произведениям Гайдара.



Этот снимок сделан в тридцатые годы. За рулем трактора — Прасковья Никитична Ангелина.

СЛАВНАЯ ФАМИЛИЯ— АНГЕЛИНЫ

«Работать сегодня лучше, чем вчера, завтра — лучше, чем сегодня» — с таким призывом обратился XVIII съезд ВЛКСМ ко всей молодежи страны.

Девушку, которую ты видишь на нижнем снимке, зовут Паша Ангелина. От имени будущих рабочих, механизаторов, строителей, от имени молодых, которые учатся в профтехучилищах, прошлой весной она приветствовала съезд комсомола. «Вместе с подругами, — сказала она, — мы решили создать комсомольско-молодежное звено. Приложим все силы, чтобы стать такими же стахановцами, какой была моя бабушка — Прасковья Никитична Ангелина, какими были ее комсомольские подруги...»

...Знаменитая Паша Ангелина-трактористка. И это в тридцатые годы, когда даже представить себе женщину за рулем трактора было невозможно. А Паша Ангелина на своем маленьком и неуклюжем «Фордзоне» ставила рекорды. И создала первую в стране женскую тракторную бригаду.

Об этих девушках, укротивших стальных коней, в то время слагали песни.

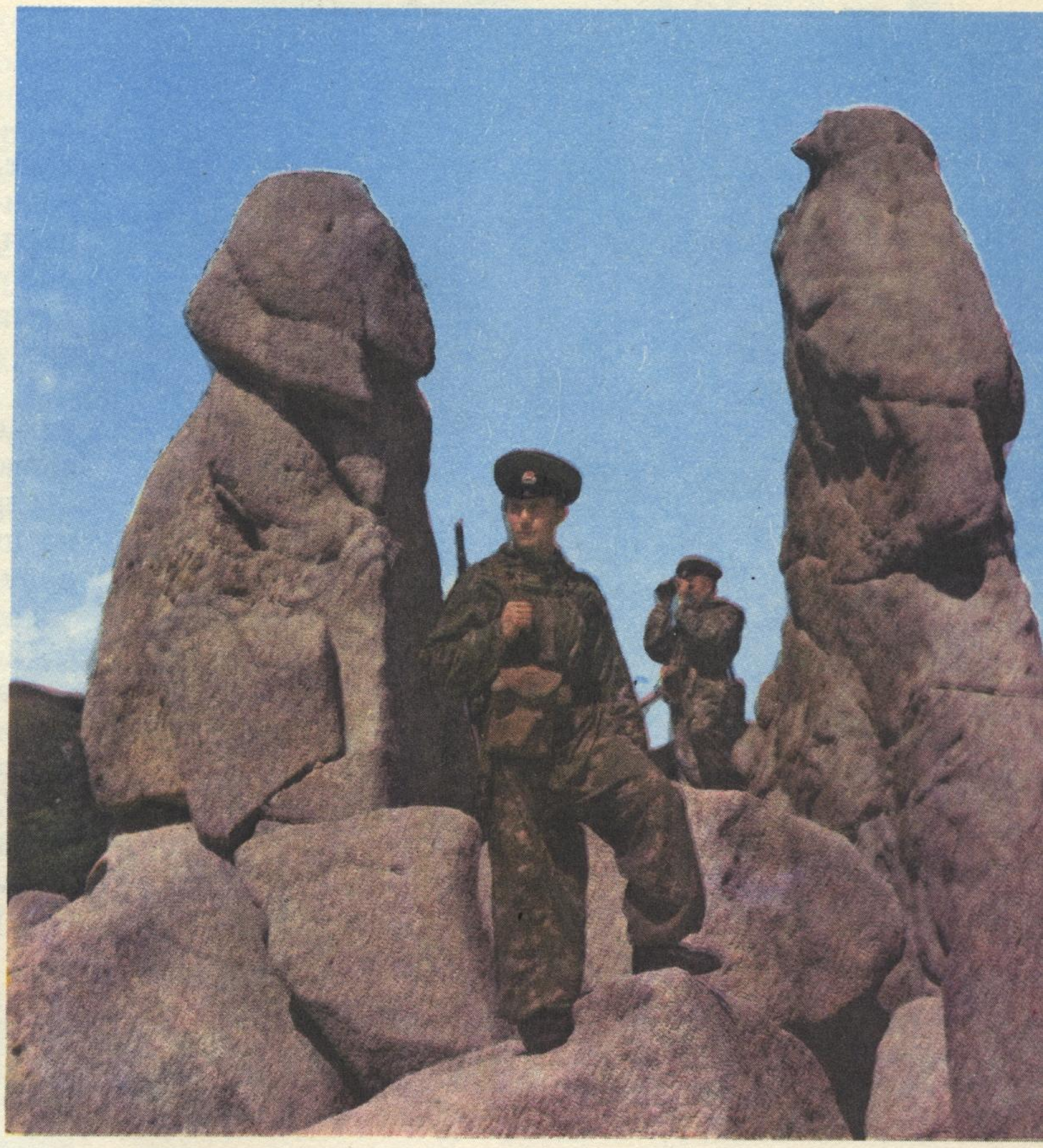
В Пашиной бригаде тогда были и ее сестры. Потом вырос сын, тоже стал трактористом, выросла внучка, которую в честь бабушки назвали Пашей...

...После съезда комсомола прошел год. Выполняя наказ его делегатов, всюду — на ударных стройках, на колхозных полях и фермах Нечерноземья — трудится молодежь.

Паша-младшая закончила сельское ПТУ в своем селе Раздольном Донецкой области. Стала трактористкой на земле, где когда-то Прасковья Никитична провела свою первую борозду. Много образованных, грамотных молодых ребят пришли в сельское хозяйство. Они с честью продолжают традиции ударников первых пятилеток.

И. ПАВЛЕНКО

НА ФЛАНГЕ ЛЕВОМ, НА ФЛАНГЕ ПРАВОМ



В. КОРЖИКОВ

Фотографии Б. ВАВИЛИНА

СЕРЖАНТ ПОЛКОВНИКОВ ВЕДЕТ ЗАНЯТИЯ

Я ехал в пограничный поселок на берегу озера, чтобы встретиться с мальчишками и девчонками — юными друзьями пограничников, которые давно дружат с заставой и даже помогли задержать нарушителя.

Неожиданно на дороге мелькнул бурундук. Выскочил и бросился наутек. Рядом на соевом поле радужно вспыхнула головка фазана. Из пыльных камышей высунулся енот и отпрянул назад...

— Только тигра не хватает! — сказал шофер. — Полковников вчера видел его. Точно!

— Какой полковник? — недослышав, спросил я.

— Не полковник, а Полковников, старший сержант, — улыбнулся тот. — Толковый парень.

Полковникова я увидел неподалеку от школы. Вокруг него толпились ребята в куртках, в пальто: было солнечно, но холодный ветер гнал по сопкам желтые листья. А Полковников был во френче, подтянутый, крепкий.

Он показывал ребятам отпечатки на следовой полосе. Вот такой след бывает, когда нарушитель двигается боком. Вот такой, если решил хитрить и пятиться...

У Полковникова на занятиях все серьезно.

Ребята знают, что о проверке документов им рассказывает человек, который несколько часов назад сам их проверял. Поднимался ночью по тревоге, бросался на выручку друзьям. Поэтому к его словам они относятся серьезно.

И это важно. Живут они на границе и с тем, о чем рассказывает Полковников, сталкиваются не только на занятиях, но и в жизни.

Однажды Женя Артемов и Алеша Синченко гуляли в сопках. И совсем неожиданно у развалин старого поселка встретили трех незнакомых людей. На местных жителей непохожи, за плечами мешки. Мальчишки переглянулись: кто такие? Мужчины попросили показать дорогу.

Ребята сделали вид, что согласились. А сами вывели незнакомцев к пограничникам на проверку документов.

Случались, конечно, и курьезы. Проверили у проезжих документы — оказалось, они к родственникам в гости. Но никто не смеялся над ребятами. Граница — дело серьезное.

Полковников учит их не только различать следы.

Не хотели мальчики принимать в отряд девочек. Но Полковников сказал: «А ведь Родина — она не только мальчишечья! И охранять ее хочет каждый!» И все согласились.

Выбирали ребята помощника командира своего отряда. Спорили. Мальчишка, которого предложили, хороший, но очень тихий. И тут вспомнили рассказ Полковникова. Был на заставе рядовой Гребенников. Умело ходил по следу. Отлично работал с собакой. Все хорошо. Да больно уж тихий, застенчивый человек.

И вот однажды прихворнул на заставе прожекторист. Вместо него послали на пост Гребенникова. Все шло как обычно. И вдруг среди

Полковников ведет занятия.

СЛАДКАЯ СОПКА

— Это мы ее так зовем! — сказал мне лейтенант. — Винограду и орехов на ней полно. Медведи-сластены ее всю объели. Хотите вместе с нарядом подняться на нее? Правда, — предупредил он с усмешкой, — у нас это считается испытанием. Поднимешься на сопку легко, значит, стал пограничником.

Я поднимался за лейтенантом, стараясь идти, как он, — легко и быстро. За мной шел высокий сержант с автоматом и рацией.

Сначала я шел легко. Казалось: еще несколько шагов — и вот она, вершина! Но поднял голову и увидел, что сопка только начинается и тянется вверх без конца.

Я прошел еще немного и начал задыхаться. Перед нами все круче поднимались валуны, дыбились замшелые камни и, как оленьи рога, торчал валежник. Я спотыкался о корни деревьев. Лейтенант шел все так же легко.

Лес стал реже. Не поднимая головы, я перебирался через какие-то ямы, траншеи. Как потом мне объяснили, во время войны здесь были укрепления. Голова кружилась... И вдруг я наткнулся на лейтенанта. Он стоял на вершине.

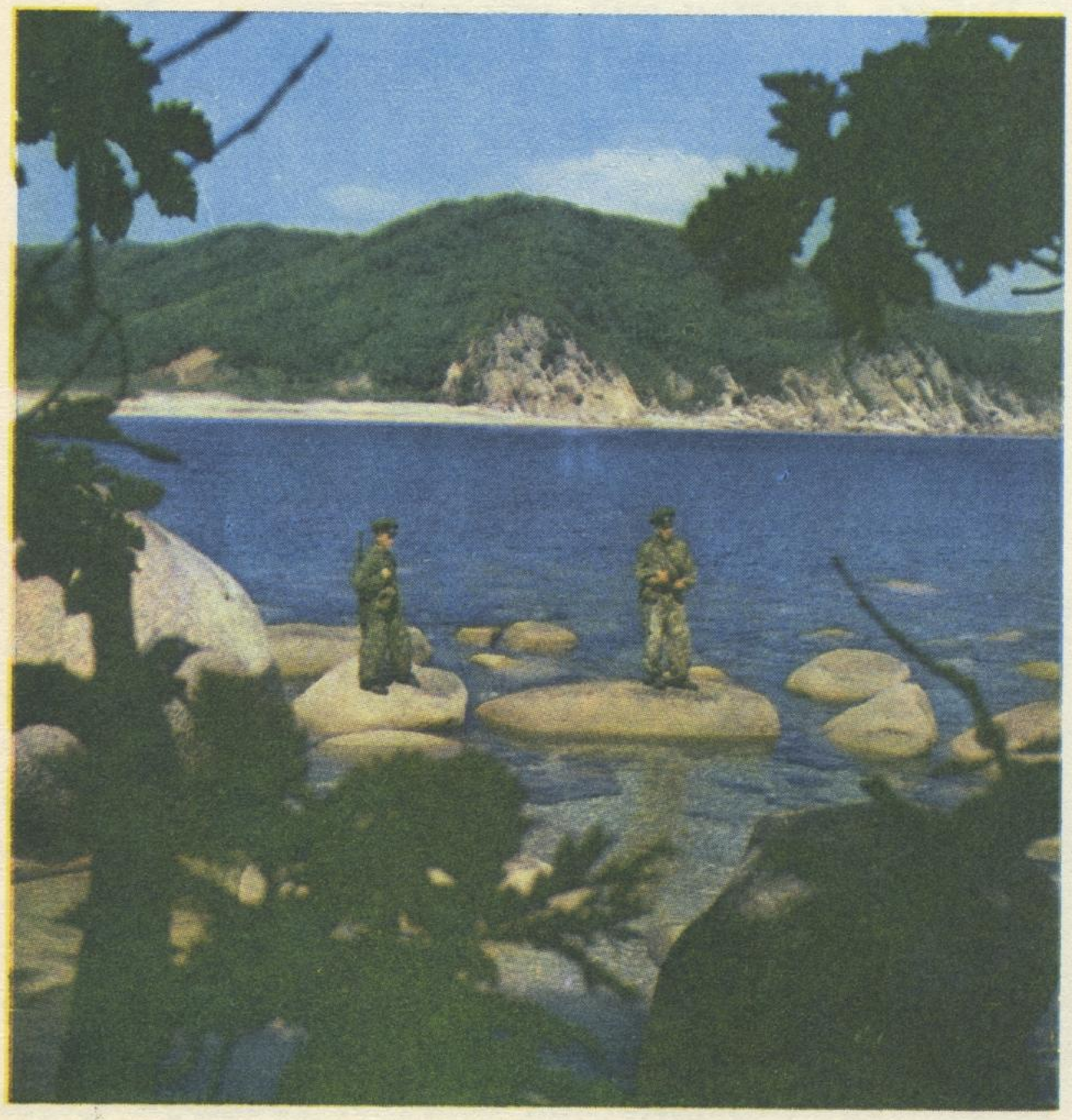
— Тяжеловато! — сказал я с одышкой. И с уважением посмотрел на пограничников.

Женя Артемов и Алеша Синченко.

тишины и темноты хруст, и на секунду у полосы вспышка, огонек! Гребенников сообщил на заставу. По сигналу тревоги подоспела тревожная группа. И по направлению луча, который точно повел прожектором Гребенников, быстро вышла прямо на нарушителя!

Так что не в том дело, бойкий человек или застенчивый. Главное, как человек работает.

Отсюда начинается Родина...



СОБАКОМАШИНА

Как-то я спросил ребят на одной заставе, можно ли определить, сколько времени прошло с тех пор, как оставлены следы? И сразу кто-то из мальчишек засмеялся:

— Здесь нужен самый точный пограничный прибор!

— Какой? — спросил я.

— Собака! — почти хором крикнули мальчишки.

— Ни один прибор не может так провести по

следу, как собака! — сказал мне и лейтенант Виталий Гуров. — Если бы попробовали создать такую собакомашину, так она заняла бы, наверное, целый вагон. Значит, в погоню за нарушителем пришлось бы посылать целый собакопоезд!

У самого Виталия был прекрасный пес Лютый. Познакомились они давно. Когда Гуров только пришел служить на заставу.

Работать Лютый начал хорошо. Понимал хозяина: и доброту и строгость, не ленился. Если на границе случалось что-то серьезное, сразу появлялся Гуров со своей собакой. Много километров прошли они. Много видели следов и звериных и людских.

А потом Гурова направили в училище, и пришло время расставаться. Затосковали и человек и собака. Гуров для Лютого купил сразу целый килограмм конфет. Но Лютый не ел конфеты, и по морде старого, бывалого пса катились слезы.

— Много собак воспитывают для службы на границе ребята, — сказал мне Гуров, — некоторые приходят служить со своими собаками. Юра Речкунов приехал с собакой Бертой. Валера Петухов — с Розой. Женя Гудзь — со своим Принцем...

— Вот бы встретиться с такими ребятами! — не удержался я.

— Может, и встретитесь! — улыбнулся Гуров, на прощание пожимая мою руку.

Кто прошел?

ПОГОНЯ

До следующей заставы ехали мы долго.

Сопки становились все ниже, и вскоре перед нами потянулась равнина с лиловыми лесами и рыжими болотцами.

У наблюдательной вышки я увидел ребят в красных галстуках. Мальчишек было много, а девочка одна. И я сразу догадался, что это Дина Таранова. Мне про нее рассказывали. Когда она вступила в отряд юных друзей пограничников, мальчишки ей говорили: придешь на заставу, почитаешь стихи, споешь песенку — вот и вся твоя работа...

«И спеть хорошо песню и прочитать стихи — дело нужное! — говорила она. — Но этого мало!» Сделает уроки — и на заставу! И еще подружек ведет. Какое будет задание? Убрать территорию? Помочь на стройке?

И, между прочим, одного из нарушителей пограничного порядка тоже заметила она, пятиклассница Дина!

И потому-то, увидев среди ребят девочку, я решил: это Дина. Правда, удивился: совсем она маленькая.

Дина вместе с другими ребятами участвовала в задержании нарушителя. А было это так.

Однажды Сережа Кузнецов и Саша Крючков увидели незнакомого человека, который шел от околицы. Он остановился у одного из домов и попросил пить. Его пригласили войти в дом. Но человек покачал головой и стал расспрашивать о дорогах: какая куда ведет.

А мальчишки уже на велосипедах катили к заставе. Когда они вернулись с пограничниками, человека не было. Вслед за пограничниками Краснощековым и Балбышевым ребята бросились к лесу. Краснощеков пустил по следу Сардара.

Ребята рассказали мне, как они бежали по следу, и как увидели нарушителя, и как потом, когда нарушитель был взят, они все не хотели уходить с заставы...

О взятии нарушителя узнали в школе, конечно, все. И тем, кто не участвовал в этом, было обидно.

И тогда на заставе решили провести учебную

— Не волнуйся, задержи дыхание, а теперь — пли! Разве промахнешься с таким командиром?

тревогу. На несколько километров по контрольно-следовой полосе проложили след. И через несколько часов по следу пошли Балбышев, Краснощеков и Сардар. С ними ребята.

Во время разговора Сардар сидел рядом. Он слушал внимательно, и глаза его говорили, что все правильно, но он имеет и собственное мнение. Конечно, ребята выполняли задание дружно. Конечно, бежали быстро. Но все-таки Краснощеков иногда придерживал шаг! И его, Сардара. Но все равно кое-кто отстал в лесу... Идти по следу — дело нелегкое.

— А кто-то все-таки добежал? Проработал след до конца? — спросил я.

— Саша Таранов!

— Первым, конечно, Сережа Кузнецов! — сказала Дина.

— А почему конечно?

— Он у нас в отряде лучший пограничник.

Крепкий, смуглый Сережа смущенно сдвинул черные брови.

— Он и собаку растит. Норда!

Так я увидел человека, который и нарушителя помог задержать, и растит собаку, и, когда призовут в армию, будет с ней верно охранять нашу границу.

— Прирожденный пограничник! — подтвердил Александр Балбышев. — Сам вырабатывает все качества, какие должны быть у пограничника!

— А какие же это качества? — спросил я.

В это время рядом появился сержант с медалью на груди, сказал, что с границы поступил сигнал.

Пограничники взяли Сардара на повод, и пес оглянулся, будто приглашал: «Ну вот, пойдемте с нами, и мы покажем, какими качествами нужно обладать на границе».

Перед отъездом я сидел в кабинете у полковника Александра Дмитриевича Константинова — участника суровых боев с нарушителями, пограничником, который награжден самым прекрасным орденом — орденом Ленина. Говорили мы о его давних друзьях-пионерах. Многие из них уже сами стали бывалыми командирами!

И тут в кабинет вошел крепкий, моложавый генерал. Быстрый, веселый, он спросил:

— Так, значит, будете писать о пионерах?

Я кивнул.

— Значит, о нас! — весело сказал генерал и усмехнулся. — А как же! Мы ведь тоже были пионерами! Честное пионерское! — Он посмотрел на Константинова, и оба они, выросшие на заставах, сыновья пограничников, бойцы Великой Отечественной войны, вместе кивнули. — Были! И мы были пионерами. Честное пионерское!

Я думал, какие верные у нашей земли защитники и какие прекрасные у них друзья, всегда готовые прийти на помощь. И на левом и на правом фланге.

Журнал «Пионер» начинает перекличку отрядов юных друзей пограничников — помощников старших в деле охраны Государственной границы СССР.

Расскажи, как живет ваш отряд?

Как вы помогаете воинам-пограничникам и как они помогают вам?

Что вы уже успели сделать?

Много ли у вас в отряде девочек?

Кого вы выбрали своим командиром и почему?

Что вы делаете для того, чтобы расти сильными и ловкими?

Воспитываете ли вы собак для службы на границе?

Какие интересные дела вы хотите предложить другим отрядам ЮДП?

Ждем писем. На конверте сделай пометку «Перекличка отрядов ЮДП».

Рисунок В. КОСТИЦЫНА

Валерий **АУШЕВ**

ИВАНОВ САД

БЫЛЬ

I

Когда вернулся дед с войны,
Пилоткой пот отер с лица,
Достал мешок из-за спины,
А в нем —
два тонких деревца.
Их корешками окунул
В ушат с водою дождевой
И в дом шагнул:
— Кто есть живой?
И спящих нас в охапку сгреб,
И бородой нам щеки скреб,
И тормошил,
И хохотал:
— Никак не думал,
не гадал,
Что вас увижу, сорванцы.
А вот гостинцы.
Налетай,
Пока не слиплись леденцы!..
Ну, здравствуй, мать!
Умыться дай
Да присмотри лопату мне,
Душа иссохлась по земле...
За огороды полдеревни
На деда глянуть потекло.
Петровны, Павловны, Андревны
Глотали слезы тяжело.
Но деду кланялись приветно
Их нынче светлые платки:
— Иван вернулся.
Значит, верно —
Придут и наши мужики.
А мы тянули молча шеи,
Глядели, как наш дед-солдат
Свои нехитрые трофеи
Сажал среди морковных гряд.

II

Давно уж нет на свете деда,
А свет его души большой
Живет в саду,
как та Победа,
С которой он с войны пришел.
Над садом
белоцветья вьюга...
И новоселы здесь друг друга
Пока в лицо не узнают,
Но сад Ивановым зовут.

***Ведет журналист-международник* Вл. ВАСИЛЬЕВ**

ПРЕДАТЕЛИ ИЗ ПЕКИНА

Вернемся к событиям 17 февраля 1979 года. Запомним эту дату. Ранним утром жители вьетнамского города Лангшон и других городов, расположенных у китайской границы, были разбужены звуками артиллерийской канонады. Стреляли через границу, со стороны Китая. А спустя некоторое время на территорию Вьетнама в разных местах вторглись десятки тысяч китайских солдат.

В этих районах Вьетнама никаких других воинских частей, кроме пограничных, не было, и врагу удалось проникнуть в глубь страны на двадцать — тридцать километров. Захватчики не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков. Они уничтожали жилые дома, фабрики и заводы, больницы, школы.

Героический вьетнамский народ дал достойный отпор захватчикам. Он это делал не раз в прошлом, когда вел борьбу за независимость и свободу, вначале с французскими колонизаторами, а потом с американскими империалистами.

Пекинские правители 17 февраля окончательно разоблачили себя в глазах всех прогрессивных людей как предатели дела социализма. Они подняли руку на мирную социалистическую страну.

Для многих это не было неожиданностью. И вот почему. Правители Китая, как нынешние, так и их предшественники, давно вынашивали планы установления в Азии своего господства. Во-первых, путем расширения территории Китая за счет соседних стран. В Пекине издана карта так называемых «утраченных в давние времена территорий» — это Вьетнам, Лаос, Кампучия, Таиланд, Бирма, Малайзия, Непал, Бутан, Корея, Монголия, часть Индии, Японии и часть СССР. В последние два десятилетия под предлогом возвращения некоторых из этих земель Пекин не раз устраивал военные провокации против соседних государств, в том числе и против нашей страны.

Во-вторых, китайские правители хотят подчинить себе соседние государства политически. Они пытаются сделать из них послушных исполнителей своей воли на международной арене.

В Пекине не скрывают своего желания: сеять вражду и недоверие между государствами, спровоцировать третью мировую войну, всячески тормозить разоружение, противиться любым действиям Советского Союза и других социалистических стран по ослаблению международной напряженности. Китайские правители дошли до того, что Советский Союз, первую страну победившего социализма, считают своим врагом № 1, а с фашистской хунтой чилийского диктатора Пиночета братаются, как закадычные друзья.

Маоисты, проводя гегемонистскую политику, не раз пытались склонить на свою сторону Вьетнам. Недавно стало известно, что в 1965 году, когда началась открытая агрессия США против Демократической Республики Вьетнам, Дэн Сяопин, один из нынешних пекинских руководителей, предложил Вьетнаму отказаться от помощи СССР в обмен на полное покровительство Китая. Вьетнам, который всегда был верен принципам социалистического интернационализма, отклонил предложение маоистов.

Уже тогда китайские правители стали чинить всяческие препятствия при перевозке советских грузов, в том числе и военных, шедших во Вьетнам через территорию Китая; разными способами давали понять Соединенным Штатам, что не будут вмешиваться в войну, поощряя их тем самым расширять агрессию. А после войны, когда героический вьетнамский народ победил, пекинские правители отозвали работавших во Вьетнаме китайских специалистов, прекратили научно-техническую помощь, спровоцировали антивьетнамские выступления проживавших во Вьетнаме лиц китайского происхождения, организовали налеты на пограничные пункты и, наконец, совершили вооруженную агрессию.

Таков путь маоистских правителей к предательству, открыто совершенному при молчаливом согласии и поощрении американских империалистов.

Но у героического Вьетнама много верных и преданных друзей. Это Советский Союз, другие социалистические государства, коммунистические и рабочие партии. Прогрессивные люди во всем мире. Их поддержка помогла Вьетнаму дать отпор пекинским агрессорам.

В. ЧЕРВЯКОВ

Году ребенка посвящается

Перед вами плакат известного кубинского художника Партокарреро, посвященный Году ребенка.

«Настоящая и будущая жизнь и развитие детей и юношества есть и будут делом, которому Революция, Социалистическое государство и Партия уделяли и уделяют основное внимание», — говорится в Кодексе детей и молодежи Кубы. За двадцать лет судьба детей на острове Свободы преобразилась.

Школа без учителей, а учителя без работы

Эта демонстрация состоялась в западногерманском городе Гельзенкирлен. На транспарантах, которые несли ее участники, написано: «Некому учить детей!», «Школьники ищут преподавателей», «Дайте нам учителей!»

Между тем только на бирже труда этого города зарегистрировано 130 безработных преподавателей.

Как же так? — спросите вы. Дело в том, что из года в год правительство ФРГ сокращает расходы на нужды просвещения, и школы не могут взять на работу столько учителей, сколько необходимо.

Такие же демонстрации прошли во многих городах ФРГ.

Н. КАЙТМАЗОВА

СИМВОЛЫ НАШЕЙ ДРУЖБЫ

В горняцком городе Эйслебене в ГДР возвышается памятник Владимиру Ильичу Ленину. В день рождения вождя пионеры-тельмановцы возлагают к памятнику цветы. 1 Мая здесь проходят демонстрации трудящихся.

История этого памятника такова.

25 октября 1943 года на склад металлургического завода в Эйслебене прибыл железнодорожный вагон с металлоломом, вывезенным фашистами из Советского Союза. В нем оказалась и бронзовая скульптура В. И. Ленина.

Советские люди, насильственно угнанные в фашистскую Германию, разгружая вагон, спрятали скульптуру на складе металлолома. О памятнике узнали и немецкие рабочие-антифашисты. Было решено во что бы то ни стало спасти его.

В 1944 году скульптуру обнаружили на складе. Поступил приказ разрезать памятник Ленину на несколько частей и переплавить. Подпольщики из организации Сопротивления всеми силами старались сорвать выполнение приказа: то вдруг не хватало электродов для резки памятника, то откладывалось его уничтожение взрывом.

Когда в 1945 году в Эйслебен вступили части Красной Армии, немецкие коммунисты установили памятник в центре города.

А горняки Эйслебена подарили трудящимся города Пушкино под Ленинградом, откуда фашисты вывезли памятник, скульптуру вождя немецкого рабочего класса Эрнста Тельмана.

Памятники В. И. Ленину в Эйслебене и Эрнсту Тельману в Пушкино стали символами крепнущей день ото дня дружбы народов Германской Демократической Республики и Советского Союза.

Кемпен ДЕТТМАНН,
корреспондент еженедельника «Хорицонт» (ГДР)

Перевел с немецкого
В. ВАЛЬКОВ.

НАВСТРЕЧУ НОВОЙ ЖИЗНИ

На долю афганского народа выпало много испытаний. Полчища завоевателей не раз проносились по стране. Разрозненные племена, жившие на территории современного Афганистана, не могли им противостоять. Только в 1747 году представители многочисленных народностей, населявших Афганистан, собравшись на джиргу (совет), решили объединиться и создать единое государство.

В 1838 году крупнейшая колониальная держава — Англия попыталась захватить Афганистан. Начались англо-афганские войны, длившиеся почти сто лет. Афганцы мужественно боролись с захватчиками. Но силы были неравными, и неизвестно, чем закончилась бы эта борьба, если бы не Великий Октябрь.

Известие о революции в России придало народу Афганистана новые силы в борьбе с колонизаторами. Афганские патриоты обратились к В. И. Ленину с просьбой поддержать их в борьбе против английских империалистов. Несмотря на войну, разруху, голод, молодая Советская республика пришла на помощь афганскому народу.

В 1921 году в Кремле был подписан советско-афганский Договор о дружбе. Он стал прочной основой для развития добрососедских отношений и сотрудничества между двумя странами.

Но тяжело жилось трудовому народу под властью хана. Полуголодное существование, невежество — таков был его удел. Девяносто процентов населения было неграмотным. Помещики и кулаки жестоко притесняли крестьян, отбирали у них почти весь урожай. В городах чиновники и приближенные хана беззастенчиво грабили жителей.

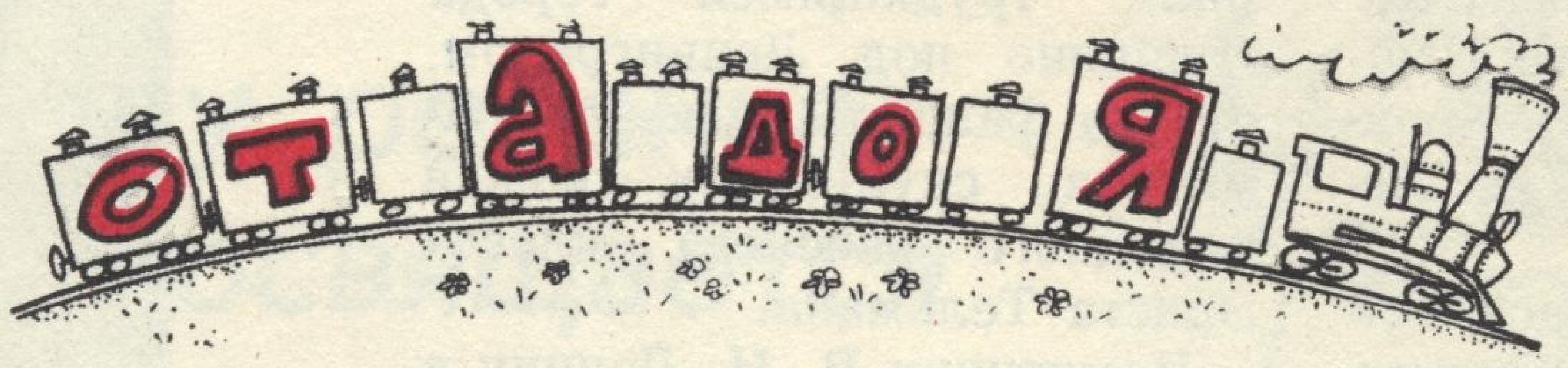
Народ Афганистана не раз восставал против феодальных порядков. И вот в апреле 1977 года к власти пришла Народно-демократическая партия (НДП). Было сформировано первое в истории страны народное правительство. Его возглавил выдающийся прогрессивный деятель Афганистана писатель Нур Мухаммед Тараки.

Два года — небольшой срок, но за это время произошли громадные перемены. Земля, заводы, оросительные каналы, банки перешли в руки народа, ставшего хозяином своей страны.

Строить новую жизнь афганскому народу помогает наша страна. Более 1500 километров асфальтированных дорог, авторемонтный завод, завод азотных удобрений, электростанции в Дарунте и Наглу, десятки других предприятий — все это построено с помощью Советского Союза. Тысячи афганских специалистов получили образование в СССР. Сотни советских инженеров и техников трудятся в различных уголках Афганистана.

В конце прошлого года нашу страну посетил Генеральный секретарь Народно-демократической партии Афганистана Н. М. Тараки. Был подписан новый Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР и Демократической Республикой Афганистан. Это надежный залог светлого будущего молодой республики.

Ю. КИМ



Гегемонизм — политика господства одного государства над другими. Такую политику, в частности, проводят пекинские правители по отношению к соседним странам.

Движение Сопротивления — антифашистское, патриотическое движение, охватившее в период второй мировой войны 1939—1945 годов Францию, Бельгию, Нидерланды, Италию и другие страны, оккупированные гитлеровской Германией и ее союзниками. Главную роль в движении Сопротивления играл рабочий класс, руководимый коммунистами. В нем принимали участие и советские граждане, бежавшие из фашистских концлагерей. Сотни групп Сопротивления нацистскому режиму действовали и на территории самой Германии.

На анкету «Пионера» отвечает известный американский врач и педагог, неутомимый борец за мир и социальную справедливость Бенджамен СПОК

Одна страна, детство разное

Доктор Бенджамен Спок в Кремлевском Дворце съездов. Рядом Народный Герой Вьетнама Нгуен Ньы Хоат.

Меня смело можно назвать ровесником века: я родился в 1903 году.

Мой отец был адвокатом местной железнодорожной компании, а отцы большинства моих друзей преподавали в Йельском университете или служили в фирме «Винчестер Райфлз Компани», выпускавшей охотничьи ружья. Короче, мы были дети обеспеченных семей. Наши матери не работали, почти все держали прислугу.

Любимой забавой тех лет были для меня велосипед и роликовые коньки. Помню, я страшно завидовал одному своему приятелю, которому отец купил игрушечный электрический поезд. По тем временам это была роскошная игрушка.

Занимались в школе мы весьма усердно. Главным образом потому, что наши родители ждали от нас продолжения образования в университете. Но я не помню, чтобы кто-либо из школьных преподавателей старался сделать уроки творческими или хотя бы интересными.

Как и все дети состоятельных родителей, я вдоволь и вкусно ел, прилично одевался, жил в теплом, комфортабельном доме.

Что же касается отношений детей с родителями и вообще со взрослыми, то они были в ту пору простыми: мы не имели никаких прав. Мы принадлежали своим родителям, и они могли обращаться с нами как им заблагорассудится. Естественно, мы трепетали перед родителями и учителями.

Мы только понаслышке знали о «плохих мальчиках», которые не ходят в школу и нередко промышляют воровством, и о «плохих девочках», сбежавших из дому и вообще неизвестно чем промышляющих.

Как теперь живется детям в США?

Как и во времена моего детства — по-разному. В теперешней Америке существует огромное различие в доходах и образе жизни населения. Одни имеют собственные дома, дорогие автомашины. Другие прозябают в бедности: недоедают, живут в трущобах, родители не могут купить лекарств заболевшему ребенку.

Дети богатых родителей учатся в дорогих учебных заведениях. В них классы не перегружены учениками. Там поощряют творческую инициативу, самостоятельную работу учеников в библиотеке или лаборатории, изобретательство. Там учат самостоятельности мышления.

Есть школы поскромнее, подешевле, но там тоже дают сносное образование.

Ребята, оканчивающие и те и другие школы, продолжают учебу в университетах и колледжах. А остальные?

Они учатся в обычной паблик скулз — государственной средней школе. Классы там переполнены. Преподавателей мало. Уроки часто отменяются.

Эти ребята не могут оптимистично смотреть в будущее.

Дети негритянских семей, окончившие школу, часто не могут получить работу из-за расовых предрассудков. Зная об этом, многие негритянские ребята бросают учебу.

Когда семью поражает безработица, когда в двери стучит нищета, дети становятся обузой для родителей, мишенью раздражения. Ребята чувствуют себя лишними. Это порой приводит их на путь преступления. Для Штатов это типично: деньги и материальные ценности значат для нас слишком много.

Я бы строжайше запретил демонстрацию жестоких фильмов и телепередач. С телевизором у нас просто беда! Для большинства американцев, в том числе и для ребят, это основной вид досуга. Подсчитано, что школьник за время учения проводит у экрана 18 тысяч часов. И видит 20 тысяч убийств.

Мне трудно быть прорицателем и предсказать будущее.

Наибольший страх я испытываю перед ядерной войной, развязанной безумием или случайностью. Я активный сторонник запрещения ядерного оружия. Какие огромные суммы тратятся на его производство! Сколько школ и больниц можно было бы построить на эти деньги!

Я буду продолжать работу ради создания в Америке разумного общества, ради мира на земле и полного разоружения, даже если для этого потребуется отдать все мои силы!

Интервью главного редактора издательства «Детская литература» А. А. ВИНОГРАДОВА корреспонденту журнала Римме ДМИТРИЕВОЙ.

— Алексей Максимович Горький говорил, что всем лучшим в себе он обязан книгам. Расскажите, Александр Александрович, чем издательство порадует юных читателей в нынешнем году, который весь мир отмечает как Международный год ребенка?

— Лучшие наши издания в этом году украсит эмблема Года ребенка.

Издательство выпустит книгу «Чтобы солнышко светило, чтоб на всех его хватило». Читателям ее откроются различные судьбы ребят планеты. Декларация прав ребенка, принятая Организацией Объединенных Наций двадцать лет назад, во многих странах только начинает претворяться в жизнь, а кое-где злостно нарушается, тогда как в нашей стране все заповеди Декларации выполняются неукоснительно. Книга, о которой я говорю, рождает гордость за социализм, зовет к дружбе и солидарности всех ребят земли.

Кроме того, выйдет сборник рассказов писателей братских стран «Мой дом», сборник стихов кубинской поэтессы М. Агирре, веселая повесть болгарского писателя П. Незнакомова «Маргаритка и я», книга венгерского писателя М. Халаши «И вдруг раздался звонок» и книга Чан Тхань Зяо «В поисках жемчужного острова» — о судьбе вьетнамского подростка.

Готовятся также переводы произведений многих писателей Азии, Африки, Латинской Америки.

Будет продолжаться издание Библиотеки мировой литературы для детей, состоящей из пятидесяти богато иллюстрированных томов, включающих в себя шедевры отечественной и мировой классики. Выйдут произведения А. Блока, В. Катаева, Жюля Верна и другие.

— Книги обычно пишутся взрослыми. Появятся ли произведения, созданные детьми?

— Агния Львовна Барто в прошлом году выпустила сборник поэзии детей разных стран. Она по крупицам собрала стихи детей, жемчужины их творчества, и дала им завершенную поэтическую форму. Так создалась антология детских стихов, которую писательница назвала «Переводы с детского». Книга эта имела небывалый успех. Агния Львовна собрала много новых стихов, дополнила свою книгу. Иллюстрации к ней сделали ученики советских художественных школ. В нынешнем году выйдет новое красочное издание этой книги. Подобного сборника нет нигде в мире.

— А какие намечены собрания сочинений?

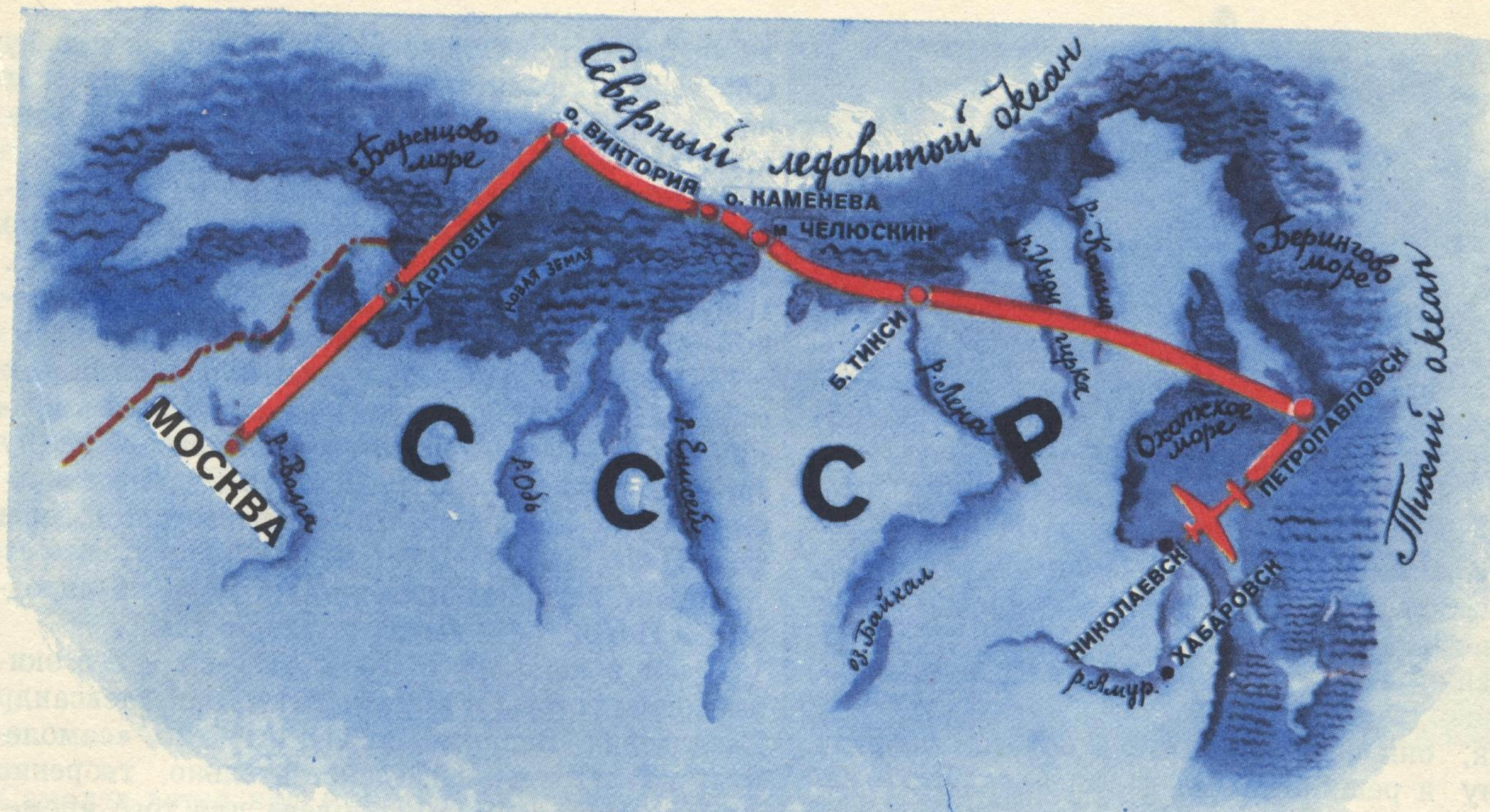
— В связи с 75-летием со дня рождения Аркадия Гайдара выйдет новое собрание его сочинений под редакцией Б. Н. Камова, чьи книги о Гайдаре вы, наверно, читали.

Будет издан трехтомник произведений писателя Анатолия Алексина и четырехтомник Николая Носова.

— А что готовит издательство к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина?

— Мы готовим к изданию художественную лениниану для детей. Это будет подписное издание в десяти томах. В него войдет все лучшее, что было создано нашими советскими писателями.

Мы надеемся, что все эти книги понравятся вам, дорогие читатели.



СОВЕТСКИЙ ХАРАКТЕР

О. Э. ЧКАЛОВА

«ВСЯ СТРАНА СЛЕДИТ ЗА ВАШИМ ПОЛЕТОМ»

Перед стартом

В 1927 году наши газеты много писали о перелете американского летчика Чемберлена через Атлантику. Вылетев утром из Нью-Йорка, он летел целый день и целую ночь над океаном и приземлился под Берлином. Чемберлен преодолел 6294 километра. Большую часть из них над водой и без посадки!

Сегодня перелетом через Атлантику никого не удивишь, а тогда Валерий Павлович долго не мог успокоиться.

— Какой прыжок! Какой прыжок! — восхищенно повторял он.

Авиация развивалась в то время очень быстро. Конец двадцатых годов запомнился блестящими достижениями и мировыми рекордами в разных странах.

Молодая советская авиация накапливала силы.

Чкалов работал тогда в научно-испытательном институте. Испытывая новые машины, он особое внимание обращал на скорость, на способность самолета долго находиться в воздухе. Мысль о полете на дальнюю дистанцию не оставляла его, все настойчивее, упорнее думал он об этом. Более того, вскоре Чкалова захватила идея беспосадочного полета над Арктикой.

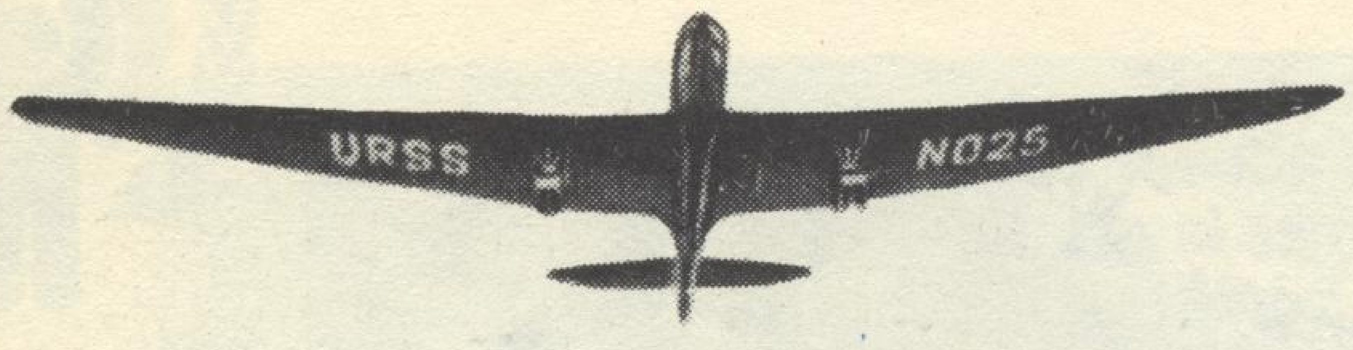
Арктика издавна притягивала к себе многих исследователей. В Арктику пробивались на собаках, плыли на кораблях. Арктику штурмовали и с воздуха — на дирижаблях и самолетах. Привлекала Арктика и советских полярников и авиаторов.

В 1924 году над Арктикой летали Чухновский и Бабушкин. А в 1933 году советские летчики спасали челюскинцев — участников арктической экспедиции.

Словом, понятно было, почему у Валерия Павловича появилась мысль совершить арктический перелет через Северный полюс.

К началу тридцатых годов советская авиационная промышленность освоила новые образцы самолетов. Они появлялись один за другим. Увеличивалась высота, скорость, дальность полетов.

В конструкторском бюро Андрея Николаевича Туполева был создан самолет АНТ-25. На этом самолете летчик С. А. Леваневский отправился в 1935 году в беспосадочный перелет через Арктику, но потерпел неудачу. От Баренцева моря ему пришлось повернуть назад и приземлиться около Ленинграда.



Вот он, знаменитый АНТ-25.

На какое-то время утихли попытки пробить новый маршрут на Север. Некоторые специалисты видели причины неудачи в конструкции АНТ-25. Но Георгий Филиппович Байдуков — второй летчик в экипаже Леваневского — по-прежнему верил в возможности АНТ-25. Он обратил внимание Валерия Павловича на машину Туполева, и они оба загорелись идеей нового полета в Арктику. Нашелся и третий единомышленник — Александр Васильевич Беляков, отважный, талантливый штурман.

Итак, они определили цель полета, выбрали машину и решили время даром не терять — начинать подготовку.

Я помню, как они собирались все вместе. Валерий Павлович старался скрыть от меня маршрут, но я догадывалась, что они задумали что-то небывалое.

А летчики уже не только обсуждали полет, они тщательно изучали машину — готовились к тому, что предстояло. И в то же время продолжали заниматься своими каждодневными делами: Валерий Павлович испытывал новые самолеты, Георгий Филиппович совершенствовался в слепых полетах, Александр Васильевич читал лекции в Военно-воздушной академии.

Старт

В ту пору о замыслах Чкалова и его товарищей знал только нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе. Он и добился у Советского правительства разрешения на этот полет. Однако первоначальный маршрут все-таки изменили.

Экипаж АНТ-25 —
Г. Ф. Байдуков, В. П. Чкалов, А. В. Беляков.

Северный полюс был еще мало изучен. Ивану Дмитриевичу Папанину только предстояло совершить беспримерный дрейф на льдине. И летчикам предложили лететь над нашей страной — до Петропавловска-Камчатского.

Масштабы перелета были неслыханные: маршрут экспедиции пролегал над тремя морями: Баренцевым, Карским и Лаптевых. Никому еще не приходилось преодолеть весь этот маршрут без посадки, что называется, одним махом!

Жизнь летчиков проходила теперь на аэродроме. Порой они даже ночевали там.

И вот в июле 1936 года АНТ-25 и его экипаж были готовы к старту. Штурман Александр Васильевич Беляков назвал АНТ-25 «самолетом из легенды». И действительно, творение Андрея Николаевича Туполева для того времени было замечательным. Огромный тридцатичетырехметровый размах крыльев. Мощный мотор. Самое современное оборудование.

Хорошо помню тот солнечный июльский день, когда я услышала по радио: «Чкалов в воздухе!»

На улицах люди толпились у репродукторов и газетных стендов. Все только и говорили о перелете.

Как-то я спросила у Валерия Павловича, уверен ли он в надежности АНТ-25. Чкалов, как и всегда, высоко отозвался об этой машине. Но как ни надежна была машина и ее экипаж, Арктика оставалась Арктикой. Я верила в успех экипажа АНТ-25, но временами меня охватывала тревога. Три дня перелета показались мне вечностью.

Обычная работа

О первой сложности, с которой им придется столкнуться, летчики знали уже на земле.

Дальность полета зависела от того, насколько хватит горючего. А расход его заранее рассчитать было трудно. Наверняка из-за облачности и циклонов придется менять курс и высоту, значит, идти на непредвиденные траты топлива.

Смогут ли они точно соблюдать график полета — определить это предстояло только в воздухе.

Через девять часов открылась бескрайняя ширь Баренцева моря. Вскоре его затянуло туманом и низкими облаками. Пришлось подняться выше. Первые двенадцать часов машину должен был вести Чкалов, но уже через десять часов у него онемели ноги, и он попросил, чтобы его сменили.

А смена пилотов в АНТ-25 была делом нелегким. Встать во весь рост в кабине невозможно,

поэтому первый пилот отодвигался на сиденье влево и, не оставляя штурвала, переносил обе ноги на левую педаль. Второй пилот в это время по масляному баку пробирался к штурвалу и ставил ноги на правую педаль. Такая процедура поначалу даже забавляла летчиков.

АНТ-25 считался в то время образцом компактности, но кабина его, конечно же, была не приспособлена для отдыха экипажа. Эти редкие часы летчики проводили согнувшись, лежа на масляном баке, причем отдыхающий время от времени подкачивал масло из главного бака в расходный. Перекачивать было легко, пока масло не остыло, но потом с каждым часом делать это становилось труднее.

Таким был Валерий Павлович Чкалов в годы знаменитых перелетов.

Над Арктикой

Самолет летел над Арктикой, в кабине похолодало. Но когда включили обогревание, самолет наполнился запахом гари. Пришлось от этого отказаться. Выручала летчиков меховая одежда.

В десять часов вечера показался остров Виктория. Если лететь дальше на север, можно достигнуть полюса. Не отрывая рук от штурвала, Валерий обернулся и, улыбнувшись, сказал товарищам:

— Чешем напрямую, через полюс в Америку.

Посмеялись, и самолет взял курс на восток — к Земле Франца-Иосифа.

Летели над облаками. Яркое полярное солнце, слепящая белизна облаков, разреженный воздух, невозможность как следует отдохнуть — все это утомляло больше, чем самая тяжелая физическая работа. Появилась сонливость, но спать по-настоящему не спалось, и главное — не хотелось есть. Пока летели над морем Баренца, заставили себя немного перекусить, а потом за все трое суток полета ни есть, ни пить уже не могли...

Вдруг облака неожиданно разошлись. Валерий увидел землю и крикнул:

— Смотрите! Земля Франца-Иосифа!

Под крылом, сколько хватало глаз, расстилалось огромное пространство, намертво скованное вечными льдами. Возвышались ледяные горы, похожие на гигантские столбы и башни. Все это казалось поверхностью незнакомой планеты. Молчание, пустота, никаких признаков жизни.

Вот она, настоящая Арктика! Ни один самолет не пересекал еще эти суровые просторы...

Скоро АНТ опять оказался над морем облаков. А впереди, чуть выше самолета, появился второй облачный слой — тонкая, прозрачная пелена. Постепенно она уплотнилась и закрыла собою солнце. Что-то похожее летчики уже пережили над Баренцевым морем, но теперь облака были плотнее. Они сближались и сжимали могучую машину.

Возникла опасность обледенения. Попытались обойти облака. Записи штурмана говорят о том, что курс пришлось менять девятнадцать раз. Обход облаков заводил далеко на север, а это означало непредвиденную трату горючего.

Шли при порывистом встречном ветре. Как пригодилось сейчас то искусство слепого полета, которым славился Байдуков!

Тонкая корочка льда появилась на стенках кабины — пришлось снова снижаться. Теперь самолет попал в зону дождя.

В Москве начиналось раннее утро нового, второго дня полета. Под самолетом — один из островов Северной Земли.

Дальше путь лежал над Якутией. Циклон остался позади. Ради экономии горючего шли на большой высоте: 4000 — 5000 метров.

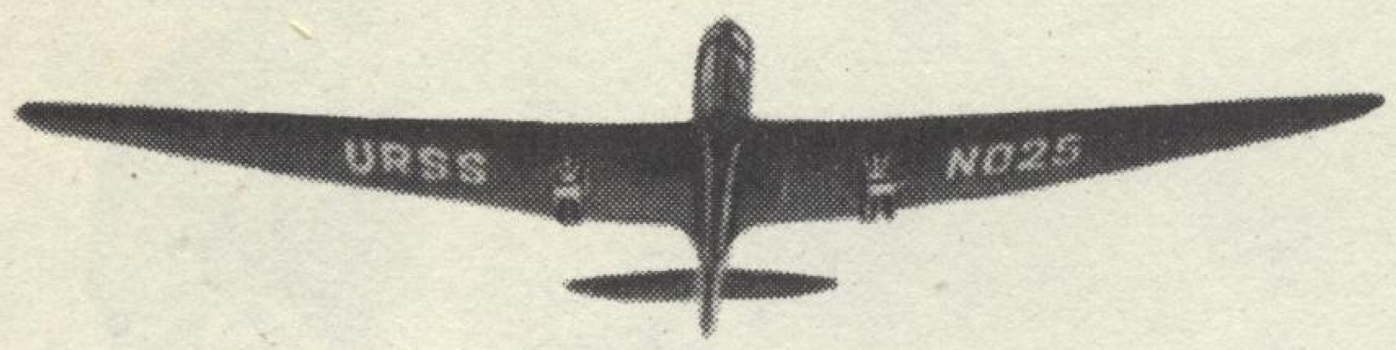
Снова началось кислородное голодание. Дышать стало трудно, но летчики берегли кислород — запас его рассчитан всего на шесть часов. А впереди сложный участок пути — Охотское море. Над его беспокойными водами нависли низкие, плотные облака. Пришлось опять набирать высоту.

Усталость огромная. Все тяжелее становилось подкачивать масло. Понемногу дышали кислородом, стараясь экономить его.

И все же они считали, что «все в порядке»: еще на земле было ясно, что полет предстоит трудный.

Не успели долететь до восточного берега Камчатки, как облачная пелена прорвалась и экипаж самолета увидел корабли. Внизу — Петропавловск-Камчатский, главная цель их маршрута. Сфотографировали бухту и город. Над морем сбросили вымпел с запиской. Задание выполнено!

Над заливом Бабушкина экипаж АНТ-25 получил телеграмму от руководителей Комму-



нистической партии и Советского правительства. В телеграмме говорилось: «Вся страна следит за вашим полетом. Ваша победа будет победой Советской страны».

Заканчивался второй день полета.

Возвращение

Несмотря на усталость, экипаж готов был продолжать полет до Читы. Но, подсчитав запасы горючего, решили все-таки держать курс на Хабаровск, идти долиной Амура.

Порывистым ветром самолет швыряло из стороны в сторону. Дождь не прекращался, температура падала. На крыльях, на стеклах, на всех выступающих частях самолета появился лед. В Арктике после обледенения самолет попал в более теплый воздушный слой, и лед растаял. Теперь же становилось все холоднее. Обледенели винт и хвостовое оперение. Самолет трясло, мотор работал неровно.

Конструктор АНТ-25 А. Н. Туполев и летчики перед стартом.

Пришлось снижаться.

Через некоторое время Георгий Филиппович принял обрывки радиограммы: «Приказываю прекратить полет. Сесть при первой возможности. Орджоникидзе».

Приблизились к берегу Амура и обнаружили длинный, похожий на косу остров, на котором виднелись домики. Чкалов посадил самолет у самой береговой черты. Вокруг зияли глубокие овраги, заполненные водой. Георгий Филиппович сказал штурману:

— Так мастерски посадить машину мог только Чкалов!

Они приземлились на острове Удд, который отныне вошел в историю нашей авиации.

Радио сообщило о приземлении летчиков. Трудно передать, как я была счастлива! Через день членам экипажа АНТ-25 было присвоено звание Героев Советского Союза. Вся страна чествовала мужественных летчиков.

Я хорошо помню этот чудесный летний день, улыбки на лицах людей, статьи с крупными заголовками в газетах и цветы, цветы. Москва торжественно встречала героев. Никогда еще в нашем доме не было столько цветов. Конечно, я не могла представить себе всего, что пережили в полете Валерий, Егор и Саша. Но все это время ежеминутно, ежесекундно я думала о них.

Курс — Северный полюс

Шло время. Валерий Павлович по-прежнему мечтал о беспосадочном перелете через Северный полюс. Этот перелет должен был стать частью грандиозной программы освоения Северного полюса.

Весной 1937 года в Арктике на дрейфующей льдине начала работу первая в мире полярная экспедиция — советские исследователи И. Д. Папанин, П. П. Ширшов, Э. Т. Кренкель, Е. К. Федоров изучали метеорологические условия, силу ветра, температуру воздуха. С дрейфующей льдины на материк регулярно шли сообщения, которых так ждали Чкалов и его друзья.

Члены экипажа АНТ-25 тем временем тщательно проверяли техническую готовность самолета. АНТ-25 находился на подмосковном аэродроме близ Щелкова. Это была шестьдесят шестая модель, испытанная Чкаловым. Машина отлично показала себя во время перелета на остров Удд, но экипаж решил все же немного усовершенствовать ее. Постарались принять меры против обледенения, на борту самолета установили новейшие аэронавигационные приборы, в пилотской кабине к масляному баку приладили подставку, на которую можно было положить ноги.

Чкалов и Байдуков дни и ночи проводили на аэродроме. Еще и еще раз внимательно осмат-

ривали все узлы самолета. Беляков занимался картами, прокладывал маршрут. Летчики рассчитывали, уточняли каждый этап, каждую деталь перелета, старались предусмотреть все случайности.

И вот наступил час старта.

Одна из самых ответственных операций на старте — взлет. Вес самолета — свыше одиннадцати тонн. Год назад Чкалов уже поднимал перегруженную машину. Тогда все прошло благополучно. Сейчас АНТ-25 тоже легко отрывается от земли.

18 июня 1937 года. Час четыре минуты по Гринвичу. Курс — Северный полюс.

Неожиданности в полете

Рассказывает В. П. Чкалов

— Неприятности начались с первых же часов. Сначала Беляков обнаружил, что откуда-то пробивается масло. Затем, часов через десять после старта, самолет оказался между двумя слоями облаков, на стеклах и крыльях увидели лед. Над Баренцевым морем я сменился и заснул. Спустя тринадцать часов у Белякова вышел из строя секстант. Без него как без рук: неизвестна сила ветра, нельзя определить, куда несет машину. А тут еще с темнотой подступил циклон. Его предсказывали в Москве, но от этого легче не стало. Циклон стремительно нес облако, которое преграждало путь самолету. На остров Рудольфа идем вслепую. Байдуков за штурвалом.

Я подкачиваю давление в бачке антиобледенителя, но лед везде: на плоскостях, на стабилизаторе, на антенне.

Прошли тем временем «полюс неприступности», где еще не пролетал ни один самолет. Началось так называемое «фарфоровое» обледенение. Машину покрывает лед совершенно белого цвета, он необычайно крепок и держится, не оттаивая, в течение шестнадцати часов. Переднее стекло особенно обледенело, и Байдуков, просунув руку в боковое стекло кабины, стал финкой срубать лед. Образовалось «окошко», и он обнаружил, что воды в расширительном бачке нет, а вода необходима мотору.

Красный поплавок, показывающий уровень воды, скрылся. Стали работать насосом. Вода не забирается. Что делать? Сейчас все замерзнет, мотор откажет. Катастрофа. Где взять воду? Я бросился к запасному бачку — лед. Бросился к питьевой воде в резиновом мешке — лед. Беляков режет мешок. Под ледяной коркой есть еще немного воды. Добавляем ее в бак. Но этого мало. В термосах чай с лимоном, кофе, какао. Все сливаем туда же. На такой смеси мы и летели.

Три раза начиналось обледенение. Три раза оно было терпимым. Четвертое же, о котором я рассказал, произошло над «полюсом неприступности» в районе арктических островов Канады

Америка — тепло встречи и... почти тропическая жара.

и носило, можно сказать, катастрофический характер. Не выберись мы за 15—20 минут — погибли бы.

Набираем высоту, чтобы выйти из густых облаков. Альтиметр показывает 5700 метров. Полет на таких высотах требует кислорода для дыхания, а у нас его нет. Весь запас израсходовали, пока проходили циклон. Пришлось крепко взять себя в руки, чтобы лететь на такой высоте...

За сорок часов полета только два раза удалось подкрепиться. Ели перемерзшие яблоки и апельсины. Но я и этого не попробовал — довольствовался плотно набитой трубкой.

А когда миновали все неприятности и летели уже над Канадой, кто-то из нас наступил на антенну и оборвал ее. За одиннадцать часов мы не приняли ни одной радиограммы. Когда заметили, что нет тока, мгновенно исправили. Тут только я понял, какое колоссальное напряжение мы создали в стране, не давая о себе знать в течение одиннадцати часов.

Летим дальше. В кабине невероятно холодно, вода замерзает, все превращается в лед. Из-за кислородного голодания вынуждены сменяться каждый час.

Под крылом — Америка

...Могучий АНТ-25 уже шестьдесят часов находился в воздухе. Теперь самолет летел над Северной Америкой. Остался позади Сиэтл, прошли Портленд на левом берегу реки Колумбия. АНТ-25 вели все время вслепую, сквозь дождь и туман. В баке почти не оставалось бензина. Дышать становилось все труднее — сказывался длительный полет на большой высоте. Решили прекратить полет. Над Юджином Чкалов повернул назад к Портленду.

На карте было видно, что военный аэропорт,

на котором можно приземлиться, расположен чуть дальше, вблизи города Ванкувер.

— Идем совсем низко,— вспоминал Валерий.— Осматриваем посадочное поле. Узкий аэродром. Ангары. Никаких знаков. Земля совсем близко. И вот наконец колеса касаются ее.

Америка!

Чкалов вышел из кабины и закурил. Шел дождь...

Пока самолет разворачивался, к аэродрому подъехало множество машин.

Чкалов рассказывал:

— Народ вывалил из машин и глазеет на нас. Мы — в полярной одежде, а тут жара 25 градусов. Стоим и паримся. Наконец нашелся переводчик, который, к слову, знал по-русски столько же, сколько мы по-английски. Но все-таки кое-как договорились.

Отправились к мэру города. Во время обеда к нам подошли три девушки и водрузили на шею венки. С этим украшением мы и просидели весь завтрак. А затем, не снимая венков, должны были пройти по городу.

Все население высыпало на улицы. Шум, крик, улюлюканье и даже свист. Нам разъяснили, что улюлюканье и свист у американцев — высшее проявление восторга...

Особенно большое впечатление на экипаж АНТ-25 произвела встреча, устроенная летчикам на аэродроме Сан-Франциско. Рабочие крупного американского города пришли с красными флагами и встретили советских летчиков пением «Интернационала».

— После митинга на аэродроме,— вспоминал Валерий Павлович,— мы на автомобиле двинулись к мэру города. Посадили нас на «облучке»: чтобы все видели. Впереди мчатся шесть полицейских на мотоциклах с оглушительными сиренами: расчищают дорогу. Наш автомобиль летит со скоростью сто километров в час. Я кричу ребятам:

— Держитесь! На полюсе не погибли, а тут обязательно разобьют!..

Перелет через Северный полюс в Америку завершился 20 июня 1937 года в 16 часов 30 минут по Гринвичу. Самолет был в воздухе 63 часа 16 минут, пройдя более 9000 километров, из них около 6000 километров над океаном и льдами неприступного полярного бассейна.

Америка рукоплескала советским летчикам. Президент США Рузвельт прислал поздравительную телеграмму и пригласил посетить его в Белом доме.

Многие выдающиеся люди из других стран поздравляли Чкалова, Байдукова и Белякова.

Чкалов потом говорил:

— Мы летели на Север, через полюс, над льдами Центральной Арктики, над тундрой и горными хребтами Канады не для личной славы. Мы хотели показать всему миру возможность и силу советской авиации, мощь и технику Советской страны. Мы хотели умножить славу своей социалистической Родины.

В. БЕРЕЗА

Красный всадник

БАЛЛАДА

Ночь, будто ворон.
Бойцам не до сна.
Горна тревожного
Песня слышна.

Всадник червонный
Седлает коня.
Ветер Октябрьский,
Мечту догоняй!

Мчат комсомольцы,
А в небе пожар —
В бой поведет их
Аркадий Гайдар.

Жизнь разделила
Сердца и умы:
Белые — вороги!
Красные — мы!

Выполнил хлопец
Суровый наказ:
Падать он будет,
Но встанет не раз.

Всадник червонный
Седлает коня.
Ветер Октябрьский,
Судьбу догоняй!

Маузер дремлет,
Перо говорит, —
Честная повесть
Походов и битв.

Армии водит
Аркадий Гайдар,
Взоры у юных
Пылают, как жар.

Всадник, как прежде,
Седлает коня.
Ветер Октябрьский,
Мечту догоняй!

Перевел с украинского
В. ЖАК.

ДОЧЬ МЕЛЬНИКА

ВЕНГЕРСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Жил-был на свете мельник. И была у этого мельника дочь, такая умница-разумница, что о ней даже в соседних странах люди говорили.

Прослышал о дочке мельника и король.

И вот посылает он к дочери мельника своих слуг, велит сказать ей, что висит у него на чердаке пучок льна, которому уже лет сто, и надо бы из этого льна золотую нить спрясть.

А дочь мельника просит сказать на это королю, что двор ее батюшки огорожен изгородью, которой уже лет сто. Сделает из нее король золотое веретено, и спрядет она с радостью ему золотую нить. Не захочет же король, чтобы золотую нить она пряла на простом деревянном веретене.

Понравился королю ее ответ. Снова посылает он своих слуг к дочери мельника, велит сказать ей, что есть у него на чердаке худой кувшин, хорошо бы она его залатала, если сможет.

Отвечает дочь мельника королю: пусть выбросит он этот кувшин. Даже дедушка ее не слыхал, чтобы из того, что на чердак вынесли, хоть что-нибудь когда-нибудь чинили.

Ответ этот еще больше понравился королю.

Посылает он своих слуг к дочери мельника в третий раз, велит сказать ей, чтобы пришла она к нему во дворец и не приходила, чтобы поздоровалась с ним и не поздоровалась, принесла ему подарок и не принесла.

Поймала дочь мельника голубя, посадила его в решето, прикрыла другим решетом. Села на осла, взяла решето с голубем под мышку и поехала в королевский замок.

А когда предстала перед королем верхом на осле, молча поклонилась ему, потом приподняла верхнее решето, голубь выпорхнул из него и улетел.

Вот и получилось, что пришла она к королю и не пришла, поздоровалась с ним и не поздоровалась, принесла ему подарок и не принесла.

Так понравилась королю умная девушка, что он тут же на ней женился.

Пересказала Л. ВАСИЛЬЕВА.

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА

Стихи москвички Марины ВОРОБЬЕВОЙ, семиклассницы.

Мы помним

Я вышла на крыльцо.
Взглянула в небо.
Там надо мной мерцали три звезды.
Их было трое, летчиков военных.
И мы их помним — он, и я, и ты...
Летали вместе и фашистов били,
Три истребителя, три ЯКа боевых.
Когда взорвался первый, два других
Пошли в атаку отомстить за друга.
Горя, они таранили врага.
Их подвиг мы сегодня не забыли!
Мы помним все, что принесла война:
Разруху, голод, смерть. И постоянно
Мы помним всех героев имена,
И всех мы чтим.

*

Сережа АНТОНОВ живет в Ленинграде, учится в школе № 27. Это стихотворение Сережа посвятил матерям, сыновья которых погибли, защищая Родину.

Он был солдатом

У памятника
Парню с автоматом
Застыла
Невысокая старушка:
Сын похоронен здесь.
Он был солдатом.
Освобождал
Родную деревушку.
И слезы капают
С ее сухих морщинок,
И память прошлого
Сознанье будоражит...
А пух,
Летящий с веток
Тополиных,
Ложится
В зарастающий овражек.

Это стихотворение Ира КИТАЕВА сочинила в восьмом классе. Ира из Таджикистана, она живет в городе Пенджикенте. «Я часто думаю, как все будет, когда мы кончим десятый класс,— говорит Ира.—И стихи об этом написала...»

Как это будет

Будет теплый майский вечер
И звонок в прощальный час.
И цветы, цветы в букеты
Будут собраны для нас.

И заплаканные лица
Спрячут девочки в цветы.
И успевшие влюбиться
Будут мальчики грустны.

Будешь ты стоять в смятенье,
Синеглазый и смешной,
Позабыв мне от волненья
Подарить букетик свой.

*

А это стихотворение сочинила второклассница Таня МИРОНОВА из московской школы № 610.

Хомяк

Жил-был хомячок.
Он был толстячок.

*

ПОРТ. *Рисунок Антона КОЗЛОВА, 8 лет.*

БАЛ ДРУЖБЫ НАРОДОВ В НАШЕЙ ШКОЛЕ.
Рисунок Наташи БУРКОВОЙ, 12 лет.

С Леной ЗИМА вы уже знакомы: ее рассказ был напечатан в «Кораблике», получил от ребят много откликов. Это новый рассказ Лены. Лена москвичка, четвероклассница.

Несчастливый букет

Завтра у нас праздник в школе — последний звонок. Десятиклассники покинут школу, а мы, младшие классы, должны вручать им цветы. Как всегда в таких случаях, Галина Ивановна просит всех нас написать в дневниках: принести цветы.

И вот я иду в школу утром с букетом сирени. Букет мне купила мама возле метро после работы. Руки у нее были заняты сумками с продуктами, но о моих цветах она не забыла.

Я бережно поставила букет в самую лучшую вазу, вырвала цветочки, у которых больше четырех лепестков, и съела: говорят, это на счастье.

А в школе случилось вот что. Все пришли с цветами. Их оказалось так много, что некуда было поставить — были заняты все бутылки и стаканы. Тут зазвонил звонок, я в спешке положила свой букет на подоконник, на котором уже лежала целая копна таких же несчастных цветов, и пошла к своей парте. На подоконнике остались лежать нежные, душистые колокольчики, ландыши, тюльпаны, яркие, как флаги, и другие цветы.

В переменку я отправилась разыскивать какую-нибудь посуду, чтобы поставить свой букет в воду, но ничего не нашла. Опять зазвонил звонок, и я опять вынуждена была вернуться к своей парте.

Так и пролежал мой букет все четыре часа на подоконнике, без воды, на солнце. Пушистые цветочки сирени с каждым часом блекли и уже безжизненно свисали с подоконника.

А после уроков мы выстроились в актовом зале со своими букетами. В руках я уже держала жалкие, свисающие тряпки. Мне было стыдно вручать их десятиклассникам, и я украдкой засунула их в портфель, а по дороге домой выбросила.

Пройдет лето, и первого сентября первоклассники пойдут с цветами в школу. И сколько опять таких же несчастливых букетов будет лежать на подоконниках! А может быть, лучше побольше цветов разводить в школьном дворе, чтобы, когда раскроешь весной окно, аромат цветов все четыре часа наполнял наши классы? А десятиклассники не получали бы цветы от первоклассников, а оставляли бы им в школе клумбы с цветами, кусты черемухи, сирени как результат их десятилетнего пребывания в школе?

У Раи ГАВРИЛОВОЙ, восьмиклассницы из поселка Удино Новгородской области, есть друг. О нем она и написала стихи.

О коне

Я люблю ходить в конюшню,
Есть там конь любимый мой.
Небольшой, зато красивый,
И зовут его Герой.
Как приду к нему в конюшню,
Он ушами поведет,
И заржет протяжно, нежно —
Это он к себе зовет.
Подойду к нему поближе,
Посмотрю я на него.
Ну, а конь в карман уж лезет:
Нет ли хлеба для него?
Угощу его горбушкой,
Сахар напоследок дам.
Ну, а конь, такой хитрюга,
Лезет во второй карман...

ЮРИЙ ТОМИН

КАРУСЕЛИ НАД ГОРОДОМ

ПОВЕСТЬ, ОСНОВАННАЯ НА ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ, ПРИДУМАННЫХ АВТОРОМ

Продолжение. Начало в № 4.

Рисунки В. ДУДКИНА

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Так все это продолжилось

Борис Куликов если и удивился, то вовсе не тому, что младенец прибыл ОТТУДА, а скорее тому, что это случилось так просто. А вот Алексей Палыч, когда все понял, то понял, что ничего не понял.

— Боря, — сказал Алексей Палыч чужим голосом, — он не из солнечной системы.

— Это, вы думаете, из-за пупка? — спросил Борис.

— Нет. Просто ни на одной из планет этой системы нет условий для жизни такой... такой формы.

«Форма» спокойно лежала на столе и, скосив глаза, внимательно слушала Алексея Палыча. Затем «она» потянулась рукой к катушке.

— Нельзя! — воскликнул Алексей Палыч. — А то будет это... бобо будет!

Мальчик отдернул руку.

— Понимает! — отметил Борис. — Откуда он русский знает, а, Алексей Палыч?

— Совпадение. Ничего он не знает, — сказал Алексей Палыч и тут же раскаялся, потому что младенец посмотрел на него и проговорил:

— Бобо, Алексей Палыч...

Алексею Палычу вдруг подумалось, что гость из чужого мира не просто повторяет слова, а передразнивает его. Уж слишком осмысленным был его взгляд. Андрюшенька в таком возрасте... Впрочем, о каком возрасте можно говорить? При таком росте... при таких размерах. Андрюшенька едва-едва плакать научился.

— Эй, — сказал Алексей Палыч, обращаясь к младенцу, — если ты меня понимаешь, то скажи: один, два, три, четыре... Ну, говори.

— Три, четыре, — отозвался младенец.

Борис засмеялся.

— Он просто повторяет, как попугай. — Борис наклонился над мальчиком. — Скажи: пятью пять — двадцать пять.

— Двадцать пять, — послушно повторил мальчик.

— Видите? — сказал Борис. — Он повторяет последние слова. Он еще ничего не соображает. ОНИ что, не могли прислать кого-нибудь поумнее?

Алексей Палыч пожал плечами.

— Ты лучше скажи, что мы с ним будем делать?

— Отнести в детский садик?

— Нас спросят, откуда мы его взяли.

— Мы все расскажем.

— Ты сумеешь объяснить? — усмехнулся Алексей Палыч. — Я, например, не берусь. Иди ты лучше домой. Я скажу, что был здесь один.

— Нет, — замотал головой Борис, — пускай мы вместе... Вам одному могут не поверить.

— Ну что ж, — сказал Алексей Палыч, — вместе, так вместе.

— Алексей Палыч... — сказал Борис. — Знаете что, Алексей Палыч... Давайте его пока никуда не отдавать. Он нам еще пригодится.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне нужно подумать до завтра.

— А если он погибнет до завтра?

— Чего это он погибнет, если голый через космос летел?

— Я не думаю, что он летел именно в таком виде, — сказал Алексей Палыч и улыбнулся впервые за весь вечер. — До ближайшей звезды четыре световых года, так недолго и простудиться. Скорее всего он родился... я хочу сказать — образовался на этом столе.

— Как это образовался? — спросил Борис. — Он ведь живой.

— Существует гипотеза, — сказал Алексей Палыч. — В принципе человека можно, грубо говоря, разобрать на атомы, передать информацию по какому-нибудь каналу [1] и собрать его

[1] Имеется в виду канал связи. Например, телеграф, а вовсе не канал Москва — Волга.

снова на другом конце канала из такого же материала. Скорее всего для них это уже не фантастика.

— Алексей Палыч,— снова попросил Борис,— ну, давайте оставим его хоть на один день. Ничего ему не сделается. Все равно уже ночь. Ну, куда мы его понесем?

— Гм...— сказал Алексей Палыч.— В родильный дом, что ли... Так он уже в известном смысле родился. Ясли закрыты. Милиция?.. Нет, милиция тут ни при чем. Да и не примут его нигде без документов. Вот если бы они с ним документы прислали.. В общем, ничего я, Боря, не знаю.

— Значит, пока оставим,— сделал вывод Борис. А я подумаю...

— Ну что ж, думай...— сказал Алексей Палыч.— Две головы всегда лучше, чем одна. Но вдруг он начнет кричать и его услышат... Ты представляешь, в чем нас могут обвинить?

— Он не будет кричать. Не будешь?— обратился Борис к младенцу.

Мальчик улыбнулся и отрицательно помотал головой.

— Понимает!— обрадовался Борис.— Я же говорил, что он понимает!

— Ты говорил, что он повторяет слова,— уточнил Алексей Палыч.

— А теперь уже понимает. Вот смотрите. Кричать нельзя. Понял?— отчетливо проговорил Борис, наклоняясь над мальчиком.

На этот раз мальчик мотнул головой утвердительно.

— Конечно, понимает,— торжествуя, сказал Борис.— Не могли же ОНИ послать к нам какого-нибудь дурачка вроде Сереги. У НИХ там, наверное, тоже отбирают, как у нас космонавтов.

— Ладно,— решился Алексей Палыч,— до завтра пускай побудет. Я бы остался с ним на ночь, да Анна Максимовна... И тебе нельзя оставаться — родители будут искать. Я думаю, ничего не случится: если его послали в такую дорогу, то, наверное, предусмотрели какие-то меры защиты. Только вот на столе его оставлять нельзя.

Звездам не было никакого дела до двух заговорщиков.

Алексей Палыч вытащил из-под стола доску, оставшуюся после настилки пола, распилил ее на три части. Борис тем временем убрал все с верстака. Они приколотили обрезки доски к верстаку, получился просторный ящик. На дно ящика постелили рабочий халат.

Алексей Палыч осторожно взял мальчика на руки. Тот неожиданно оказался очень тяжелым, гораздо тяжелее Андрюшеньки.

— Тю-тю-тю, — сказал Алексей Палыч, — сейчас мы будем бай-бай.

Мальчик засмеялся. Алексей Палыч со стыдом подумал, что он, пожалуй, выглядит глуповато. Зачем неземному младенцу это земное сюсюканье? Но неземного сюсюканья Алексей Палыч не знал.

— Спи, — сказал Алексей Палыч, укладывая младенца и накрывая его своим пиджаком. — Спи. Сделай вот так. — И учитель прикрыл глаза, показывая гостю из космоса, как спят хорошие земные дети.

— Палыч... — сонно сказал мальчик, и веки его сомкнулись.

— Я — Палыч, я, маленький, — умилился Алексей Палыч. — Мы завтра придем.

Алексей Палыч погасил свет.

Они шли по ночной улице. Намаявшиеся за день собаки провожали их сонным тявканьем. На густо-синем небе медленно, незаметно для глаза, вращались вокруг Кулеминска звезды. Им не было никакого дела до двух заговорщиков, и только на одной из них кто-то внимательно всматривался в маленькую голубую планетку, пока она не повернулась и Кулеминск не скрылся за горизонтом.

Возле дома учителя заговорщики расстались. Борис побежал дальше. Алексей Палыч вошел в калитку, снял у крыльца ботинки и на цыпочках подошел к двери в прихожую. Доски отвратительно заскрипели, но в доме было тихо. Алексей Палыч в темноте пошарил на полках, нащупал три пакета, несколько банок и запихал их в портфель.

Анна Максимовна была на дежурстве. Не зажигая света, Алексей Палыч разделся и лег.

Во сне Алексей Палыч дергал ногами и стонал. Ему снились люди в милицейской форме, которые толпой гнались за ним по пустынной и бесконечной дороге.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Человек уходит — улики остаются

На другой день за завтраком Анна Максимовна спросила:

— Где ты пропадал вчера вечером?

— В школе.

— Что же ты делал до ночи?

— Почему до ночи?

— А во сколько ты пришел?

— Да не так уж и поздно.

— Часов в двенадцать, — сказала Татьяна.

Алексей Палыч покосился на дочь. Татьяна имела привычку говорить правду в глаза. Особенно когда эта правда ее не касалась.

— Ты поторапливайся, — сказал Алексей Палыч. — На электричку опоздаешь. И не вмешивайся в разговор.

Мать и дочь переглянулись. Такого Алексея Палыча они еще не видели. Рядом с ними за столом сидел незнакомый человек — грубиян, вообразивший, что он на самом деле глава семейства.

Анна Максимовна ощутила легкое беспокойство.

— У тебя неприятности? Что-то случилось?

Но Алексей Палыч уже раскаялся и включил задний ход.

— Что со мной может случиться? — мирно сказал он. — Ты подумай сама: ну что может случиться в Кулеминске?

Анна Максимовна вздохнула. С той далекой поры, когда ради нее Алексей Палыч забросил свои облака, у нее сохранилось чувство вины.

— Ты бы хоть завтрак с собой брал в школу, — сказала она. — Какие уж там опыты на голодный желудок.

«Еще и какие!» — подумал Алексей Палыч.

— Давай свой портфель, я тебе завтрак заверну.

«Как бы не так, — подумал Алексей Палыч. — Интересно, что я туда натолкал в темноте?»

— Спасибо, я поем в буфете, — сказал Алексей Палыч вслух. — Ты мне дай, Анечка, рубля два.

Когда Алексей Палыч подошел к школе, было уже без десяти девять.

Со всех сторон тянулись к главному входу ученики. Те, что помладше, здоровались с Алексеем Палычем открыто и весело. Пожилые десятиклассники, боясь уронить свое достоинство, делали вид, что не замечают учителя, и здоровались, если только сталкивались с ним.

Впрочем, в это утро Алексей Палыч и сам едва замечал своих учеников. Он шел по двору, а взгляд его не отрывался от небольшой, обитой железом двери. В любой другой день он, не задумываясь, зашел бы на минуту в подвал и спокойно вышел бы оттуда, но сейчас ему казалось, что все это будет выглядеть подозрительно.

Тут он заметил, что с задней стороны школы отворилась дверь. Во двор вышла женщина и направилась прямо к подвалу. У входа в подвал она остановилась, подергала замок и, как показалось Алексею Палычу, даже постучала в дверь.

«Услышала ребенка! — пронеслось в голове Алексея Палыча. — Все пропало!»

Женщина заметила учителя и махнула ему рукой.

— Иди-ка сюда.

Алексей Палыч подошел. Лицо его было бледным и выглядело как лицо раскаявшегося злодея. Это мог бы заметить каждый. Заметила это и стоявшая перед ним женщина, чему вовсе не удивилась. Она привыкла к тому, что все в школе были перед ней виноваты.

— Открой дверь.

— Зачем Ефросинья Дмитриевна? — робко спросил Алексей Палыч.

— Затем, что там у тебя мое ведро осталось. Еще с прошлого года.

Сердце Алексея Палыча, опустившееся в низ живота, начало помаленьку всплывать кверху. Конечно, и в этом случае он был виноват. Именно он занял подвал, в котором уборщица Ефросинья Дмитриевна хранила свои ведра и щетки.

— Ведра там нет, Ефросинья Дмитриевна. Вы все еще раньше забрали.

— Что же, я без ума, по-твоему?

На вопрос этот ответить определенно Алексей Палыч не решился: да и некогда было разговаривать — нужно было немедленно увести Ефросинью Дмитриевну от двери.

— У меня ключей нет.

— Принеси.

— И потом я вспомнил... Вы извините, но, кажется, ведро я...

— Загубил, — сурово сказала Ефросинья Дмитриевна.

— Вот, вот... что-то в этом роде. Но я сегодня же куплю.

— Ведро-то эмалированное было.

— Ну, конечно... обязательно... Хороший день сегодня, верно, Ефросинья Дмитриевна?

— У вас всегда все хорошо, — сказала Ефросинья Дмитриевна и медленно стала удаляться. Даже со спины она выглядела величественной и неприступной.

Между тем у себя дома Ефросинья Дмитриевна была весьма неплохой женщиной. Она ухаживала за больным мужем, помогала соседям; из своей скудной зарплаты умудрялась выкраивать деньги на переводы для сына, служившего в армии. И только в школе ей кружила голову власть, которая была велика, потому что распространялась на все школьные помещения, вплоть до кабинета директора.

Когда Ефросинья Дмитриевна удалилась, Алексей Палыч попытался что-нибудь разглядеть в подвальное окно, но ничего не увидел:

— Открой дверь.
— Зачем. Ефросинья Дмитриевна?

вчера перед уходом он сам аккуратно завесил окно газетой.

Из подвала не доносилось ни звука.

Алексей Палыч нащупал было в кармане ключ, но в школе послышался звонок, и Алексей Палыч торопливо пошел к главному входу.

Весь день Алексей Палыч чувствовал себя не в своей тарелке. Ученики ему попадались какие-то на редкость тупые, учителя выглядели хмуро и подозрительно. Посмотрев на перемене в окно учительской, Алексей Палыч увидел стоящий неподалеку от школы милицейский «газик». Он знал, что в доме напротив живет шофер этого «газика», но все же вид желто-синей машины наводил его на неприятные мысли.

Кроме того, Алексей Палыч все время прислушивался. Он понимал, что невозможно услышать сквозь два потолочных перекрытия слабый младенческий крик, но все же ждал этого крика.

На последней перемене к Алексею Палычу подошел Борис Куликов.

— Его там нет, Алексей Палыч, — сказал Борис.

— Ты с ума сошел! — прошептал Алексей Палыч, сразу превращаясь в заговорщика. — Я же тебе сказал — не открывать без меня.

— А я и не открывал. Там в стекле дырочка. Я карандашом газету проткнул — его в загородке нет.

— Замок на месте?

— Все на месте.

Алексей Палыч бросился вниз по лестнице. Ученики прижимались к стенке, уступая ему дорогу. Наткнувшись на пожилую учительницу английского языка, Алексей Палыч сбил с нее очки, прежде чем она его разглядела. Впоследствии учительница долго говорила на педсовете о безобразном поведении учеников на переменах.

Не озираясь, не думая ни о какой конспирации, Алексей Палыч открыл замки и ворвался в подвал.

Мальчик лежал на своем месте.

Все еще не веря глазам, Алексей Палыч ощупал его. Не было ни ушибов, ни царапин. Мальчик был живой и выглядел весело. Правда, что-то в нем изменилось. Впопыхах Алексей Палыч не заметил, что именно. Да и не до того ему было: если вдуматься, то Алексей Палыч за эти минуты пережил и смерть и новое рождение этого мальчика.

А он, кажется, узнал Алексея Палыча. Он ткнул ему пальцем в глаз и с улыбкой произнес:

— Палыч...

— Я, миленький, я... — сказал Алексей Палыч. — Ты полежи еще чуть-чуть, я скоро приду. Я приду еще с одним мальчиком... Мы ему ушки оторвем за то, что он нас так напугал.

Наверху снова зазвенел звонок. Он призывал Алексея Палыча на последний урок и никогда еще не звенел так отвратительно.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Продолжение с «подключением»

Когда Алексей Палыч вышел после урока во двор, там уже ребята играли в футбол.

Земля просохла достаточно, чтобы мяч не застревал в грязи, но еще не достаточно, чтобы футболисты не проваливались по уши. То есть сами по себе они не проваливались, но вид у них был такой, будто каждого из них хоть по разу закапывали в землю.

Воспользовавшись моментом, когда был забит очередной гол и у ворот собралась группа спорщиков, Алексей Палыч прошмыгнул в подвал и заперся изнутри. Никто, конечно, не обратил на него внимания. Ребята продолжали носиться по полю, выкрикивая спортивные и неспортивные слова.

Алексей Палыч подошел к загородке и обнаружил, что мальчика там нет.

Второй дырки в стекле, через которую мог бы исчезнуть мальчик, тоже не замечалось.

«Неужели он попал точно в ту же дырку? — подумал учитель. — Но зачем тогда его присылали?»

На какое-то очень короткое время Алексей Палыч ощутил нечто вроде облегчения: кончилось наваждение, не нужно ни от кого прятаться, не нужно заниматься мелким воровством и обманом. Но тут же он понял, что ему очень хочется увидеть мальчика еще хоть раз. Ему даже было слегка обидно, что от него ушли, не попрощавшись, не угостившись питательной смесью, которая была добыта с таким трудом.

«Он на меня обиделся, — подумал Алексей Палыч. — Или ТЕ, кто его послал, решили, что я плохой человек? Может быть, он сообщил, что его здесь не кормят, и его перебросили в другое место? Или вообще забрали назад?»

Короче говоря, если еще несколько минут тому назад Алексей Палыч не знал, как он разделается с этой историей, то сейчас ему хотелось, чтобы история продолжалась.

И она продолжилась.

Между шкафом и стеной, где под окном расположилась батарея отопления, что-то зашевелилось. Алексей Палыч бросился туда; не успел он добежать до окна, как мальчик сам вышел ему навстречу.

И это был совсем другой мальчик. Вернее не другой, а изменившийся. То, чего не уловил Алексей Палыч во время переменки, сейчас стало совершенно очевидно: мальчик вырос. И как вырос! Не какие-то там месяцы, а как будто несколько лет прошло со вчерашнего дня. Перед Алексеем Палычем стоял все тот же голый и беспупковый, но неимоверно подросший ребенок. На вид ему было года четыре.

Мальчик подошел к верстаку, подпрыгнул,

Возле стола стоял мальчик, закутанный в одеяло, и наматывал на палец кусок провода.

ухватился руками за край загородки и подтянулся; он уселся в загородке и сказал:

— Куда пасуешь, дурак! Давай мне пасуй!

За окном раздавались на площадке вполне похожие выражения.

— Так говорить нельзя, понимаешь? — родительским тоном сказал Алексей Палыч. — Дурак — нельзя. Дурак — нехорошо.

— Нехорошо, — согласился мальчик. — Дурак — нехорошо. Дурак, дурак нельзя. Нельзя, дурак, нехорошо.

— Вот и не говори так больше, — посоветовал Алексей Палыч. — Ты ведь меня понимаешь?

— Понимаешь, — согласился мальчик и с наслаждением произнес: — Дурак, дурак, дурак...

Алексей Палыч нахмурился, и мальчик, лукаво улыбаясь, добавил гораздо тише:

— Нехорошо...

Алексей Палыч со вздохом подумал, что космические дети, как и земные, любят делать то, что запрещается. Как ни странно, но именно это соображение его подбодрило. Если мальчик имеет земной характер, то и обращаться с ним можно по-человечески.

А человеческих детей нужно прежде всего кормить.

Алексей Палыч достал из портфеля питательную смесь, прочитал рецепт и с сомнением посмотрел на подросшего гостя:

— Чем же мне тебя кормить? — сказал он. — Из этой пищи ты уже вырос. Тебе уже, небось, мяса надо. Вон у тебя зубы какие. Отправим мы тебя, дружок, в Академию наук, должны они поверить, если я им все объясню. Увидят, как ты быстро растешь, и поверят.

— Нехорошо, — сказал мальчик.

— Почему нехорошо?

— Палыч — хорошо, Боря — хорошо.

— А без Палыча и Бори разве нельзя?

— Нельзя.

— Почему?

— Уйду.

— Куда ты уйдешь?

— Туда, — сказал мальчик и показал на дырку в стекле.

Алексей Палыч подумал, что ответы мальчика уже не напоминают прежний лепет, в них чувствовался кое-какой смысл.

— Что значит «уйду»? Если можешь, то объясни.

— Седьмое солнце! — сказал мальчик, и щеки его порозовели. — Извини, не сдержался. Мне стыдно: так у нас ругаются только наездники [1]. Но ведь не могу я без конца притворяться, что ничего не понимаю. Надоело. Вчера я еще мало понимал, а сегодня уже подключился. Я понимаю, что с вами можно работать. Но если вы отдадите меня другим людям, то меня отзовут. Меня, конечно, и так отзовут, но гораздо позже.

— Зачем же тебя к нам послали?

— Этого я точно не знаю.

— А что значит «подключился»? К чему ты подключился?

— Этого я тоже не знаю. Подключился — это значит подключился.

— Выходит, — сказал Алексей Палыч, — ты только с виду ребенок? На самом деле ты вполне взрослый и можешь вступить в контакт с человечеством?

---

[1] Очевидно, мальчик имел в виду извозчиков.

— Я и вступил, — ответил мальчик. — Ты и Борис. И достаточно.

— Но я далеко не лучший представитель человечества, — сказал Алексей Палыч. — Я всего только учитель, а Боря еще школьник. Я думаю, что контакт — это дело большого коллектива, где будут ученые разных специальностей. Мы с Борисом заменить их не можем.

— Если вы кому-нибудь расскажете обо мне, то меня немедленно отзовут.

— Не понимаю, — сказал Алексей Палыч. — Тебя посылают для контакта и тут же почему-то должны отозвать.

— О, третье солнце! — сказал мальчик, на этот раз не краснея. — До чего же вы надоели с этим контактом! Вам обязательно нужно, чтобы к вам прилетели красивые, умные, дружелюбные. Чтобы они были такие, как вы, но знали больше вас. Чтобы вам открыли рецепт бессмертия или секрет гравитации. Вы хотите, чтобы они были похожи на вас и в то же время не похожи. Вы мечтаете о том, что называется «контактом», и в то же время боитесь этого. Вы посылаете в космос сигналы в поисках разума, а сами еще толком не знаете, что с этим разумом делать. Знаешь что, Палыч? Попробуй взять ружье, выйди ночью из дома, закрой глаза, выстрели в небо и жди, пока оттуда свалится горный орел.

— Что ты этим хочешь сказать? — спросил Алексей Палыч, изумленный столь горячим выступлением гостя. — У нас не водятся орлы, тем более горные.

— И все же, — ответил мальчик, — попасть таким образом в орла легче, чем попасть вашими лучами в населенную планету. Да и зачем вам попадать? У вас уже много раз были.

— Ты имеешь в виду летающие тарелки? И прочее?

— Летающие тарелки! — Мальчик засмеялся. — Это наши ребятишки играют. Глупые еще, вот и забавляются. Разве за ними уследишь... Нет, у вас были из Центра. Но вы, люди, странные создания: стоит только одному встретить кого-нибудь из наших, вы сразу бежите ко второму, третьему, чтобы удивить его, рассказать. А тогда нас немедленно отзывают. Вот вам никто и не верит. Если бы меня сейчас отозвали, кто бы тебе поверил?

— Тогда зачем тебя послали?

— Не знаю. На твой вопрос не смогли бы ответить даже те, кто меня послал. Нужно что-то про вас узнать. Такое, чего не знает у нас никто. И даже неизвестно, чтó нужно узнать. Просто чего-то не хватает.

— И много вы про нас знаете? — спросил Алексей Палыч.

— Что значит много? — спросил мальчик. — Много ли ты знаешь обо мне?

— По сравнению со вчерашним днем очень много. По сравнению с тем, что я еще смогу о тебе узнать, наверное, очень мало.

— Ты сам ответил на мой вопрос, — сказал мальчик. — Повторяю: мы о вас не знаем чего-то очень важного. Это может оказаться важнее всех ваших изобретений. Для нас они не секрет.

— Н-да... — сказал Алексей Палыч, который на секунду вдруг отвлекся от этого разговора и взглянул на себя как бы со стороны.

Со стороны выглядело это, наверное, не совсем обычно: взрослый дядя, мужчина, прилично, как говорят, одетый, стоял возле дурацкой загородки, в которой сидел голый ребенок; на лбу мужчины от напряжения выступила испарина, а ладонь то и дело взъерошивала и без того потрепанную шевелюру. Ребенок сидел в позе восточного божества и спокойно рассказывал дяде веселенькую космическую историю.

Алексею Палычу стало даже слегка досадно. Легкий укол самолюбия, — земного, если так можно сказать, самолюбия, — ощутил Алексей Палыч.

— Чего же это вы... — сказал Алексей Палыч. — Я хочу сказать, вот послали тебя в такую даль... да... через весь, так сказать, космос... а пупка тебе не приделали...

Мальчик вздохнул тяжело, по-взрослому.

— Это у нас проблема, — сказал он. — Сколько раз пробовали — не получается!

— Ага! — с торжеством сказал Алексей Палыч. — Значит, вы тоже не все умеете! Интересно бы узнать — почему?

— Почему, почему... Потому что кончается на у! — ответил мальчик.

— Господи, ты и это знаешь?!

— Это потому, что я подключился. Я скоро отключусь, и тогда тебе будет легко со мной разговаривать.

— Ну, — заметил Алексей Палыч, — я бы не сказал, что мне так уж и трудно. Я, видишь ли, большую часть жизни только и делаю, что разговариваю с такими, как ты. Правда, они немного постарше. Так что ты можешь не отключаться, если тебе не хочется.

— Не хочется, — откровенно признался мальчик. — Но это необходимо. Все должно происходить естественно. Ведь у вас нет младенцев, которые знали бы столько, сколько взрослый землянин.

— Гм... — сказал Алексей Палыч. — Возможно, где-то уже и есть. Во всяком случае, имеется такая тенденция. Я хочу сказать: среди подростков встречается нечто похожее.

Мальчик задумался.

— Знаю, — сказал он. — Это называется бройлер.

— Не совсем так, — мягко сказал Алексей Палыч. — Бройлер — это цыпленок, который за два месяца становится крупней взрослой курицы. От этого он, правда, не делается умнее ее. Нет. У людей это называется акселерация.

— Так бы и говорили, — сказал мальчик. — Это уже понятно. Но все же мне придется отключиться. Ты не отошлешь меня обратно?

— Даже если б и захотел, то не смог бы, — сказал Алексей Палыч.

— Нет, — вздохнул мальчик, — это проще простого. Я тебе уже говорил: если ты или Боря расскажете кому-нибудь, кто я такой, меня

— Я обещаю,
что тебя не отзовут,—
сказал Алексей Палыч.

немедленно отзовут. Ты можешь избавиться от меня в любую секунду.

— А тебе хотелось бы остаться? — спросил Алексей Палыч.

Задавая этот вопрос, Алексей Палыч надеялся услышать в ответ что-нибудь вроде: «Да, ты мне понравился» или «Да, мне на Земле хорошо», но услышал вполне спокойный и деловой ответ:

— Я должен оставаться, пока это возможно. Тогда, может быть, я узнаю...

— Сложное у тебя задание, — сказал Алексей Палыч. — «Пойди туда, не знаю куда. Принеси то, не знаю что...»

— Не совсем так, — ответил мальчик. — Куда — известно. А вот узнать пока не удавалось. Каждый раз что-то мешало. Один сразу помчался в газету. Другой испугался и выбросил ребенка в реку. От мальчика после так пахло, что его не приняли даже в школу наездников. У нас

тоже есть что-то вроде ваших рек и каналов, только они иначе называются. А некоторые из ваших сразу требуют за молчание миллион... этих...

— Долларов,— подсказал Алексей Палыч.

— Нет, марок.

— Марки есть в разных странах,— сказал Алексей Палыч.

— В разных и требовали.

— Мне ничего от тебя не нужно,— сердито сказал Алексей Палыч.

— Значит, ты не хочешь, чтобы меня отозвали?

— Нет!— сгоряча сказал Алексей Палыч. Сказал... и тут же задумался. Теперь-то уж ясно было, что мальчик этот вовсе даже не мальчик, а как бы разведчик, который должен что-то выяснить, чего не удалось прежним разведчикам. Правда, его, кажется, не интересовали технические секреты. Он хотел узнать что-то о людях. Технических секретов Алексей Палыч выдать не мог по причине простой: он их не знал. Потом, подумал Алексей Палыч, вряд ли ТЕ, кто швыряется младенцами на такие расстояния (на какие?), будут интересоваться чертежами. Да и мальчик об этом говорил...

Но с другой стороны...

Когда ребенок — ребенок, то с ним чаще всего нелегко. Его надо кормить, одевать, лечить, смотреть, чтобы он не совал в рот куличики из грязи и не выткнул себе глаз вилкой. Такой Алексею Палычу не нужен, потому что у него есть Андрюша, который ничуть не хуже и, честно говоря, не лучше.

Когда ребенок не ребенок, а такое вот чудо, способное «подключаться», «отзываться», толковать о серьезных вещах, то еще неизвестно, что может он выкинуть в дальнейшем.

Но мальчик смотрел на него так доверчиво, что Алексей Палыч решился, теперь уже окончательно.

— Я обещаю, что тебя не отзовут,— сказал Алексей Палыч.— Вернее, если и отзовут, то не по моей вине.

— А Боря?

— Боря поймет. Но должен тебе сказать: у нас будет много трудностей. Я пока просто не представляю, как тебя прятать и прочее...

— Это хорошо, что будут трудности,— сказал мальчик.

— Смотря для кого хорошо,— не согласился Алексей Палыч.

— Для нас. Я не знаю почему, но очень важно, чтобы трудности были. А прятать меня не обязательно. Не нужно только говорить, кто я. Знаем мы вас — сразу броситесь меня исследовать, показывать кружочки и треугольники или рисовать строение атома. В общем, ты, Палыч, не робей. А я отключаюсь.

— Ты бы хоть поел сначала,— сказал Алексей Палыч.

В этот момент послышался стук в дверь. Алексей Палыч быстро накрыл мальчика своим пальто и подошел к двери.

— Кто там?

— Да я же, Алексей Палыч!

В подвал скатился разрумянившийся и запыхавшийся Борис.

— Ну что, нашелся?

— Нашелся. Он и не пропадал. Тут, Боря, такое дело...— Алексей Палыч сбросил пальто на верстак.— Посмотри сам.

Борис присвистнул.

— Это же совсем другой!

— Нет, тот же самый. Так он за одну ночь вырос.

— Еще этого не хватало,— сказал Борис.— Что же теперь с ним делать? Я для него одеяло из дома стащил, а получается, что ему не одеяло, а штаны надо. Где же мы одежду возьмем?

— Если бы только в этом дело...— вздохнул Алексей Палыч.

И Алексей Палыч рассказал Борису о своем разговоре с мальчиком.

Борис поверил сразу. Он еще вчера был уверен: дураков в космос не посылают.

— Вот и хорошо,— сказал он.— А я как раз список принес.

— Какой список?— спросил Алексей Палыч.

Борис вынул из кармана сложенный вчетверо листок тетрадной бумаги и протянул его Алексею Палычу.

— «Конденсаторов разных — 300 штук,— прочитал Алексей Палыч,— электромоторы переменного тока — 5 штук, электромоторы постоянного тока — 3 штуки, аккумуляторные батареи — 4 штуки, проводов медных в изоляции — 300 метров, паяльные лампы — три штуки...» Ничего не понимаю... Какие паяльные лампы? Зачем три штуки?

— А в запас,— сказал Борис.— Вы дальше смотрите, Алексей Палыч.

— И смотреть не хочу,— сказал Алексей Палыч.— Не до этого мне сейчас. Да никто и не даст нам столько оборудования...

Борис кивнул на мальчика:

— Пускай они присылают. Раз уж так получилось...

— Вот оно что,— сказал Алексей Палыч.— Ты что же, Боря, по чужим планетам собрался попрошайничать?

— Потому что надоело каждый кусок проволоки выпрашивать!

— А что о нас ТАМ подумают, тебя не волнует?

— А им что, жалко? Вы же сами говорили, что у них там всего полно.

— Ну, что же, проси,— сказал Алексей Палыч,— если, конечно, тебе не стыдно.

— Не стыдно,— ответил Борис.— Я ведь не для себя.

Во время этого разговора мальчик внимательно поглядывал то на одного, то на другого. Взгляд у него был совершенно осмысленный, но, как это бывает у маленьких, настороженный.

Борис подошел к мальчику и протянул ему развернутый список.

— Это можешь достать?

Мальчик взял листок и стал внимательно его разглядывать.

— Борька, Борька, оглоед, съел собаку на обед, — сказал мальчик.

Борис понимающе усмехнулся.

— Молоток, — сказал он. — Только ты не притворяйся. Как тебя зовут?

— Борька, Борька, дурачок, съел на ужин пятачок, — ответил мальчик, и по расплывшейся его физиономии видно было, что он собой очень доволен.

На этот раз Борис с недоумением взглянул на Алексея Палыча. Учитель тоже не сразу понял, в чем дело.

— Я думаю вот что... — сказал наконец Алексей Палыч. — Он уже отключился. Ему сейчас столько лет, на сколько он выглядит.

— А зачем он нам тогда нужен? — спросил Борис.

— Но дело вовсе не в том, что он нужен нам, а в том, что мы ему нужны.

Борис промолчал. Это означало, что с Алексеем Палычем он не согласился. Борис был не против того, чтобы мальчишка совершил какое-нибудь чудо, пусть небольшое. Иначе зачем было тащиться в такую дорогу?

Вообще люди испокон веков ожидали сверху только чудес. Сначала от бога. Но бог ничего, кроме молний и ураганов, не присылал. Тогда стали ждать чудес из других миров. В книгах сотни пришельцев прилетали на Землю — каждый со своими фокусами. И вот примчался один — прямо к Борису. И ничего не принес. Если не считать дырки в стекле. Но такие чудеса Борис мог делать и сам.

— А теперь давай его покормим, — сказал Алексей Палыч.

Борис возражать не стал. Он включил электроплитку. Алексей Палыч разбавил молочную смесь дистиллированной водой. Когда смесь стала теплой, он тщательно ее размешал и понес к мальчику.

— Все-таки спокойный мальчик, — сказал Алексей Палыч. — Другой на его месте давно бы кричал от голода. Сейчас, сейчас мы его покормим, — сказал Алексей Палыч, обращаясь уже к мальчику, таким тоном, каким, по его мнению, нужно было разговаривать с голодным ребенком.

— Не покормим, не покормим, — отозвался мальчик.

— Кушай, это вкусно, — сказал Алексей Палыч, поднося к мальчику ложку.

— Не кушай, невкусно, — отозвался мальчик, отталкивая ложку.

Борис рассмеялся.

— Нечего смеяться, — огрызнулся Алексей Палыч, — сам таким был.

— Сроду таким не был, — сказал Борис, с интересом наблюдая, как учитель вытанцовывает возле мальчика.

— Кушай, а то Палыч рассердится, — пригрозил учитель.

— Не кушай, не Палыч, — с восторгом сказал мальчик. Эта игра явно ему понравилась.

— Может быть, ты хочешь сам? — спросил Алексей Палыч.

— Сам, — неожиданно согласился мальчик.

Алексей Палыч с торжеством посмотрел на Бориса.

— Добром, — сказал он, — можно добиться от ребенка чего угодно.

— На, — сказал Алексей Палыч, протягивая мальчику ложку.

— На, — сказал мальчик и залепил кашей Алексею Палычу в переносицу.

Алексей Палыч медленно выпрямился. Он достал из кармана платок и стер кашу. Борис, опираясь спиной о шкаф, постепенно сползал на пол. Он уже не смеялся, а тихо постанывал.

— Что здесь смешного? — строго спросил Алексей Палыч.

— Извините, Алексей Палыч, — проговорил Борис, понемногу успокаиваясь. — Я просто никогда такого не видел.

— Будешь сам отцом — увидишь.

— Но вы же не отец, — возразил Борис. — За что же вас кашей?

Алексей Палыч взглянул на мальчишку, застывшего с поднятой в руке ложкой, и неожиданно для себя рассмеялся.

— А он понимает, что провинился. Смотри, какой у него виноватый вид.

И словно в ответ на эти слова мальчик сказал:

— Я больше не буду.

— Вот и прекрасно! — обрадовался Алексей Палыч. — Будешь хорошим мальчиком?

— Не буду.

— Не будешь хорошим мальчиком?

— Буду нехорошим. — И глаза мальчишки лукаво блеснули.

Второй тайм Алексею Палычу начинать не хотелось. Он догадывался, что игру эту все равно не выиграть. Борису тоже уже не было смешно.

— Пускай лучше он подключится, — посоветовал Борис.

— Это от меня не зависит, — сказал Алексей Палыч. — Давай подумаем насчет одежды.

— Алексей Палыч, — неуверенно сказал Борис, — это я, конечно, так... просто сейчас в голову пришло... Может быть, сделать так, чтобы его отозвали?

— Почему? — спросил Алексей Палыч.

Спросил так, будто ему важен был не сам ответ, а важно было понять, что за человек перед ним.

— А какая от него польза?

— А какая польза была от тебя в этом возрасте? Или от меня?

— Это все понятно, — сказал Борис. — Никакой не было. Но мы же ниоткуда не прилетали. Неужели он прилетел сюда, чтобы кашей бросаться?

— Боря, — сказал Алексей Палыч, — я не имею права ни к чему тебя принуждать. Ты свободен. Но я дал слово.

— А я слова не давал. Вы будете молчать и никого не обманете, а я могу сказать и тоже

никого не обману. И — привет. И никакой одежды не нужно.

— А то, что он сейчас нас слышит, не имеет значения?

Борис взглянул на мальчика. Тот сидел прямо, внимательно взглядывал то на Бориса, то на Алексея Палыча.

— Пускай он тогда скажет, что понимает.

Мальчик молчал. Не улыбался. Вид у него был чрезвычайно серьезный.

— Ну, скажи что-нибудь,— обратился к нему Борис.

Мальчик молчал. Что-то не по-детски напряженное было в его позе. И еще — глаза: расширившиеся, застывшие в ожидании. Такие глаза бывали у Сереги, когда Борис заносил над ним руку.

Борису почему-то стало неловко.

— Насчет одежды...— сказал он.— Я бы мог принести чего-нибудь Серегино, но ему будет велико.

— С одеждой мы выкрутимся,— сказал Алексей Палыч.— Может быть, я даже сегодня успею съездить в одно место.

Но в этот день Алексей Палыч никуда не успел. Как раз в этот день вечером обнаружила Анна Максимовна пропажу продуктов, и Алексей Палыч не решился уйти из дома.

И это хорошо, что не решился, потому что на следующий день, когда Алексей Палыч и Борис скрывались в лесу от пожарного инспектора, в лаборатории кое-что изменилось.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Голубой силуэт с голубыми иголочками

На следующий день, решив, что пожарный инспектор уже закончил обход школы, Алексей Палыч и Борис направились в лабораторию.

Они хотели заглянуть на минутку, после чего Алексей Палыч собирался поехать на ближайшую от Кулеминска станцию за одеждой. Покупать одежду в Кулеминске было чистым безумием. Молодые продавщицы когда-то учились у Алексея Палыча, а не очень молодые учили у него своих детей сейчас. Конечно, не все они знали, какого возраста у учителя внук. Но всех и не надо, достаточно одной.

На этот раз в портфеле учителя на всякий случай лежали две булочки с маком и четыре сосиски, купленные в школьном буфете.

Лаборатория выглядела так, будто в ней повеселилась парочка обезьян.

На столе и под столом валялись перепутанные провода. Из приборов на столе была сложена башня, грозившая вот-вот развалиться; инструменты, раньше аккуратно развешенные над верстаком, теперь были разбросаны по полу; даже шкаф был сдвинут со своего места.

Но все это было не главной новостью.

Возле стола стоял мальчик лет восьми, почти ровесник Сереги. Он был закутан в одеяло, молча наматывал на палец кусок провода и изредка шмыгал носом. На лице его застыла обида.

— Опять вырос,— сокрушенно сказал Алексей Палыч.

— Ты зачем это наделал?— строго спросил Борис.

— Я играл.

— Разве приборы для детей?

— Я не знал...— Вид у мальчика был виноватый.

Воспользовавшись минуткой молчания, Алексей Палыч вытащил из портфеля булочки и сосиски и протянул их мальчику.

— На, поешь.

Мальчик взял одну булочку.

— Когда тебе что-то дают, нужно говорить «спасибо»,— сказал Борис.

— Спасибо,— повторил мальчик и завертел булочку в руке, не зная, что с ней делать.

— Кусай,— сказал Алексей Палыч и щелкнул зубами, показывая, как нужно обращаться с булочкой.

Мальчик откусил кусочек, проглотил и положил булочку на стол.

— Не хочу.

— Ты что, вообще никогда не ешь?— спросил Борис.

— Я могу. Но я не хочу.

— Хочу — не хочу — это все на твоей планете осталось,— строго сказал Борис.— У нас нужно есть.

Мальчик, морщась, проглотил и булочки и сосиски. И лицо его, пока он ел, снова чем-то напомнило Борису брата Серегу, когда тот попадал в безвыходное положение.

— А теперь,— сказал Борис,— давай наводить порядок. Ты будешь все ставить на место, как было. Чего не понимаешь, спрашивай. Мы тебе поможем. Так, Алексей Палыч?

— Так, так...— согласился Алексей Палыч, глядя на Бориса внимательно, будто открыл в нем что-то новое.— Так, давай попробуем.

В эту минуту в дверь постучали.

— Кто там?— спросил Алексей Палыч.

— Инспектор.

Спрятаться в лаборатории было совершенно негде.

Спустившись на три ступени, инспектор увидел троих людей: двух ребят и одного взрослого, которого знал довольно давно.

— Ну, как тут у вас в нашем смысле?— спросил инспектор, протягивая Алексею Палычу руку.

— По-моему, все хорошо. Сам делал, в соответствии с наставлением,— почтительно сказал Алексей Палыч, косясь глазами в угол, куда Борис успел затиснуть мальчишку.

— Ну, это мы посмотрим, хорошо или плохо. Силовой ввод есть?

— Вот, к станку.

Инспектор подтащил табуретку в угол.

— Ну-ка, мальчик, подвинься, — попросил он, отодвигая рукой пришельца.

Как ни старался Борис заслонить мальчишку, взгляд инспектора все же скользнул по невысокой фигурке, закутанной в одеяло. Только скользнул, не более.

Проверив ввод силового тока, инспектор занялся остальной проводкой. Он влезал на верстак, на стол, светил в темных местах своим фонариком. Инспектор работал не спеша, добросовестно, не отвлекался, задавал вопросы только по делу, но, видно, какая-то посторонняя мысль сверлила его затылок. Какую-то ненормальность, желание что-то скрыть ощущал инспектор во всеобщем молчании. От инспектора почти всегда пытались что-то скрыть. Но ведь здесь проводка-то была в полном порядке!

Наконец инспектор нащупал эту мысль. Он развернулся на табуретке.

— А чего это вы мальчишку в одеяло закутали?

— Видите ли... — пробормотал Алексей Палыч. — Это в целях...

— Репетиция, — быстро сказал Борис первое, что пришло ему в голову.

— Ага, ага, — согласился инспектор, сразу утрачивая любопытство; репетиция было словом привычным, житейским; во Дворце культуры инспектор бывал часто.

Осмотр заканчивался. Инспектор поковырялся в щитке с пробками, слез с табуретки, потер ладонь о ладонь.

— Вроде все в норме. Хотя не мешало бы вас и оштрафовать.

Оживший было Алексей Палыч снова завибрировал.

— За что же нас штрафовать?

— А так. Для порядка. Чтобы не репетировали.

Последнюю фразу инспектор произнес в шутку. Он даже улыбнулся, что в практике инспекторов равносильно дикому хохоту. Но его собственные слова самому же ему кое-что напомнили.

— А почему вы тут репетируете? — спросил он, отыскивая глазами мальчишку.

— Это мой брат, — быстро сказал Борис.

— Ага, — кивнул головой инспектор, которому слова Бориса ровно ничего не объясняли. — Брат — это хорошо.

Попрощавшись с Алексеем Палычем, инспектор ушел, унося смутное ощущение, что в лаборатории все-таки есть какой-то непорядок.

Алексей Палыч запер дверь и вытер платком лицо.

Борис хлопнул мальчика по спине. Тот посмотрел на Бориса с удивлением.

— Ты молоток, — сказал Борис.

— Молоток? — повторил мальчик.

— Молоток — это значит молодец. Молодец, что молчал. А то бы мы погорели.

— Погорели? — снова спросил мальчик.

— Ну, влипли бы.

— Влипли... — в раздумье повторил мальчик.

— Ну, засыпались бы, понимаешь?

Мальчик отрицательно покачал головой.

— Засыпались — это значит... — уже с некоторым раздражением сказал Борис. — Это значит... это значит... — Борис умолк, взглянув на Алексея Палыча, и увидел, что тот улыбается.

Борис нахмурился.

— Засыпался — это означает, что... — начал Борис, как на уроке, — ...что... что человек хочет что-то скрыть, а его... разоблачают. Ты молчал, и поэтому мы не засы... поэтому инспектор не догадался, что мы тебя скрываем.

— Теперь понятно, — сказал мальчик. — Это же очень просто. Удивительно, что я сразу не понял.

— Ты бы лучше подключился, тогда не придется объяснять по десять раз, — посоветовал Борис.

— Подключился? А что такое — подключиться?

— Да не темни ты! — сказал Борис. — Ведь мне же Алексей Палыч все рассказал. Ты и сам слышал.

— Я слышал, — согласился мальчик. — Но я все равно не понимаю, что такое подключиться. А еще больше не понимаю, что такое темнить.

— Темнить — это значит скрывать правду! — заорал Борис. — А говорить «еще больше не понимаю» — неграмотно! Надо говорить «еще меньше понимаю»!

— Ты говоришь громко, — сказал мальчик. — Когда ты говоришь громко, я еще меньше понимаю. Но я не скрываю правду.

Вместо того чтобы посочувствовать, Алексей Палыч решил вмешаться.

— Боря, а ты не соврал, когда сказал инспектору, что мальчик твой брат. Вы и есть братья — по разуму.

— У меня таких братьев — полный класс, — буркнул Борис. — Только они умнее.

— Боря, я понимаю тебя, — стараясь говорить как можно мягче, произнес Алексей Палыч. — Я тем более понимаю тебя, потому... ну, потому что видел много разных ребят. Бывали и такие, от которых просто в отчаяние приходишь. Но они знали, что делали. А наш гость не делает ничего назло. Он ведет себя, как положено ребенку: если не понимает — спрашивает. Неужели ты хочешь, чтобы его «отозвали» только за это? Для меня само это слово звучит как-то жестоко. Будто не «отозвать», а убить.

Мальчик шевельнулся.

— Что такое «убить»? — спросил он.

— Это... ну, как бы тебе объяснить... — сказал Алексей Палыч. — Это так, вроде «отозвать».

— Отозвать?

— Да. Когда тебя отозовут, ты ведь с нами больше не будешь.

— Я с вами, — сказал мальчик. — Кто меня отзовет?

Алексей Палыч многозначительно посмотрел на Бориса.

— Никто тебя не отзовет, — сказал он. — Ты будешь с нами. Это была шутка.

— Что такое шутка?

На этот раз в затруднении оказался и Алексей Палыч.

— Боря, — сказал он, — ты у нас специалист по переводу с русского на русский. Может быть, попробуешь?

— Не могу я, Алексей Палыч[1], — взмолился Борис. — У меня и так в голове как будто каша. Я тебе потом объясню, — сказал он мальчику. — Ведь не горит у тебя?

— Не горит?

Борис застонал. Не голосом застонал, а так, внутренне. В школе ему давно уже объяснили, что русский язык богат и разнообразен. Но это был тот случай, про который говорят: «язык мой — враг мой».

— Ты можешь обождать? — простонал Борис, на этот раз вслух. — Не обязательно, чтобы я все немедленно объяснял.

— Я могу обождать, — послушно сказал мальчик. — Ты, Боря, хороший, когда не кричишь.

— А ты не слишком хороший, — сказал Борис. — Ты все время растешь. А это уже не шутка. Мы не знаем, какую одежду тебе доставать. Долго ты еще будешь расти?

— Я не знаю, — тихо сказал мальчик.

— А я знаю, — решительно сказал Борис. Взяв мальчика за руку, он подвел его к стене.

— Алексей Палыч, какой рост ему лучше всего сделать?

— Я думаю, хорошо, если бы вы были примерно одного роста. Но каким образом...

— А это пускай он сам соображает. Или ОНИ пускай думают. — Борис показал пальцем наверх. — Посылают человека в такую даль без штанов, а мы должны изобретать. Может быть, они нас сейчас слышат? — Борис задрал подбородок и проговорил в потолок: — Эй, вы, товарищи, или пришлите одежду, или перестаньте его растить!

Спохватившись, Борис глянул на мальчика, но тот ничего не сказал. Борис поправился. — Или сделайте так, чтобы он не рос выше этой черты.

Борис прислонил мальчика к стене, встал с ним рядом и карандашом провел на уровне своих глаз черту.

— Нормально? — спросил он учителя.

— Это было бы неплохо, — согласился Алексей Палыч.

— Ну и все, можно покупать на такой размер.

— Ты уже, кажется, начал распоряжаться в космосе, — усмехнулся Алексей Палыч.

— Больше я ничего не могу придумать.

— Да я не в укор, — сказал Алексей Палыч. — Мне, например, это и в голову не пришло. Будем надеяться. Впрочем, у меня завтра свободный день, я с утра зайду сюда на примерку. А теперь давай по домам. Если нас будут домашние разыскивать да заглянут сюда, это может кончиться плохо. Мама ведь не инспектор, ей не докажешь, что он твой брат.

— А инспектор Серегу знает, — беззаботно сказал Борис. — Серега у пожарки по целым дням крутится. Ему там даже погудеть дают. Я еще удивился, что инспектор ничего не сказал.

— Да как же ты тогда? Зачем же ты так сказал?

— А вы думаете, он их различает, маленьких? Я и сам-то их не всех отличаю.

— Ну и ну, — только и мог выговорить Алексей Палыч. — Хорошо, если так.

Наказав мальчику ничего не трогать, не шуметь, не включать света и убедившись, что тот как будто бы все понял, они вышли из подвала и заперли дверь.

На том заговорщики и расстались. И ничего существенного больше не произошло в этот день, если не считать...

...Если не считать того, что как раз в этот момент у дверей подвала стояла Ефросинья Дмитриевна.

Зная, что учитель часто по вечерам копошится в подвале, Ефросинья Дмитриевна завернула туда по дороге домой, чтобы получить обещанное ведро.

Дверь была заперта на замок. Ефросинья Дмитриевна собиралась уже уйти, как вдруг заметила, что от подвального окна тянется тоненький синий лучик. Наклонно он уходил далеко в небо и там терялся. Конечно, она не могла догадаться, что все было как раз наоборот. Не в небо, а с неба шел этот луч, проникал в ту самую дырочку и кончался в лаборатории.

«Забыли выключить прибор, — подумала Ефросинья Дмитриевна. — Пожару еще мне тут наделают».

Она прильнула лицом к стеклу, заглянула в дырочку. Окно изнутри было завешено газетой, но в ней тоже имелась дырочка — маленькая, как укол. Много разглядеть не удалось, но все же Ефросинья Дмитриевна увидела как бы светящийся силуэт, окаймленный как бы синенькими иголочками. Силуэт медленно угасал, пока не растворился в темноте.

Ефросинья Дмитриевна прижала к дырочке нос: горелым не пахло. В лаборатории было темно и тихо. Лучик тоже исчез.

— Есть кто там? — спросила Ефросинья Дмитриевна, целясь губами в дырочку.

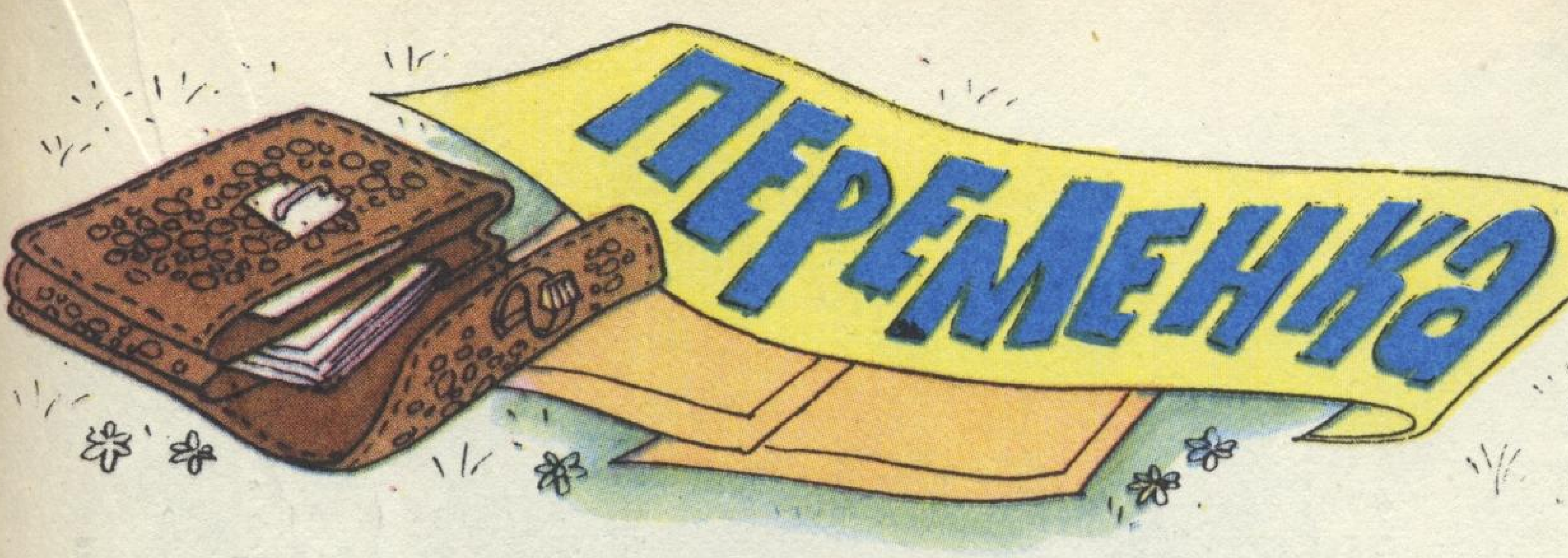
Тишина. Темнота. Молчание.

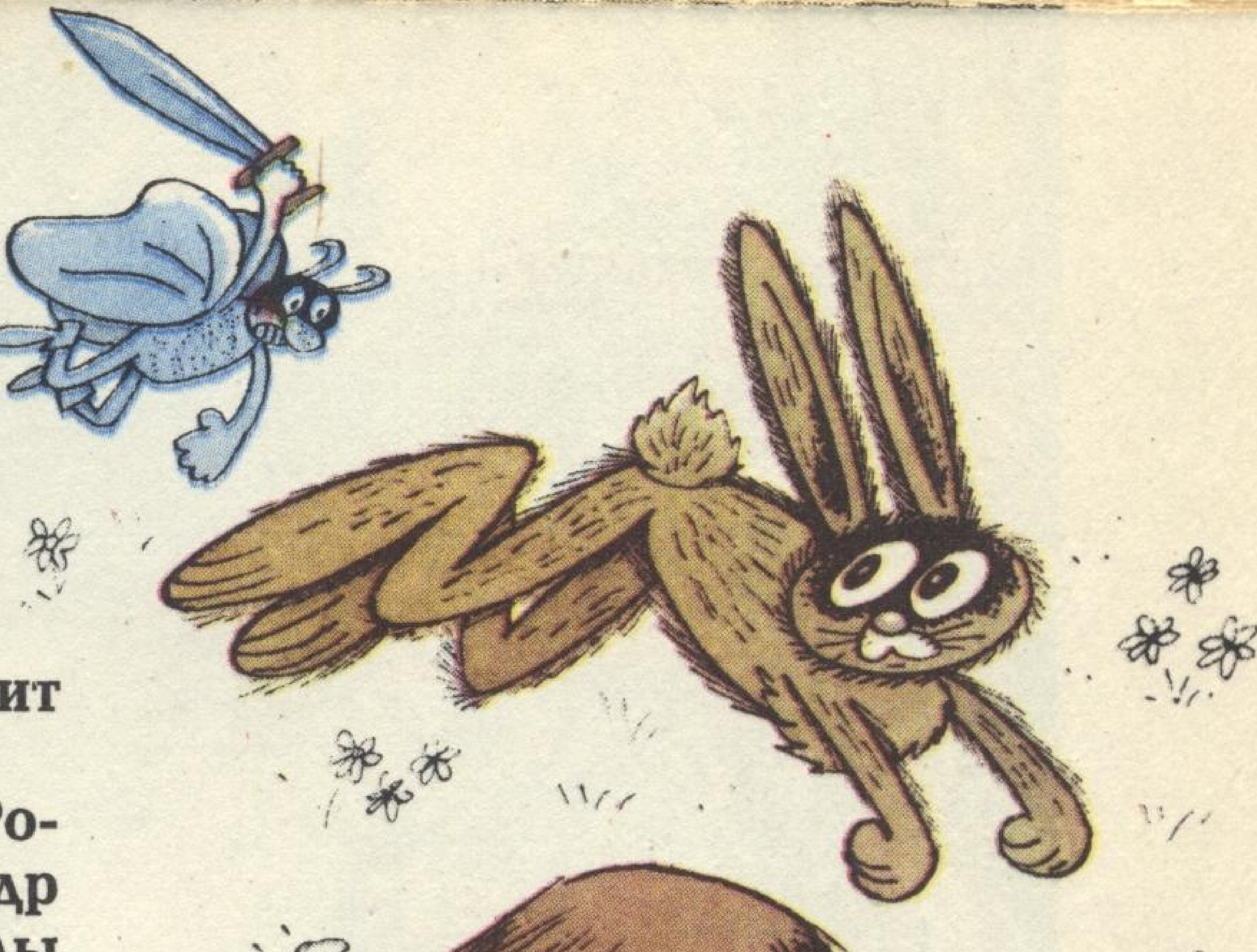
Постояв немного у окна, Ефросинья Дмитриевна направилась к дому.

Теперь она была уже точно уверена, что в лаборатории творится какое-то беззаконие.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

[1] Автор тоже затрудняется объяснить, что такое шутка. У одного из племен Южной Америки шуткой считается столкнуть человека в водопад. У некоторых наших ребят шуткой считается подложить своему товарищу на сиденье кнопку. Очевидно, все зависит от местных условий.





Как всегда, в конце учебного года «Переменка» подводит итоги «Конкурса невыдуманных диалогов».

Состав жюри вам хорошо известен: актер и режиссер Ролан Быков, писатель Григорий Горин, писатель Александр Курляндский, писатель Эдуард Успенский, артист эстрады Геннадий Хазанов. Они внимательно прочитали ваши диалоги и назвали победителей конкурса нынешнего года: А. НИКИТЕНКО из города Владимира, СВЕТЛАНУ КАЛИНИНУ из города Сумы, ЛЕСЮ ПИВОНЕНКОВУ из города Тулы, ВЕРУ БОБРЕЦОВУ из деревни Засулье Архангельской области.

СЛАВА СОЛОЩЕНКО и ТАНЯ Ж. со станции Безменово! Пожалуйста, сообщите свои адреса. Вы тоже победили в нашем конкурсе.

А тех ребят, у кого победы еще впереди, мы просим полностью писать свои имена, фамилии и адреса.

Продолжаем наш конкурс. Ждем ваших писем!

НЕВЫДУМАННЫЕ ДИАЛОГИ

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учитель. Как первобытные люди охотились на мамонтов?

Ученица. Они копали ямы, мамонт бежал, падал туда и ломал себе руки и ноги.

Таня Евсеева,
г. Москва.

НА УРОКЕ МАТЕМАТИКИ

Учитель пишет на доске: «а + в = в + а».

Учитель. Что ты можешь сказать об этом тождестве?

Ученик. А — гласная, В — согласная.

Лена Лещенко,
г. Белая Церковь,
Киевская область.

НА УРОКЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Учительница. Какими художественными средствами Пушкин показал нам образ Петра I в «Полтаве»?

Ученица. Петр сидел на всаднике и пожирал все поле очами.

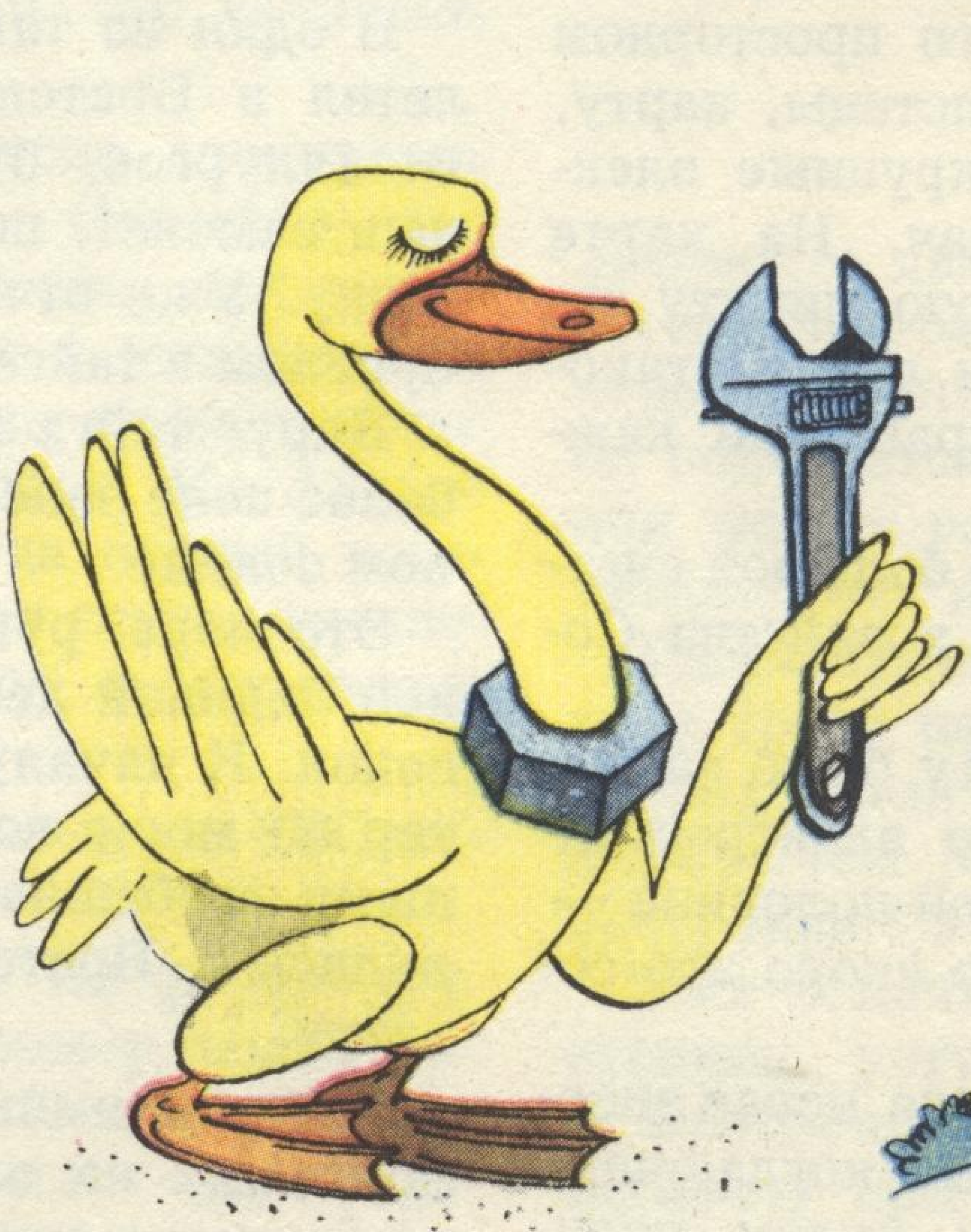
Алла Трубникова,
Ворошиловградская
область.

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учитель. Кто главный враг зайца-русака?

Ученик. Моль!

Ирина Шатон,
г. Благовещенск.



ИЗ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

«После того, как Пушкин сдал экзамен, к нему подошел Державин и подарил ему свою фотокарточку».

«На улице было тепло, только потрескивал мороз».

«Он стоял и пожимал носом».

«Лебедь открутил голову назад и заснул».

«Папа у нее хороший, мама добрая, а бабушка — в деревне».

«Глаза у мамы темные с отблеском ласки».

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА.
Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

СВЕТ И ТЕПЛО СИБИРИ

Мурад АДЖИЕВ

Фотографии А. ЛЕХМУСА и Фотохроники ТАСС

Недавно я был на приеме у министра энергетики и электрификации СССР Петра Степановича Непорожнего. В его просторном кабинете увидел огромную, в полстены, карту, на которой отмечены все наши крупные электростанции и линии электропередач. На карте было еще много счетчиков. Каждую минуту загорались на них новые цифры, и сразу становилось ясно, сколько энергии выработала каждая электростанция.

А над картой установлен самый большой счетчик — для всего энергетического хозяйства Советского Союза.

При первом же взгляде на карту было заметно, что на европейской половине электростанций намного больше, чем на другой половине — азиатской. Но я хорошо знал, что скоро это соотношение изменится.

В Сибири, в Казахстане создается новая энергетическая база, и недалек тот день, когда очень много электрической энергии мы будем получать там, на востоке!

Вот почему сегодня наш рассказ о невиданных энергетических ресурсах сибирского края.

Ожерелье Ангары

Весна в Сибири дружная. В апреле солнце уже припекает, а к маю разом сходит быстрыми потоками да мутными паводками снег. Тепло становится днем.

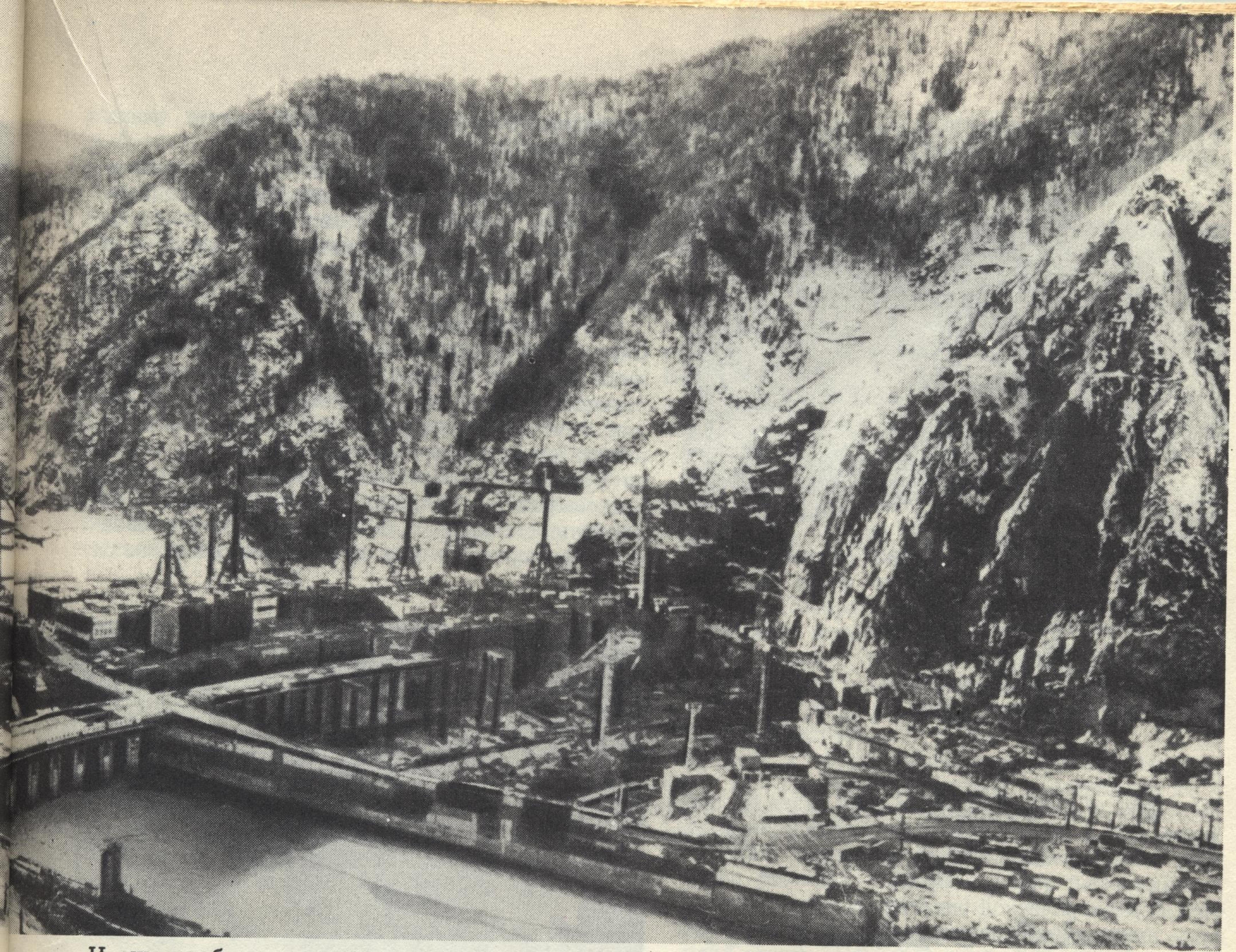
В один из таких теплых весенних дней я вылетел в Братск, город сибирских энергетиков, металлургов, бумагоделателей. И вот наконец наш самолет, подвывая моторами, пошел на посадку. Уже отчетливо виднелись деревья, даже бурелом в тайге.

Вдруг тайга широко расступилась и огромное белое поле заискрилось под нами, засияло на ярком солнце.

Это море, рукотворное Братское море! Огромной льдиной лежало оно среди поросших тайгой сопок. К началу лета растает лед, и погонит ветер по морю волны. Высокие, с крупными пенными гребешками. На десятки километров разлилась у Братска Ангара. Есть где погулять ветру.

Гостеприимные братчане обязательно везут приезжих на электростанцию — главную достопримечательность города. И по дороге непременно покажут сохранившуюся деревянную башенку и стену старинного казацкого острога. Деревянной крепости вот уже более трех веков — столько же, сколько Братску.

А Братской ГЭС — всего четверть века... Плотина ее и громадна и величественна. Сто двадцать пять метров высотой — не меньше любого высотного здания Москвы! По широкому гребню плотины проложено автомобильное шоссе через Ангару, два ряда железнодорожных путей.



Здесь, на Енисее,
на великой сибирской реке,
строится самая мощная в мире
Саяно-Шушенская ГЭС.

И еще свободное место осталось для газона. Едешь по плотине, словно по высокому берегу реки, не верится, что построили это величественное сооружение люди.

С гигантской стройки в Братске начиналось современное освоение Сибири. Строительство электростанции стало школой жизни для тысяч юношей и девушек, приехавших в пятидесятых годах по комсомольским путевкам сюда, в таежный, мало кому известный городок. На Ангаре у Падунских порогов вырос тогда первый поселок строителей. А несколько лет спустя гигантская плотина перегородила реку и разлилось просторное Братское море.

Почему же первую в Сибири мощную ГЭС построили здесь?

Ангара — река удивительная. По руслу других рек, Волги или Днепра, например, вода в течение года стекает по-разному. Весной буйное половодье заливает низкие берега — река разливается. Летом воды спадают и открываются желтые, песчаные косы. С осенними дождями снова река вздувается, но ненадолго, до первого снега. Зимняя река еще мельче летней.

Вот и получается, что ГЭС на этих реках работают неровно. Много воды — станция действует на полную мощность, мелеет река — мощность теряется, а бывает, что станция простаивает без работы.

Ангара — исключение! Невиданную силу дает ей Байкал. Байкальский водоем гигантский: на девяносто два Азовских моря хватило бы воды этого чудо-озера. Вот почему на Ангаре уровень воды не меняется круглый год. Конечно, он колеблется, но лишь чуть-чуть. Электростанция может работать круглый год с постоянной мощностью. А это очень важно!

Гидростроители и решили построить на этой реке сразу несколько крупнейших ГЭС. Первой из них стала Братская. Правда, самой мощной в мире она была недолго, до тех пор, пока не построили ГЭС на Енисее.

Уже к началу семидесятых годов Братская станция уступила первенство Красноярской. А Красноярская ГЭС сейчас готовится передать эстафету еще более мощной Саяно-Шушенской станции. Первый агрегат ее уже запущен!

Могучие сибирские реки во многом облегчают работу строителям. Рек с крутыми скалистыми берегами, мощным напором воды и гранитным руслом нет в Европейской части страны. Природа Сибири как бы сама подготовила все для возведения гигантских ГЭС.

Но вернемся к самой первой ГЭС ангарского каскада, к Братской.

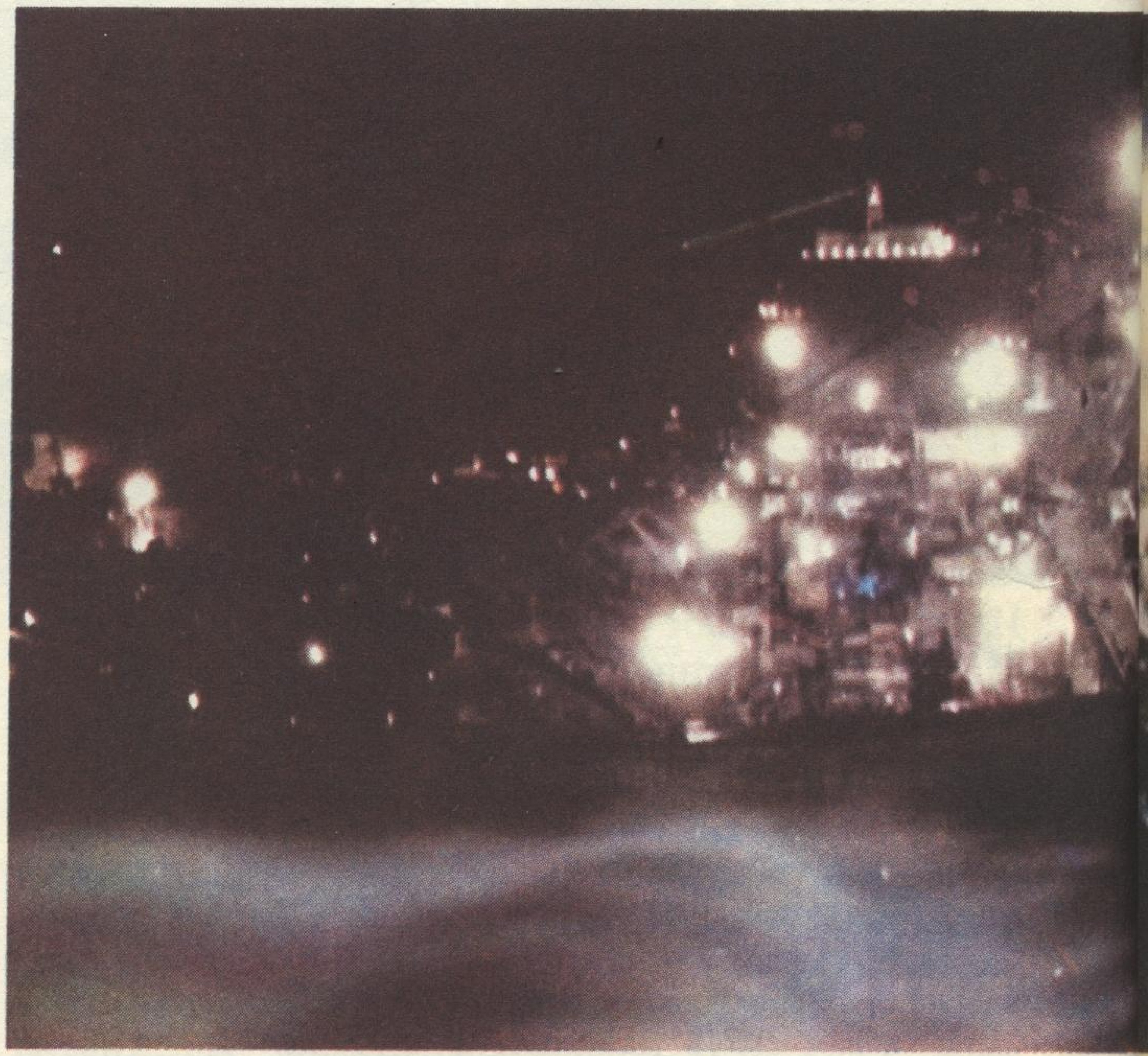
По сопкам, поросшим соснами и кедрами, бегут от станции мачты-опоры линий электропере-

Братская ГЭС — первая ступень знаменитого ангарского каскада. Недавно вступила в строй Усть-Илимская ГЭС (снимок внизу) — новый гигант на Ангаре.

же колеса велосипедов. Короче говоря, очень ценный металл.

Сейчас в Сибири с каждым годом вырабатывается все больше электроэнергии и обходится она очень дешево. Поэтому у Красноярской ГЭС тоже построили алюминиевый завод, и в городе Шелехове — неподалеку от первой гидростанции на Ангаре.

Я уже упоминал о Саяно-Шушенской ГЭС. Сила в ней будет исполинская — мощность ее лишь немного меньше мощности всех электростанций, построенных по плану ГОЭЛРО. И рядом со станцией поднимаются светлые корпуса нового алюминиевого завода — Саянского. Вблизи Братска — по сибирским меркам четыреста километров это «рядом» — я видел еще одну крупную станцию, Усть-Илимскую. В низовьях Ангары вырастает уже новая — Богучанская...



дач. День и ночь, в стужу и зной, идет по проводам ток в новый город, на алюминиевый завод, в лесопромышленный комплекс. Братский алюминиевый завод — БрАЗ — главный потребитель электрической энергии. К нему протянулись шесть линий электропередач. Ведь чтобы выплавить алюминий, нужно очень много электрической энергии — больше, чем при плавке других металлов.

Алюминий сейчас незаменим в авиации, в космонавтике: он в три раза легче стали и по прочности не уступает ей. Провода из алюминия легче и надежнее медных. Из алюминия делают детали для моторов, автомобильные кузова, да-

Целый каскад мощных ГЭС, как сверкающее ожерелье, украшает Ангару. Будут такие же ожерелья и на Енисее и на Лене.

Десять великанов

В Красноярском крае много месторождений полезных ископаемых. Расскажу лишь об одном, очень богатом.

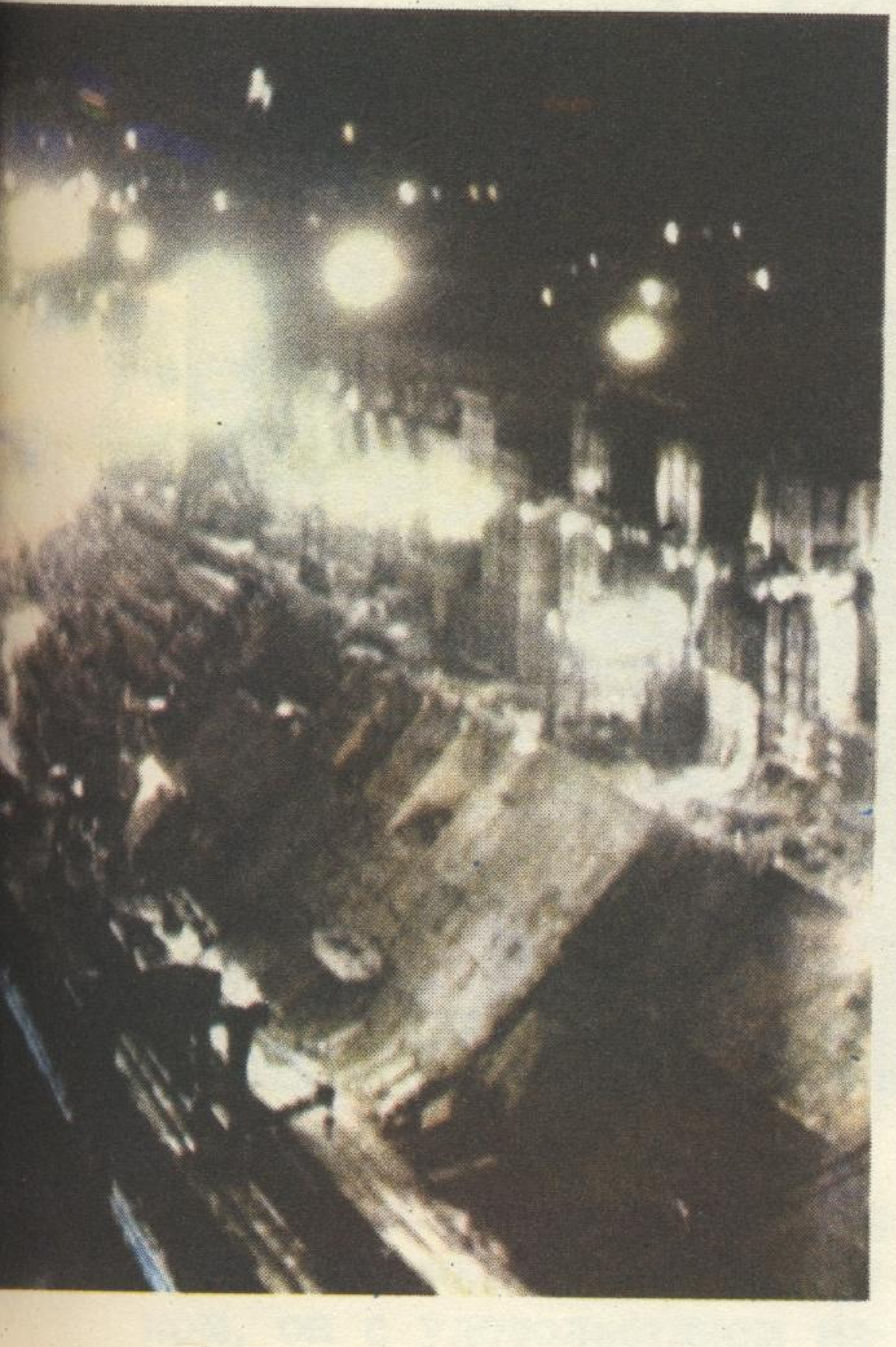
На сотни километров широкой полосой тянется оно от Кузнецкой котловины до предгорий Саян. А открыли это огромное месторождение сурки. Беспокойные зверьки рыли в степи глубокие норы. Даже не норы — настоящие подземные дворцы с переходами, залами.

Подземные города и привлекли внимание людей. Возле каждого из них в степи стояли пирамидки темной земли. Это угольная пыль окра-

шивала землю, которую маленькие землекопы выбрасывали на поверхность. Так люди узнали о месторождении угля...

Сейчас мы называем его Канско-Ачинским буроугольным бассейном. Он знаменит на весь мир. Ни в нашей стране, ни где-либо еще пока не разведано месторождение, сравнимое с этим, южно-сибирским...

Расположено месторождение очень удобно: рядом железная дорога, неподалеку крупные города. Но тем не менее уголь долгое время не добывали. Очень каверзным оказался этот уголь. Даже не знаю, правильно ли так его называть — скорее, это очень влажная и очень плотная угольная пыль. Ее нельзя перевозить по железной дороге, нельзя долго хранить. Как только черная глыба подсохнет на воздухе — она рассыпается, превращаясь в пыль. В пыль очень



Но самые мощные гидростанции на Енисее. Красноярская ГЭС (ее панорама на этих снимках) до недавнего времени была крупнейшей в мире. Сейчас в верхнем течении Енисея строится Саяно-Шушенская гидроэлектростанция, которая превзойдет по мощности даже Красноярскую!

опасную, которая сама собой возгорается. Какой толк в богатстве, если им нельзя пользоваться!

Но сравнительно недавно родилась блестящая идея — использовать уголь до того, как он превратится в самовозгорающуюся черную пыль. Так появился проект КАТЭКа — Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса.

Запасы угля огромны. Его хватит на десять мощных тепловых электрических станций, решили ученые. А чем крупнее станция, тем дешевле электричество, выработанное ею. На КАТЭКе будет вырабатываться энергия, самая дешевая в нашей стране.

И не будет шахт. Уголь станут добывать прямо с поверхности в угольных разрезах. Поэтому здесь же проложат километры железнодорожных и автомобильных дорог.

Экскаваторы величиной с десятиэтажный дом мощными ковшами станут вгрызаться в высоченную стену пласта и грузить уголь в железнодорожные вагоны. Прямо из разреза уголь пойдет на тепловую станцию.

Один миллиард тонн угля в год — больше, чем сейчас все угольные шахты страны,— будет давать КАТЭК.

Добыча угля уже началась.

Строятся и тепловые станции КАТЭКа, самые мощные в мире. Березовская, например, по мощности не уступит Саяно-Шушенской ГЭС! Всего в КАТЭКе будет десять станций-великанов. И через две пятилетки все они войдут в строй!

«Сибирь» — так называется сверхмощная энергетическая система, куда входят все сибирские электростанции, и те, что стоят на реках, и те, что работают на угле.

Главная линия электропередач протянулась через всю Сибирь с востока на запад. Она питает энергией весь этот край.

Край суровый. И взять таежные богатства, построить новые города, жить завтра лучше, чем сегодня, смогут лишь люди, вооруженные электрической энергией.

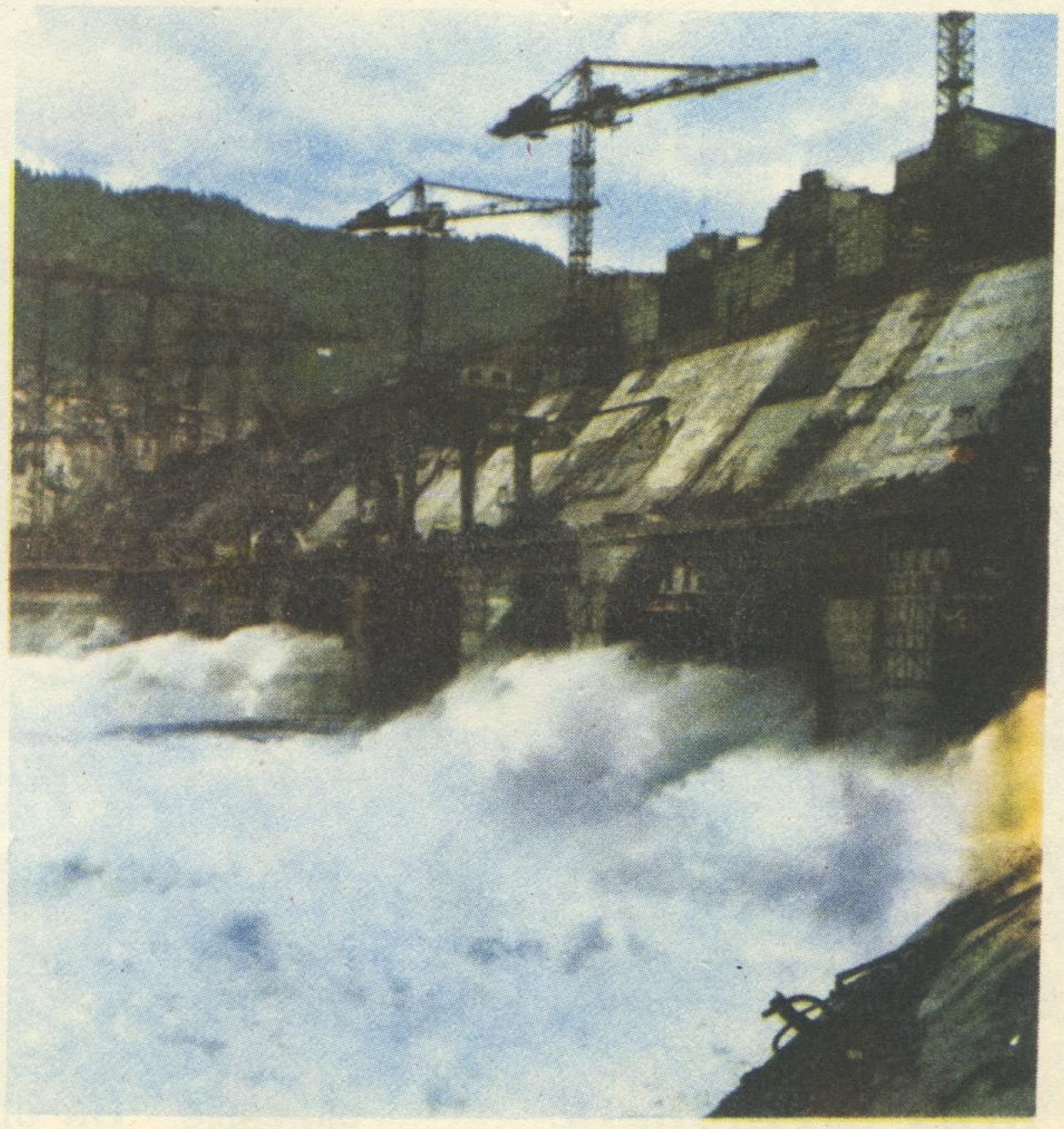
Прямые и бесконечные просеки прорезали тайгу, как серебряными швами, прострочили их линии электропередач. Сибирский ток бежит по проводам...

Три вопроса о Сибири

1. Какие ты знаешь пороги на крупнейших сибирских реках? Расскажи, как их используют строители ГЭС.

2. Какие искусственные моря возникли в Сибири в связи со строительством ГЭС?

3. Где бы ты построил атомную электростанцию в Сибири?



«ОБОРОНА ПЕТРОГРАДА». Масло. 1927.

«ДУХОВНОЕ ВЕЛИЧИЕ... ИДУЩИХ НА ПОДВИГ»

20 МАЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 80 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛАУРЕАТА ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО СОВЕТСКОГО ХУДОЖНИКА — ЖИВОПИСЦА, ГРАФИКА, СКУЛЬПТОРА АЛЕКСАНДРА ДЕЙНЕКИ. НЕСКОЛЬКО РАБОТ АЛЕКСАНДРА ДЕЙНЕКИ ВЫ ВИДИТЕ НА ЭТИХ СТРАНИЦАХ.

«Оборона Петрограда» — одна из лучших, самых знаменитых работ Александра Дейнеки. Художник называл ее своей любимой картиной. Написана она в конце 1927 года, когда битвы гражданской войны уже стали историей.

Картина поражает строгостью и простотой. Перед тобой проходят люди — скромные, не по-военному одетые мужчины и женщины, они идут из города на фронт. А навстречу им с линии фронта в город возвращаются раненые. Ни одного яркого пятна нет на картине, она выдержана в темных, сумрачных тонах. Но, взглянув на холст, ты проникаешься уверенностью, что видишь победителей, что светлое будущее — в руках этих суровых людей. Их собранность, их мужественный облик словно бы говорят: нас ждет борьба не на жизнь, а на смерть, но победа будет за нами.

«Духовное величие, спокойный шаг людей, идущих на подвиг», — вот что, по словам художника, стремился он передать.

«Я ЛЮБЛЮ СПОРТ...»

«Я люблю спорт, — говорил Александр Дейнека. — Я могу любоваться часами на бегунов, пятиборцев, пловцов, лыжников. Мне всегда казалось, что спорт облагораживает человека, как все красивое. Мне нравится воля спортсмена, которой он управляет».

Любовью к спорту, восхищением спортсменами Александр Дейнека умел захватить и зрителей. Его всегда привлекает движение — смелое, резкое, сильное. Часто он выбирает для изображения момент перед победой, решающее усилие, острейшее напряжение воли и мышц. Он рисует вратаря, который как бы парит над землей в отчаянном броске за мячом; мальчика, летящего с вышки в смелом прыжке; бегуна, который вот-вот разорвет ленточку финиша, и другого, который готов принять палочку эстафеты...

Художник всегда рисовал спортсменов не с натуры, а по памяти: тот миг, рывок, который он любил изображать, длится подчас долю секунды. Это мгновение можно подсмотреть, запомнить, но нельзя искусственно, по желанию повторить.

Каждый, кто бывал в Москве, не раз, должно быть, любовался спортсменами на ярких мозаиках станции метро «Маяковская».

Но не все знают, что автор этих радостных мозаик — Александр Дейнека.

Дейнека мечтал о том, чтобы искусство вышло на улицы, чтобы его творения украшали купола дворцов и стены зданий. Мечта художника сбылась, его картины вошли в жизнь многих городов.

«ФУТБОЛ». Акварель, тушь. 1927.

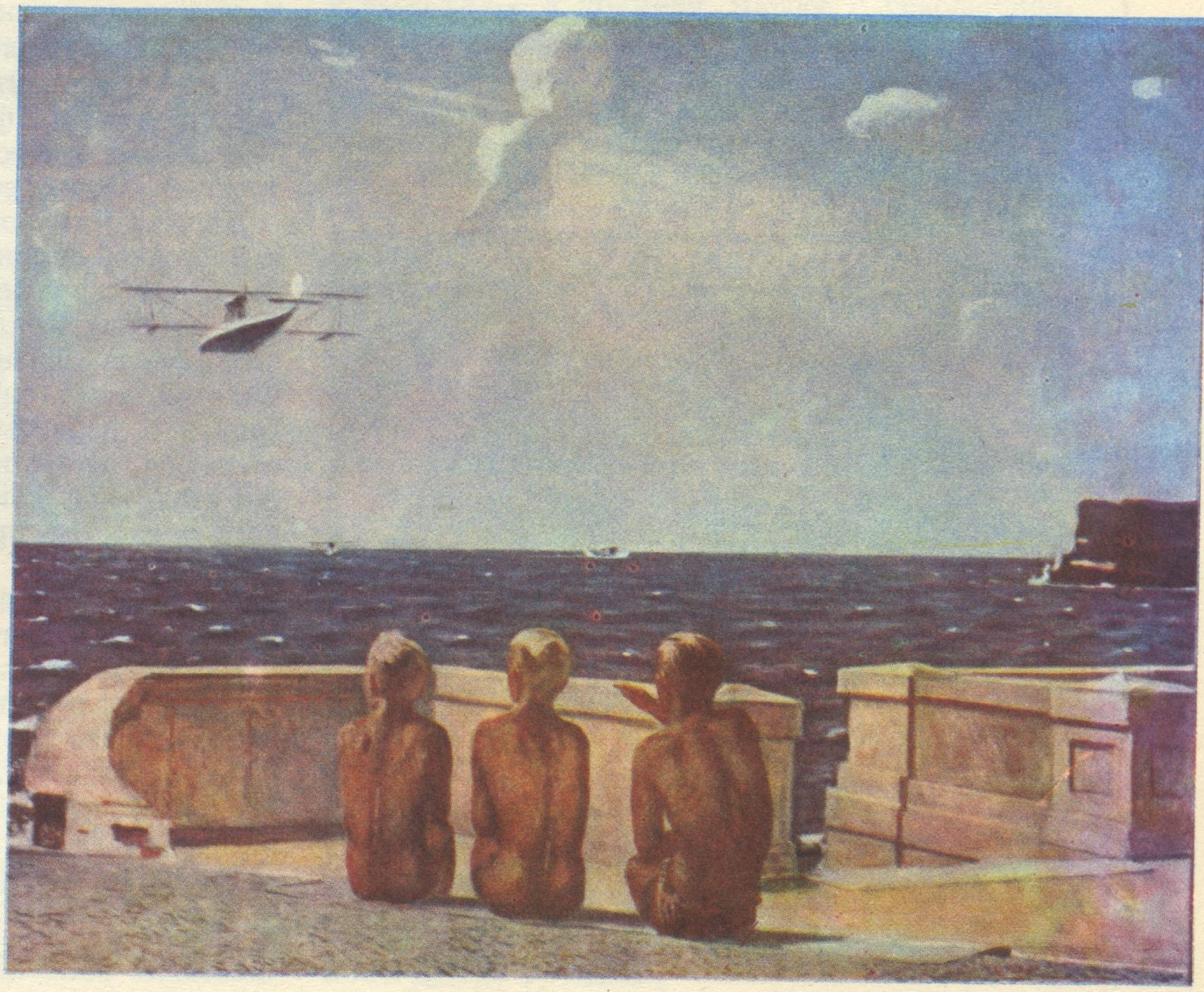
«Я МНОГО РИСОВАЛ, ПИСАЛ, ЛЕПИЛ ДЕТЕЙ...»

Александр Дейнека всегда с любовью изображал детей: малыша, уснувшего на руках матери, девочку у окна, глядящую в окутанный зимою сад, твоих ровесников-подростков.

Когда Александр Дейнека был еще молодым художником, он с удовольствием иллюстрировал книги для детей, рисовал для детских журналов. «Дети не так-то много знают, не ахти сколько приобрели опыта, но их непосредственность, их инстинкт впитывать все, с чем их сталкивает жизнь, кладет на нас, старших, ответственность за их будущее», — говорил художник.

Он сам всегда думал о будущем тех ребят, которых рисовал, старался своей картиной заглянуть в их завтрашний день. Нарисовав трех мальчишек у моря, он назвал картину «Будущие летчики» — художник верил в мечту своих героев, смело предсказывал их судьбу.

«БУДУЩИЕ ЛЕТЧИКИ». Масло. 1937.



ОН БЫЛ БЫ ЛУЧШИМ АВТОМОБИЛЕМ, НО ПОКА...

«Можно ли изобрести автомобиль, который будет работать на воде?»

Коля Федоров, 5-й класс,
Северо-Осетинская АССР.

Такой автомобиль уже изобретен. Правда, работает он не на воде, а на водороде. Но газ этот получают из воды.

Водород — топливо чистое. Современный автомобиль, работающий на бензине, выпускает в атмосферу выхлопные газы, вредные вещества, а водородный автомобиль не загрязняет окружающую среду. Если бы все автомобили были с такими двигателями, то из нефти, которая идет сейчас на бензин, можно было бы делать другие, более нужные продукты.

Но пока... Выпускать автомобили с водородными двигателями невыгодно. Их построили несколько штук, экспериментальных. Пока еще не придумали, как дешево получать водород из воды. Пока еще не изобрели легкий и вместительный бак для этого топлива. В бак «Жигулей» можно залить пятьдесят литров бензина, столько, сколько надо для того, чтобы проехать четыреста километров. Пустой бак весит килограммов пять. Водородному автомобилю, чтобы проехать четыреста километров, понадобится шестнадцать килограммов водорода. А бак его будет весить около тонны.

Водородный автомобиль. Фантастический рисунок художницы Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Водород — газ. В баке автомобиля он находится в сильно сжатом состоянии и при очень низкой температуре. Когда газ сжат, он с силой давит на стенки сосуда, старается вырваться, поэтому, ты понимаешь, что бак должен быть очень прочным. Ученые и конструкторы думают сейчас, из каких металлов и сплавов сделать прочные и легкие баки.

Ю. А. ДОЛМАТОВСКИЙ,
кандидат технических наук.

НАШ ОБЩИЙ ПРЕДОК

«Ученые предполагают, что человек произошел от обезьяны, а почему тогда сейчас от обезьян не происходят люди?»

Люда Хренова, шестиклассница.
г. Сычевка, Смоленская область.

Для того чтобы ответить на вопрос Люды, наш корреспондент М. Матвеева побывала в Государственном Дарвиновском музее и записала рассказ научного сотрудника музея **В. А. КРЮКОВА.**

Люди произошли не от тех обезьян: горилл, шимпанзе, орангутангов, которые живут сейчас в лесах Азии и Африки. Люди и человекообразные обезьяны произошли от одного предка — древнего вида обезьян дриопитеков.

Десятки миллионов лет назад в Южной Азии и Восточной Африке начали отступать леса, появились обширные степи, и той части дриопитеков, которые остались в степях, пришлось изменить образ жизни. Восемнадцать — двадцать миллионов лет понадобилось, чтобы они превратились в первобытного человека. А древние обезьяны, оставшиеся в лесах, за эти миллионы лет стали еще более обезьянами. Их руки, кисти, ноги полностью приспособились для жизни на деревьях.

Предвижу такой вопрос: а современные гориллы, шимпанзе могут превратиться в людей?

Для того, чтобы это выяснить, надо прожить 20 миллионов лет. А если серьезно... Искусственно создать те же условия для обезьян, какие были на нашей планете миллионы лет назад, нельзя. Но если бы люди отгородили для такого эксперимента земли и миллионы лет ставили этот опыт, они скорее всего получили бы новый, усовершенствованный вид обезьян, а не людей себе подобных. Только зачем это нужно?

М. БРЕМЕНЕР

Откуда писатели все берут — из жизни или из головы?

Такой вопрос иногда задают дети, подростки в письмах, которые адресуют журналу «Пионер», издательству «Детская литература», Дому детской книги или самим писателям. Этот вопрос очень наивен и в то же время непрост, на него — если он задан в той форме, которая вынесена в заголовок, — вообще невозможно ответить. Но любопытство, породившее неуклюжий вопрос, в разное время пробовали удовлетворить многие поэты, прозаики, критики. Правда, они обращались обыкновенно к взрослому читателю.

Значит, этот вопрос возникает иногда и у взрослых людей тоже? Да. Бывает. Вот Аркадий Петрович Гайдар в мае 1939 года записывает в дневнике:

«Один из самых страшных вопросов: «А скажите, как вы пишете? Из жизни материал берете или больше выдумка?»

Очень становится от такого вопроса уныло».

Почему же **становится уныло?** Потому, наверно, что взрослый человек должен бы уже сам знать, как. Или по меньшей мере понимать, что ответить ему просто, кратко, мимоходом невозможно.

Однако если вопрос исходит от подростка, он не «страшен», а лишь труден и сложен.

Впрочем, начнем ответ на него с простого, ясного. Иногда писатели «все берут» из жизни. Из своей собственной жизни. Вспомним «Белеет парус одинокий» В. Катаева, «Кондуит и Швамбранию» Л. Кассиля, «Серебряный герб» К. Чуковского. Это автобиографические вещи. Две из них написаны от первого лица, причем «я» рассказчика и «я» автора совпадают (речь идет о повестях Кассиля и Чуковского). В книге В. Катаева повествование ведется не от первого лица, однако семья учителя Бачея, у которого два сына — Петя и Павлик, написана, как говорят художники, с натуры: это семья будущего писателя Катаева, состоявшая после смерти матери мальчика из отца, тети и младшего брата. Бачей — настоящая фамилия матери писателя, в повести это фамилия главного героя, чьими глазами увидены Одесса начала нашего века, события первой русской революции.

Почему же имена главного героя и его младшего брата изменены? (Вот у Кассиля его имя, имя младшего брата Оськи — настоящие). Потому, наверно, что хотя жизнь семьи Пети и Павлика написана с натуры, есть в повести и вымысел — к примеру, матрос с революционного броненосца «Потемкин» входит в судьбу Пети Бачея так, как это вполне могло бы быть на самом деле, но в судьбе и детстве маленького гимназиста Вали Катаева матроса не было. То есть, может быть, матрос жил в его мальчишеской фантазии или снился ему, но наяву он не приносил матросу и его товарищам патроны.

Так что ту историю, которую поведал Катаев в книге «Белеет парус одинокий», нельзя назвать историей его детства, хотя в ней очень много автобиографического.

Спустя много лет после выхода в свет книги «Белеет парус одинокий», совсем недавно, В. Катаев снова вернулся к своему одесскому детству, к началу нашего века — в повести «Волшебный рог Оберона, или Разбитая жизнь», На этот раз писатель опирается только на свою память: пишет только то, что было на самом деле и запомнилось. Тут нет матроса Родиона Жукова, нет помощи мальчика участникам восстания 1905 года в городе — словом, нет вымысла.

Значит ли это, что писатель не может опираться на одну только память? Вовсе не значит. Иногда, **опираясь только на память,** художник создает замечательные произведения. (Вы убедитесь в этом, когда прочтете, к примеру, «Былое и думы» Герцена.)

Катаев же, по-моему, достигает наибольшего успеха тогда, когда его удивительная память и его великолепное воображение — союзники, дополняют друг друга.

Голиков и Гориков

В знаменитой повести А. Гайдара «Школа» очень многое нарисовано таким, каким было на самом деле в предреволюционном детстве и революционном отрочестве Гайдара (его настоящая фамилия — вы, наверное, знаете это — Голиков).

Повесть написана от первого лица (от лица ученика Арзамасского реального училища Горикова). Писатель действительно жил в Арзамасе и учился в реальном училище в то время, которое изображено в «Школе». Ему было столько лет, сколько Борису Горикову, когда он, как его герой, ушел «воевать за светлое царство социализма». Все взято из жизни, из собственной жизни... Тогда почему же фамилия героя Гориков, а не Голиков (одна буква изменена), почему его зовут Борис, а не Аркадий? Потому что, кроме взятого из собственной жизни Аркадия Голикова, в судьбе героя повести есть то, что взято из жизни сверстников Голикова, его товарищей.

Многое, если не все, определено и предопределено в судьбе героя «Школы» тем, что произошло с его отцом, большевиком (царский суд приговорил Алексея Горикова к расстрелу незадолго до Февральской революции), тем, как действовали и что говорили на митингах после Февраля товарищи отца.

Судил ли (не в повести — в жизни) царский суд за пропаганду против войны отца Аркадия Голикова — Петра Голикова, приговорил ли его к расстрелу? Нет, этого не было. Значит, гибель отца героя в «Школе» не автобиографична? Но зачем же она тогда, и почему вымыслу писателя мы так же верим, как тому, что было с ним на самом деле, можете вы спросить? И почему то, чего не было с писателем на самом деле, волнует нас, читателей, бывает, ничуть не меньше (а иногда и сильнее), чем изображение того, что действительно было?! Ответим коротко: потому что изображается **пережитое.**

Не было, но пережито

Да, именно так: **то, чего не было с ним самим,** тем не менее **пережито** писателем — тут нет никакой ошибки или оговорки. Как это понять? Ведь сплошь и рядом мы слышим, как человек говорит о своем друге:

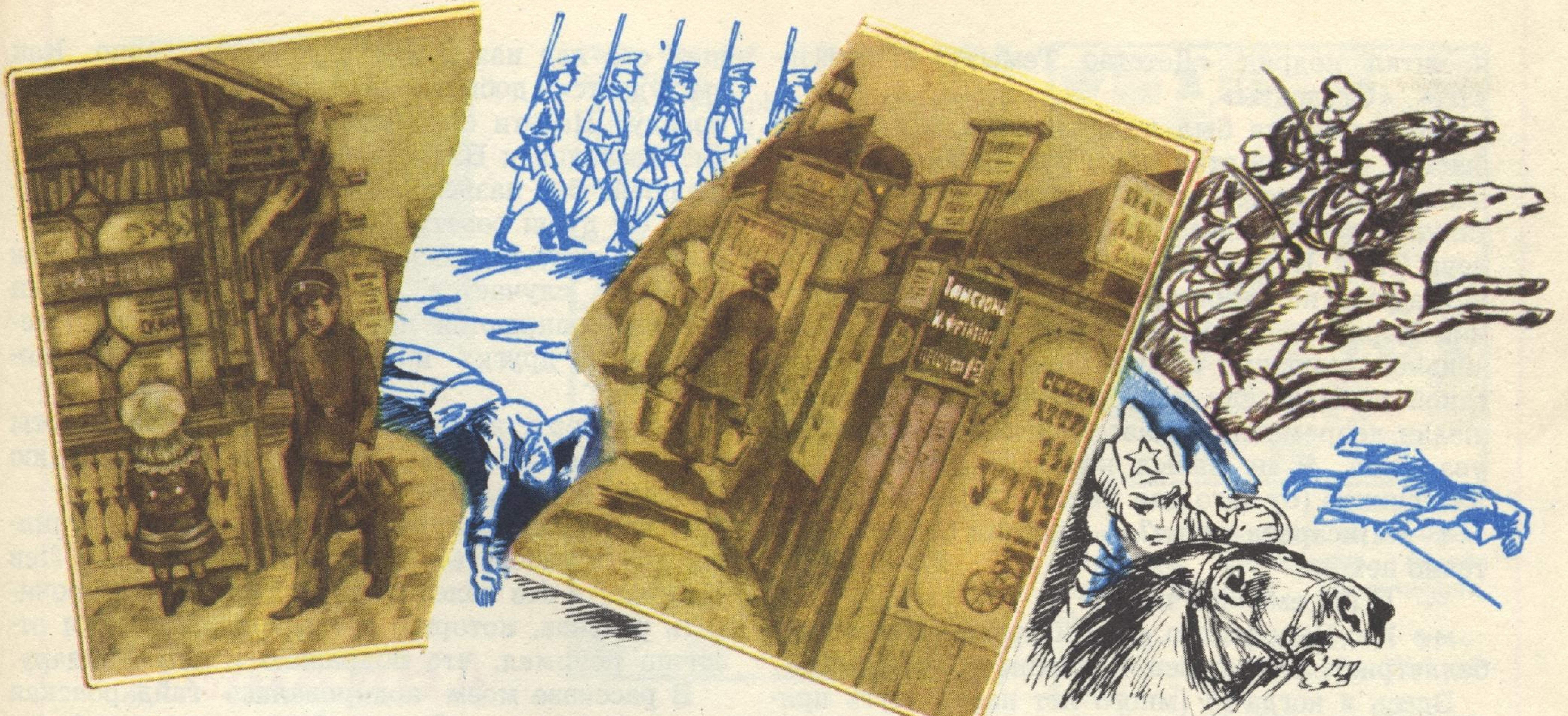
— Я так за него переживаю! (Это, если в жизни друга беда или невзгоды.)

Или:

— Я так за него рад! (Это, если в жизни друга произошло что-то хорошее, если ему посчастливилось.)

Каждый из нас слышал такие слова, иногда произносил их сам. Писатель же способен переживать то, что происходит с его любимыми героями, с героями, близкими ему, с такой силой, **как если б их невзгоды или радости выпали на его долю.** Если речь идет о настоящем писателе, то никакого преувеличения тут нет. (В воспоминаниях о Бальзаке, в воспоминаниях о Горьком упоминается о том, как эти писатели сами теряли сознание, изображая гибель своих героев.)

Но вернемся все-таки к Гайдару. Зачем гибнет в повести «Школа» отец Бориса Горикова — Алексей Гориков, если на самом деле (то есть в жизни) отец Аркадия Голикова не был казнен? Думаю, затем, чтоб сделать ясной причину, показать, **почему** так рано делали свой выбор иные «мальчики невиданной революции»,



так рано и твердо решали для себя, «в каком сражаться стане». Ведь юный герой «Школы» приходит к большевикам **до Октябрьской революции.** Когда они еще не победили. А ему всего пятнадцать лет, и он довольно простодушен.

Борису Горикову кажется, что он «сам до всего додумался», но его старший друг Чубук, которого вы, наверно, помните, с ним не согласен:

«— Отца у тебя убили — раз. Из школы выгнали — два. Остальное, может, и сам додумал...»

Писателю нужно было ясно мотивировать, почему пришел к большевикам, а потом искал и нашел красных подросток, который еще не научился как следует думать. Тогда он ввел в жизнь своего героя Горикова события, которые случались в жизни его ровесников, но которых в жизни Аркадия Голикова не было. Так в «Школу» — вещь во всем главном автобиографическую — вошел художественно правдивый и художественно необходимый **вымысел.** Способность переживать беды и радости своих героев, как свои собственные, невозможна без **воображения.** Для того, чтоб **изобразить** то, чего с ним самим не было, писатель должен сперва **вообразить** это себе во всех подробностях.

Иногда воспоминание о том, что вообразил себе, а затем изобразил писатель (и вслед за ним пережил читатель), у читателя ярче, чем память о том, что было на самом деле в **его собственной жизни.**

Например, маленькую школу в Сент-Питерсберге, где начинал учиться Том Сойер, одноклассников Тома и его учителей я помню лучше, чем ту московскую школу, в которую поступил восьмилетним, и ребят, сидевших на партах по соседству от меня.

Гимназию, в которой учился Тема Карташев (помните «Детство Темы», «Гимназистов» Н. Гарина-Михайловского?), товарищей Темы по шестому классу я не только помню лучше, чем своих соучеников по шестому классу 124-й московской школы, — я их **знал и понимал больше,** чем тех, кто был рядом со мной.

Если подумать как следует, это неудивительно. Н. Гарин-Михайловский раскрывал характеры гимназистов (в этом и состоит задача художника), а я, читатель, узнавал их. Но в жизни я, подросток, конечно, не умел узнать и познать глубоко характеры своих одноклассников, даже тех, что были моими приятелями.

Когда я учился в шестом классе, то на соседней парте сидел мальчик, у которого была странность: он неохотно и слишком коротко отвечал урок учителю, но вовсе не потому, что не выучил или не знал. Он **знал,** но ему, как он однажды объяснил, было неудобно рассказывать учителю то, что тот и без него прекрасно знает. Он совершенно забывал, что учитель совсем не надеется услышать от него что-то неизвестное, а просто **проверяет его знания.**

Спустя десять или двенадцать лет я понял, что у мальчика была (еще неосознанная) писательская черта: он стыдился повторять то, что и без него было известно. Прошло еще сколько-то лет, и этот мальчик, став взрослым, даже немолодым, начал писать рассказы. В них он пишет о том, что без него было неизвестно, или о том, что всем известно, но что он понимает иначе, глубже, чем до сих пор понимали.

В сущности, для этого, наверно, существует литература: она делает незнакомое — знакомым, а хорошо знакомое помогает понять и осмыслить или верно почувствовать.

Приходилось ли вам расти вместе с героем литературного произведения? Я имею в виду не такое медленное чтение, при котором читатель все время остается ровесником героя книги. Речь идет не о том, чтобы начать «Детство» Горького в детстве, а дочитать «Мои университеты» к концу учения в институте. Я говорю о другом.

Мне вспоминается сейчас, как в 11—12 лет

я читал подряд «Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты».

Сначала Тема был младше меня, но я читал быстро, и вот он стал моим ровесником, а потом и перерос меня. И, став старшеклассником, потянулся к компании Корнева. В компании Корнева Тему Карташева не считали дураком, но и уважали не слишком. А он мечтал об уважении Корнева, о том, чтобы его признали в маленькой компании своим. Однажды он завязал такой важный для него разговор с Корневым, желая непременно доказать, что имеет право на уважение. Я не забыл короткий диалог одноклассников (от него для Темы многое зависело):

«— Писарева читал? — спросил Корнев тихо, точно нехотя.

— И Писемского читал.

— Не Писемского, а Писарева. Писемский беллетрист, а Писарев — критик и публицист».

Здесь я когда-то (много лет назад) чуть приостановился, Корнев читал и Писарева и Писемского, Карташев — только Писемского, мне оба они были совершенно незнакомы. Мог ли я в таком случае понять вполне смысл диалога гимназистов? Нет. Но почувствовать главное смог: Корнев обнаружил умственное (или, как теперь чаще говорят — интеллектуальное) превосходство в этом разговоре.

Когда я читал затем вскоре повесть «Студенты» (третью книгу Н. Гарина о Теме Карташеве), то Тема стал уже намного старше меня. Далеко не все было мне понятно в его жизни, но все — небезразлично, потому что он постепенно превратился для меня в близкого человека.

Прочитав три повести Н. Гарина за несколько месяцев, я не повзрослел на столько лет, на сколько вырос Тема на протяжении долгого повествования. И все-таки чудо произошло: я обрел немалый душевный опыт, который незаметно накапливается у того, кто способен **сопереживать.** Или, говоря проще, переживать все, что выпадает на долю любимого героя. Героя произведения подлинной литературы.

Не из жизни, не «из головы», а из других книг

Я попытался рассказать вам о писателях, которые «все берут» из жизни — своей собственной или, опираясь на свою память, соединяют то, что действительно было с ними лично, с художественно необходимым вымыслом. То есть сочетают в творчестве работу памяти с работой воображения.

Конечно, бывает, и очень часто, что писатели все берут из жизни, которой не видели своими глазами, пишут о событиях, которые произошли раньше, чем они родились, о людях, живших сто лет назад или еще более давно. Как им удается добыть, постичь художественную правду? На эти сложнейшие вопросы отвечают Ст. Рассадин и Б. Сарнов в книге, недавно вышедшей. Она называется «Рассказы о литературе». От души советую вам ее прочесть.

Я же хочу рассказать еще только о том, как писатели, случается, «все берут» не из жизни (то есть опираются не на память и воображение), а из других книг, и что из этого получается.

К примеру, я в начале литературной работы (мне было 18—19 лет) подражал Аркадию Гайдару и делал это очень откровенно.

Когда в Литературном институте, где я учился, начал работать с молодыми писателями Лев Кассиль, я без колебаний попросил его прочитать рассказ, которым тогда гордился, хотя отлично понимал, что подражаю в нем Гайдару.

В рассказе моем копировалась гайдаровская интонация, в нем были гайдаровская улыбка и гайдаровская печаль, а герои его походили на Чука и Гека, которые за войну успели подрасти... Как ни странно, все только что названные особенности рассказа я считал его **достоинствами.** Почему же? «Гайдара, к несчастью, уже пять лет нет на свете, — думал я, — а мне как будто удалось научиться писать, как он».

Я с волнением и нетерпением ждал, что скажет Кассиль о рассказе.

— Вы знаете, — сказал Кассиль, — вы удивительно точно копируете гайдаровскую манеру письма, его стиль. Если бы мне сказали, что передо мною — неизданная вещь Аркадия Петровича, я бы поверил. — Кассиль помедлил. — В рассказе есть два-три места, по которым можно судить не только о том, что вы любите Гайдара, но, пожалуй, о том, что вы сами, может быть, станете писателем...

Лев Абрамович ободрительно улыбнулся и совершенно обескураживающе закончил:

— Да, в рассказе есть кое-какие достоинства, но в общем и целом он — не ваш!

Вот этого я никак не ожидал! Я втайне надеялся, что Кассиль назовет рассказ хорошим, я втайне опасался, что он назовет его плохим, но сказать о моем рассказе, что он — не мой?!

— Видите ли, какая вещь, — продолжал после паузы Кассиль, заметив мое смятение. — У Гайдара было одно детство, у вас — другое. Его семья, его школа, судьба после школы были совсем иными, чем у вас, а ведь все это как раз и отражается на том, что и как человек пишет! Откуда же у вас, если говорить откровенно, может быть с Гайдаром такое сходство?.. Вы достигаете его искусно, но оно ведь искусственно, а?

— Да, — сказал я с трудом.

— Ну, если «да», — сейчас же подхватил Кассиль, то любите себе на здоровье Гайдара, а пишите свое! Поняли?

— Понимаю, — ответил я и действительно понял то, чего до этой минуты не понимал.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

ПОЧТА ПЕШКИНА

«Я расскажу вам о шахматных событиях, которые произошли в нашем селе Морд-Аделяково, Исаклинского района, Куйбышевской области.

Когда начался учебный год, учитель биологии посоветовал нам организовать шахматный кружок. Собралось 12 человек. Решили провести турнир и обучать новичков, чтобы больше стало в школе шахматистов.

Теперь уже много ребят занимаются в секции, стали выпускать свою шахматную стенгазету. Особенно большое внимание всех учеников привлек розыгрыш первенства школы. Победу оспаривали семнадцать ребят. Звание чемпиона удалось завоевать мне с результатом 15,5 очка.

Есть у нас сейчас и своя команда «Белая ладья», которая готова сразиться с командами других школ района. Многие у нас хотят получить спортивный разряд. Но как это сделать?»

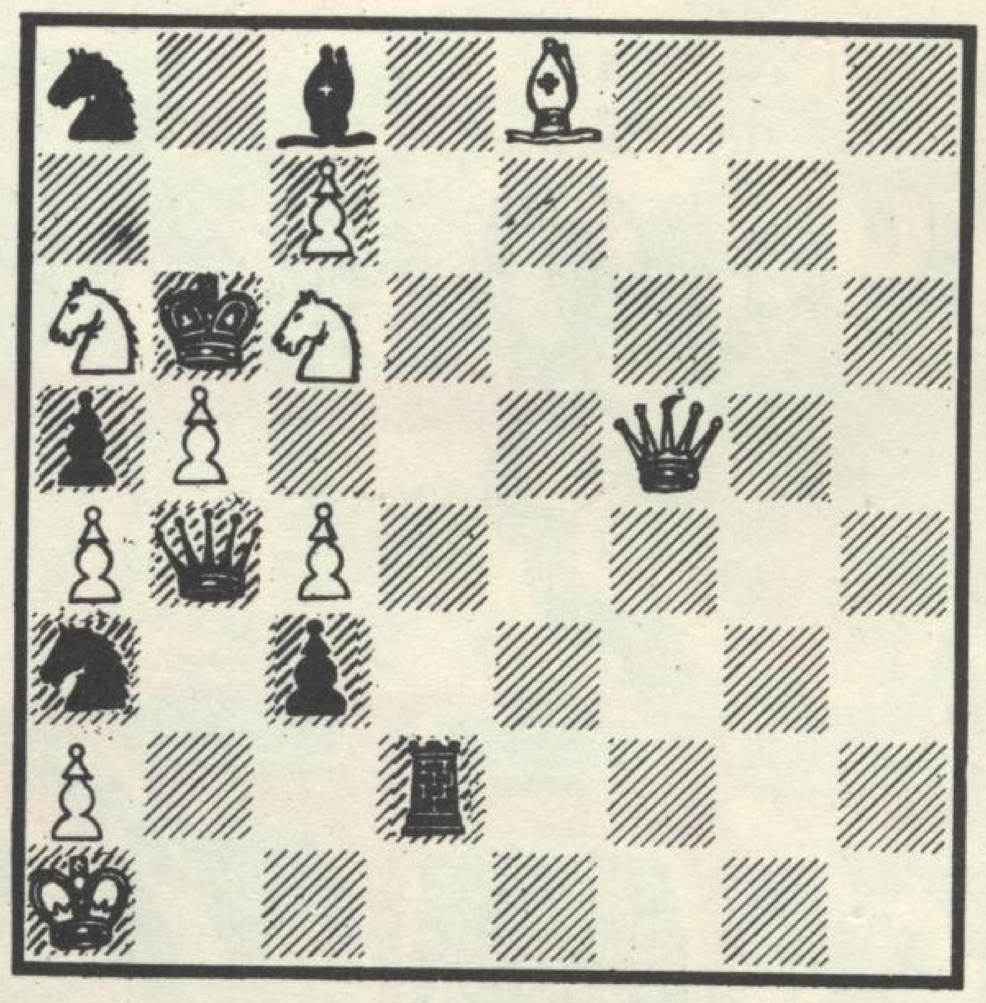
Саша Петров.

Пешкина обрадовало письмо Саши. Сразу видно, инициативные ребята учатся в Морд-Аделяковской школе! Он надеется, что многие из них получат спортивные разряды. Надо только подвести итоги школьных соревнований, составить таблицу результатов игр и представить ее в районный спорткомитет. Пешкин надеется, что Саша и его друзья примут участие и в его конкурсе, и, кто знает, может сам Пешкин будет присуждать им спортивные разряды (с условиями конкурса можно познакомиться в январском номере нашего журнала).

Саша Петров прислал Пешкину задачу, которую он сам составил. Вот она.

Белый король в критическом положении, но, начиная игру, белые сами наносят решающий удар. Вот как они дают мат в пять ходов.

1. c4—c5+ Крb6—b7 2. Фf5 : c8+! Крb7 : c8 3. Кc6—a7+. Крc8—b7 4. Сe8—c6+ Крb7 : a7 5. c7—c8К—мат.

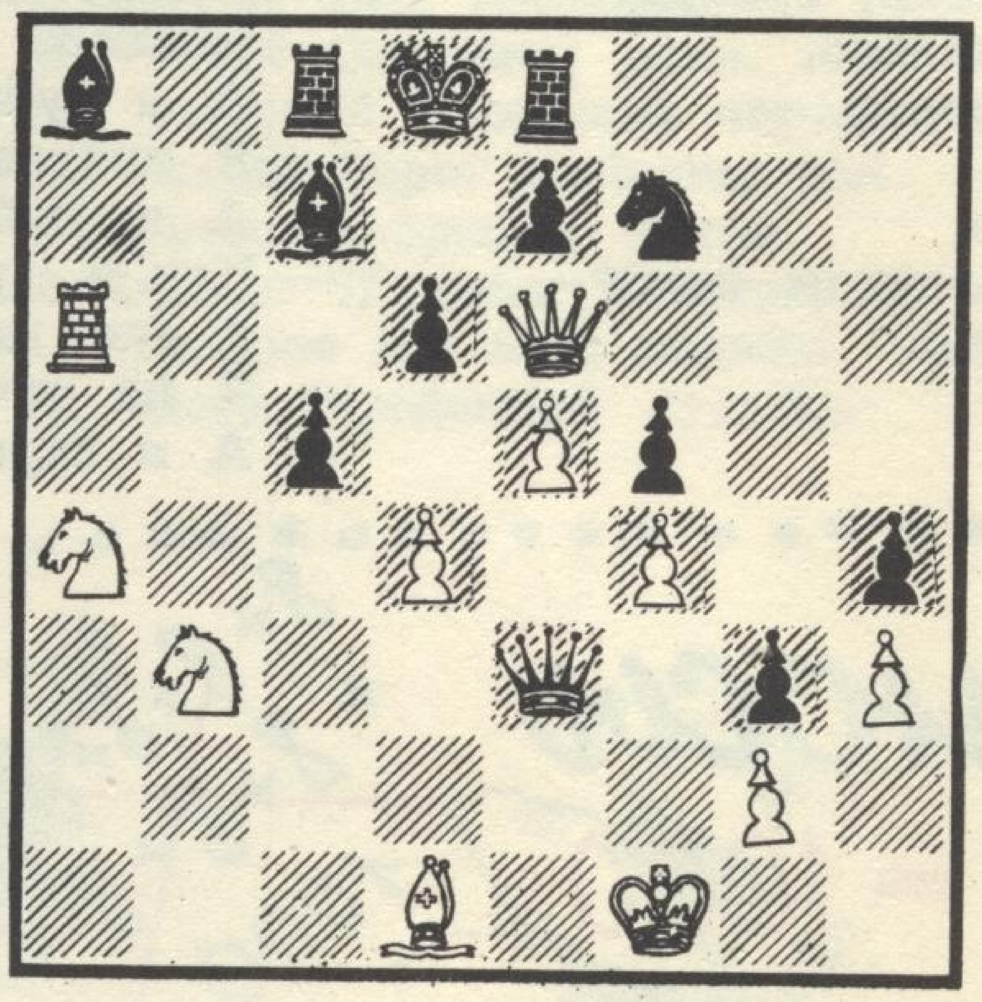


Эта задача напоминает те, которые придумывал Филипп Стамма. Как раз о нем просит рассказать **Сережа Мудров** из Тольятти. Пешкин выполняет его просьбу.

Филипп Стамма — известный сирийский шахматист XVIII века. Он жил в городе Алеппо. Потом переехал в Лондон, где работал переводчиком. В 1747 году Стамма играл матч с сильнейшим мастером того времени французом Филидором, но потерпел поражение.

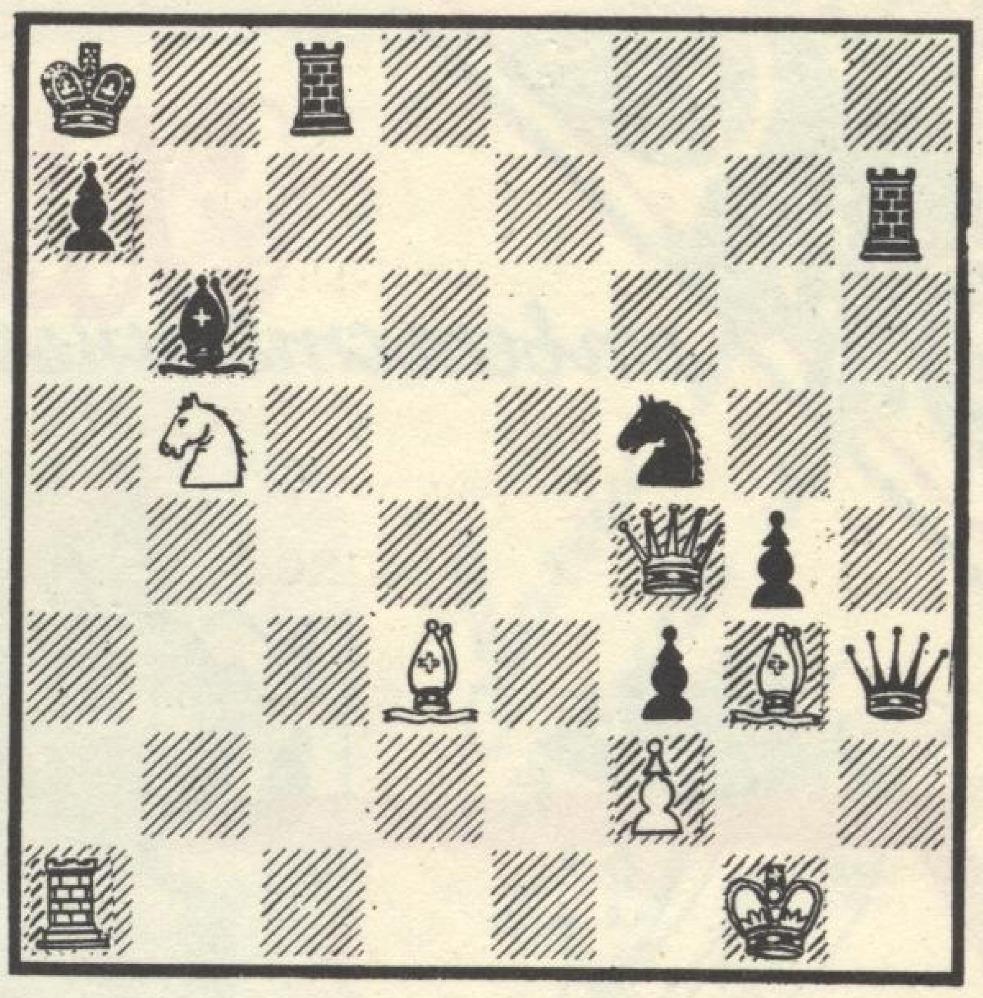
Широко известна книга Стамма «Благородная игра в шахматы». Впервые она была издана в Париже в 1737 году, впоследствии выходила в различных странах. В книге собраны сто красивых комбинационных окончаний партий, которые и сейчас, почти 250 лет спустя, очень нравятся любителям шахмат.

Вот два примера из книги Стаммы.



У белых нет защиты от мата на f2, но они начинают игру и не только спасаются от угрозы, но и сами добиваются победы.

1. Фe6—d7+ Крd8 : d7 2. Кa4 : c5+ d6 : c5 3. Кb3 : c5+ Крd7—d8 4. Кc5—e6+Крd8—d7 5. Сd1—a4+ Сa8—c6 6. Сa4 : c6+ Крd7 : e6 7. d4—d5. Мат.



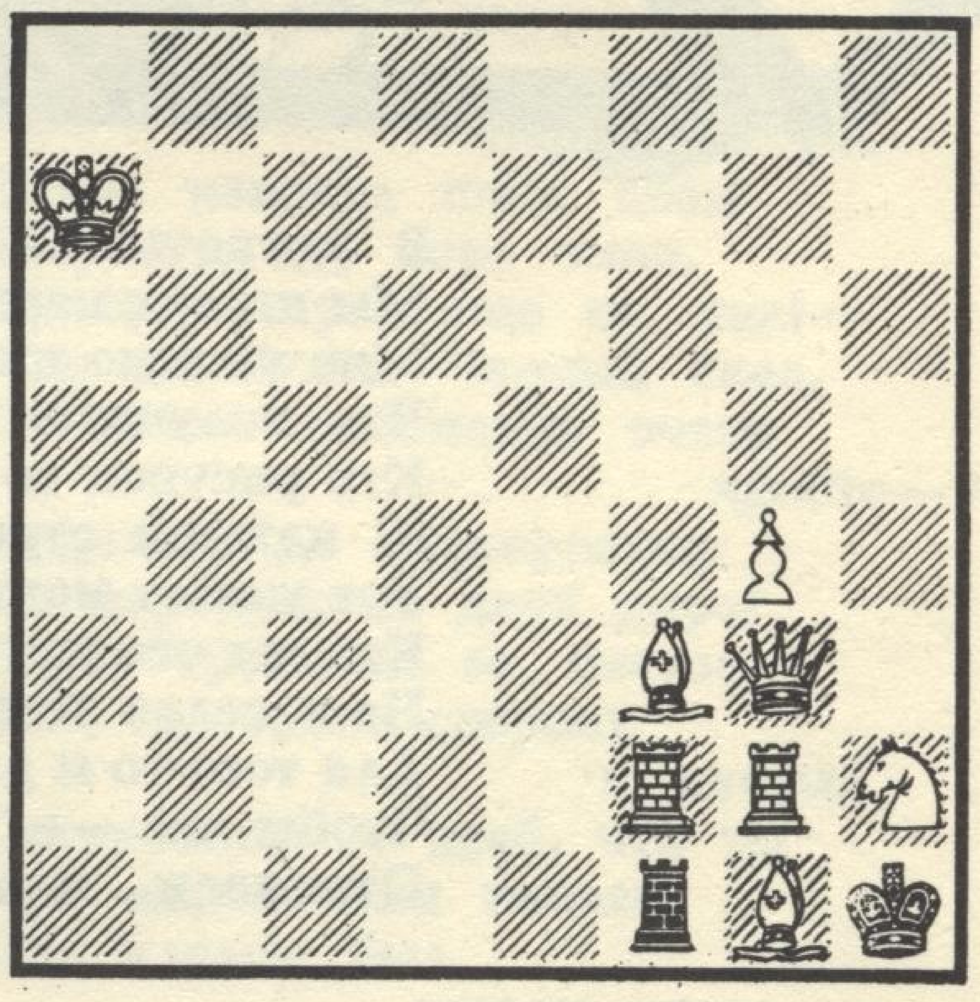
Знакомая картина и на этой диаграмме. Положение белого короля кажется критическим, но...

1. Сd3—e4+ Лh7—b7 2. Фf4—b8+ Лc8 : b8 3. Лa1 : a7+ Сb6 : a7 4. Кb5—c7. Мат.

Этой прекрасной комбинации даже была посвящена поэма «Гакраб», изданная в Одессе в 1847 году. В поэме описывается шахматный поединок между двумя рыцарями и составлена партия, которая в финале приводит к позиции Стаммы.

Конкурс Пешкина

Удивительную позицию видите вы на следующей диаграмме.



Черный король укрылся в углу, спасаясь от преследования белых фигур. Как до него добраться? Белые, начиная игру, должны дать мат в три хода.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 3

Двухходовка. 1. Лh3—h5! Черный король может уйти на одно из четырех свободных полей, но в любом случае вторым ходом белые дают мат слоном f5 (на c2, c8, e4 и e6).

Трехходовка. К цели ведет ход 1. Фe1!, например: 1... Крa7 2. Сf4 и т. д., или 1... Крb8 2. Сf4 ± Кр c8 3. Фe8. Мат.

УМА ПАЛАТА

ответственный дежурный Н. Разговоров, рисунки А. Вовиковой

КТОЧТОСКАЗ

Игры деда Буквоеда

В хитроумный кточтосказ
Мы играем первый раз.
Мне ужасно интересно,
Что получится у нас?
Кто рисунок со стихами,
(С каждой строчкою!) сравнит,
Тот узнает моментально,
Кто же что же говорит.
Но веселая задача
Для того-то и дана,
Чтобы вы — в конечном счете —
Отыскали... молчуна.

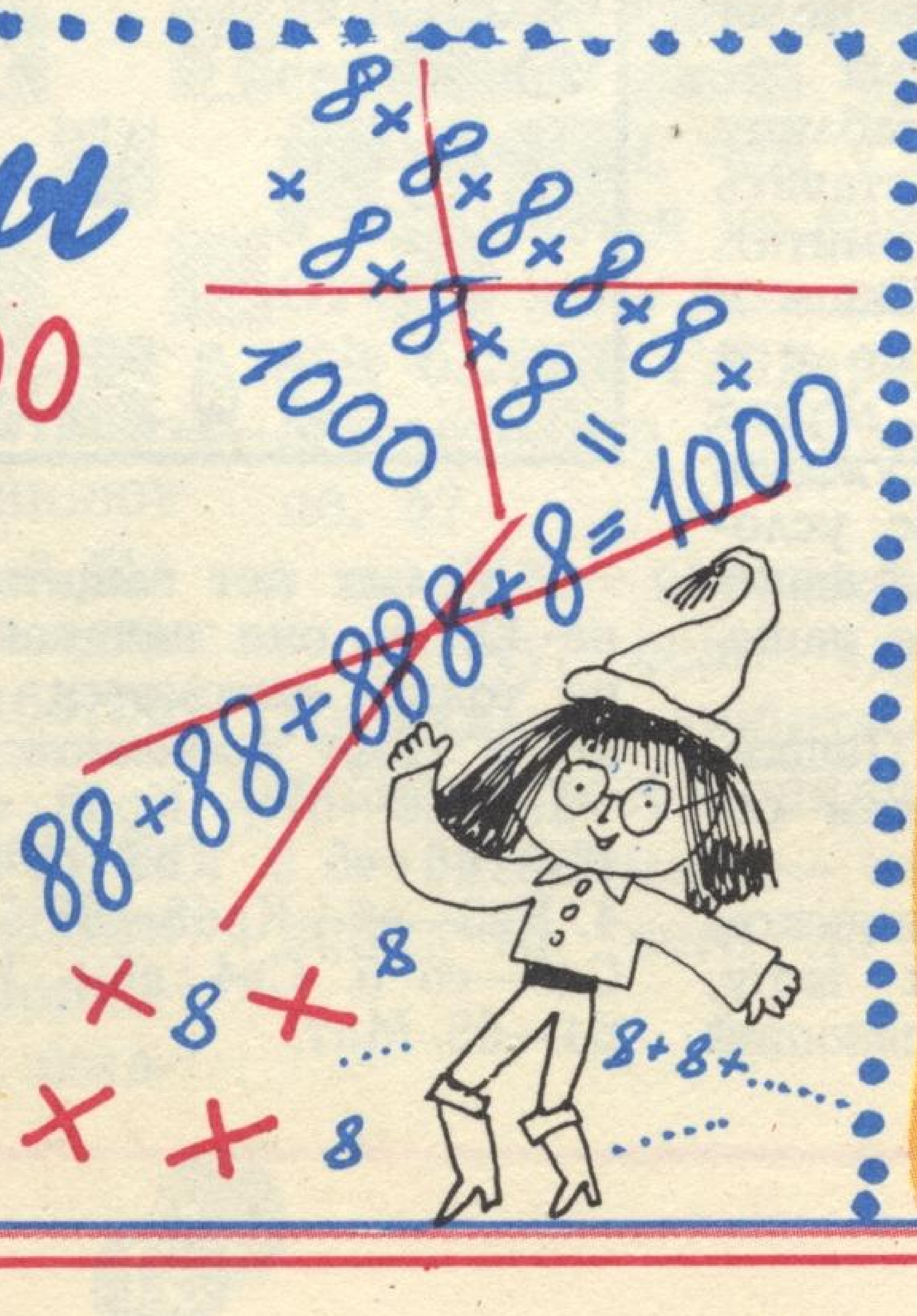
— В грозу, как шпага, я сверкаю,
— А я лечу в родную стаю.
— Я у туриста за спиною,
— А я весь день хожу и ною.
— Мой хвост пышней, чем у лисы,
— Я пью из капельки росы.
— Полнеба я собой закрыла,
— А я зубастей крокодила.
— Я притаилась под кустом.
— А я люблю вилять хвостом.
— Как я, гудеть не может муха,
— А мне пырей щекочет ухо.
— Я на ручье плотину строю,
— А я скрываюсь под корою.

Только плюсы

8 8 8 8 8 8 8 8 = 1000

Наконец к закату дня
Я доволен, я в восторге;
Непослушные восьмерки
Вдруг послушались меня.
Я держался строгих правил
Чтобы равенство создать.
Сколько плюсов я расставил?
Три? Четыре? Или пять?

Живживка

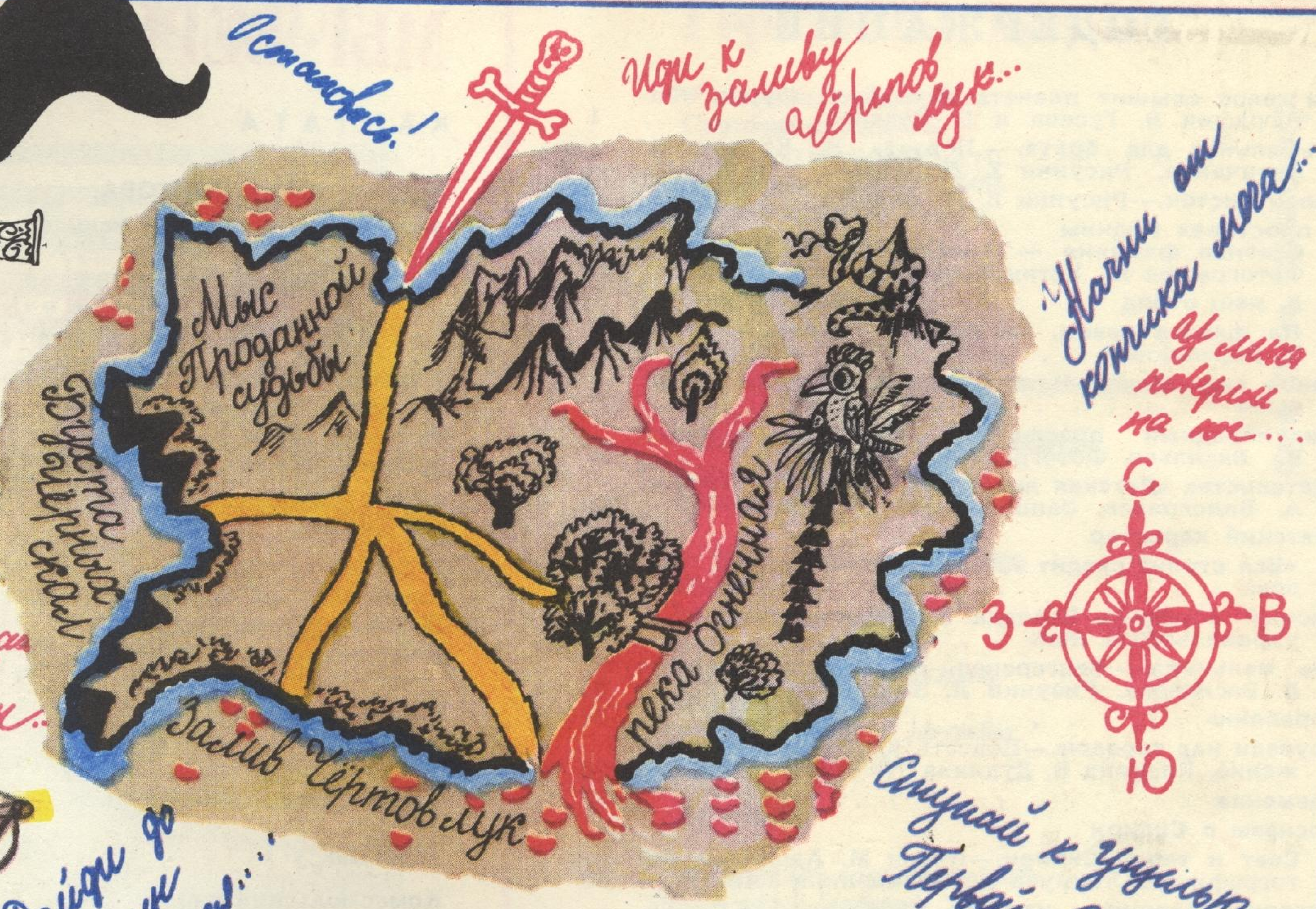


ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 4

Кто был первым?
Лось, лиса, заяц.

На битву с драконом!

$$\begin{array}{r} 92647 \\ +\ 92647 \\ \hline 185294 \end{array}$$



Остров сокровищ

Капитан Перо ищет помощника

Вот карта острова... Когда-то
К нему пристали два пирата
И — угадать нетрудно это,—
Конечно, клад зарыли где-то.
Тайник надежно скрыт от глаз,
Но пожелтевший лист
в тетрадке
Хранит загадочный наказ.
Прочти и разберись в загадке.
Зарытый нами клад ища,
Начни от кончика меча
И остров весь пересеки
До устья Огненной реки.
Не отступай с прямой черты,
На левый берег выйдешь ты!
От устья, напрямик шагая,
Дойди до Пальмы Попугая,
От Пальмы два часа ходьбы
До мыса Проданной судьбы.

У мыса поверни на юг,
Иди к заливу Чертов лук,
А от залива — через горы —
Ступай к ущелью
Первой ссоры.
Затем направь шаги свои
К утесу, где нора змеи.
Отсюда — путь еще не мал!—
Иди до бухты Черных скал,
От скал — запомнить очень
просто—
Недалеко до перекрестка;
От перекрестка двух дорог
Ведет тропинка на восток.
Там, где тропа свернет
в кусты,
Остановись! И знай, что ты
При исполнении наказа
Над кладом был
четыре раза.
Теперь к нему направься
в пятый,
С мешком, киркою и лопатой!

СОДЕРЖАНИЕ

Ваш голос слышит планета Земля!—С. Фурин. Фотографии В. Гусева и Б. Задвиля 1
Колыбельная для брата. — Повесть В. Крапивина. Окончание. Рисунки Е. Медведева 4
Боевой листок.—Рисунки В. Костицына 14
На просторах Родины
Славная фамилия — Ангелины. — И. Павленко. Фотография Ю. Устинова 16
Ты, я, наш отряд
На фланге левом, на фланге правом. — Очерк В. Коржикова 17
Иванов сад.—Стихи В. Аушева. Рисунок В. Костицына 21
Международный пресс-центр «Пионера». — Ведет Вл. Васильев. Фотография Б. Задвиля 22
Издательство «Детская литература» в Год ребенка.— А. Виноградов. Записала Р. Дмитриева . . . 26
Советский характер
«Вся страна следит за вашим полетом».—О. Чкалова 27
Красный всадник.—Баллада В. Березы. Перевел с украинского В. Жак 32
Дочь мельника.— Венгерская сказка. Пересказала Л. Васильева. Рисунки Л. Хачатряна 33
«Кораблик» 34
Карусели над городом.—Повесть Ю. Томина. Продолжение. Рисунки В. Дудкина 36
Переменка 49
Рассказы о Сибири
Свет и тепло Сибири.—Очерк М. Аджиева. Фотографии А. Лехмуса и Фотохроники ТАСС . . 50
«Духовное величие... идущих на подвиг». — С. Богатырева 54
Зачем и почему? 56
«Откуда писатели все берут—из жизни или из головы?» — М. Бременер 57
В стране шаха—владыки черных и белых полей.— Ведет международный мастер М. Юдович . . 61
Ума палата.—Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой 62
Мы верная смена твоя, комсомол! — Музыка Ю. Чичкова. Слова П. Синявского, М. Пляцковского, К. Ибряева 64

На обложке:
Пионер — друг пионерам и детям трудящихся всех стран.—Рисунок В. Дудкина.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Р. З. БАБЛОЯН (редактор отдела литературы и искусства), **В. А. БЛИЗНЕНКОВА** (редактор отдела внутренней жизни страны), **Т. А. ГАЙДАР, О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО** (ответственный секретарь), **В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела коммунистического воспитания), **Ю. М. ЧИЧКОВ.**

Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Ю. Л. РОДИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1979.

Адрес для писем: **101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 27.02.79.
Подписано к печати 29.03.79. А 12023. Формат 84×60 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9.
Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 1018. Заказ № 285.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

МЫ ВЕРНАЯ СМЕНА

КАНТАТА

Музыка Юрия ЧИЧКОВА,
заслуженного деятеля искусств РСФСР

Комсомольская дружба

Слова Петра СИНЯВСКОГО.

Конармейский клинок,
А потом Серп и Молот —
Это вехи дорог
Моего комсомола.

ПРИПЕВ:

И дороги другой
Комсомолу не нужно.
И зовет нас на подвиг
Комсомольская дружба!

Мы навеки верны
Комсомольской присяге.
Значит, жить мы должны,
Словно Павка Корчагин.

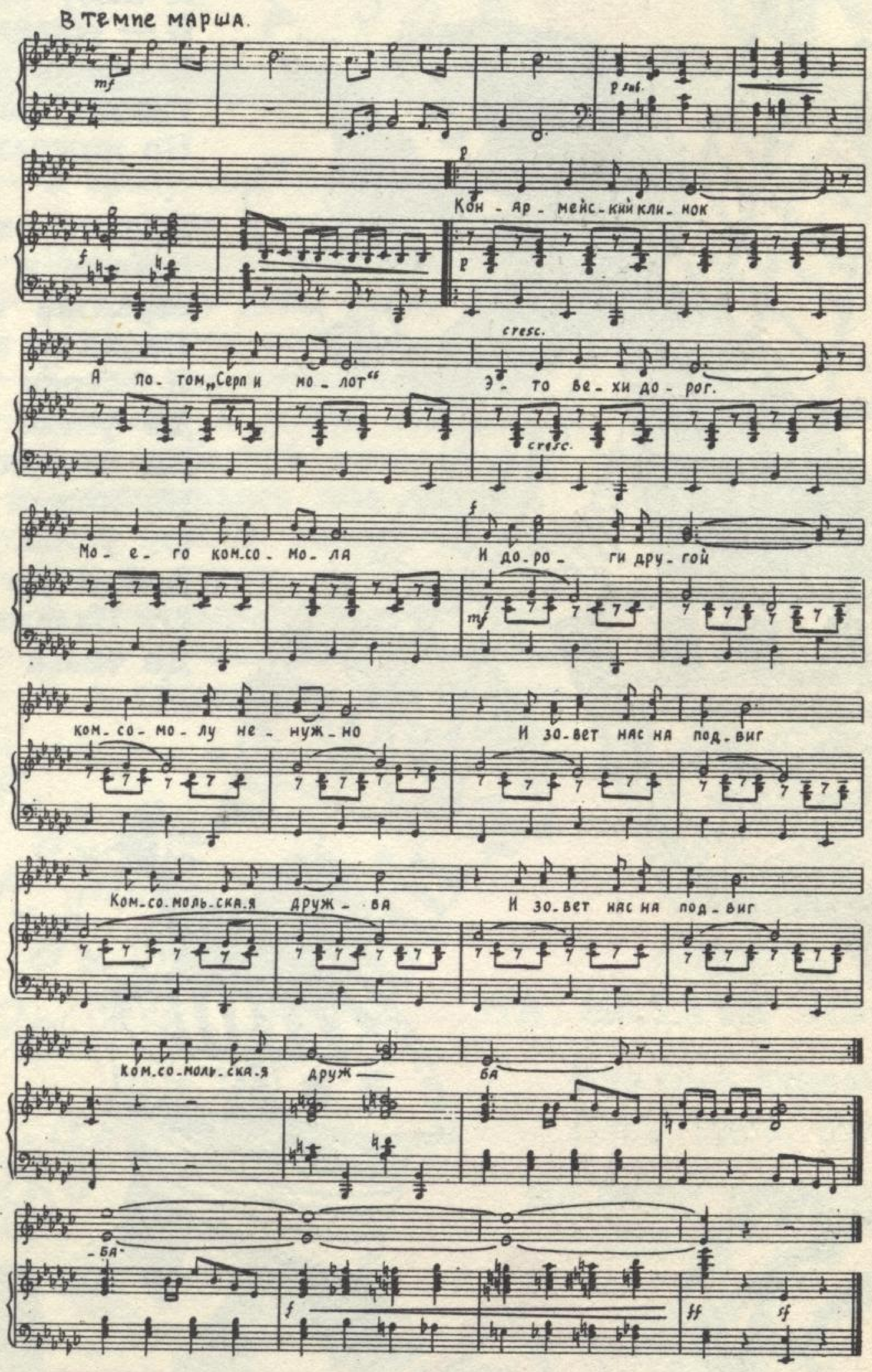
ПРИПЕВ.

Комсомольский народ
С огневыми сердцами.
Не страшится высот
Комсомольское знамя.

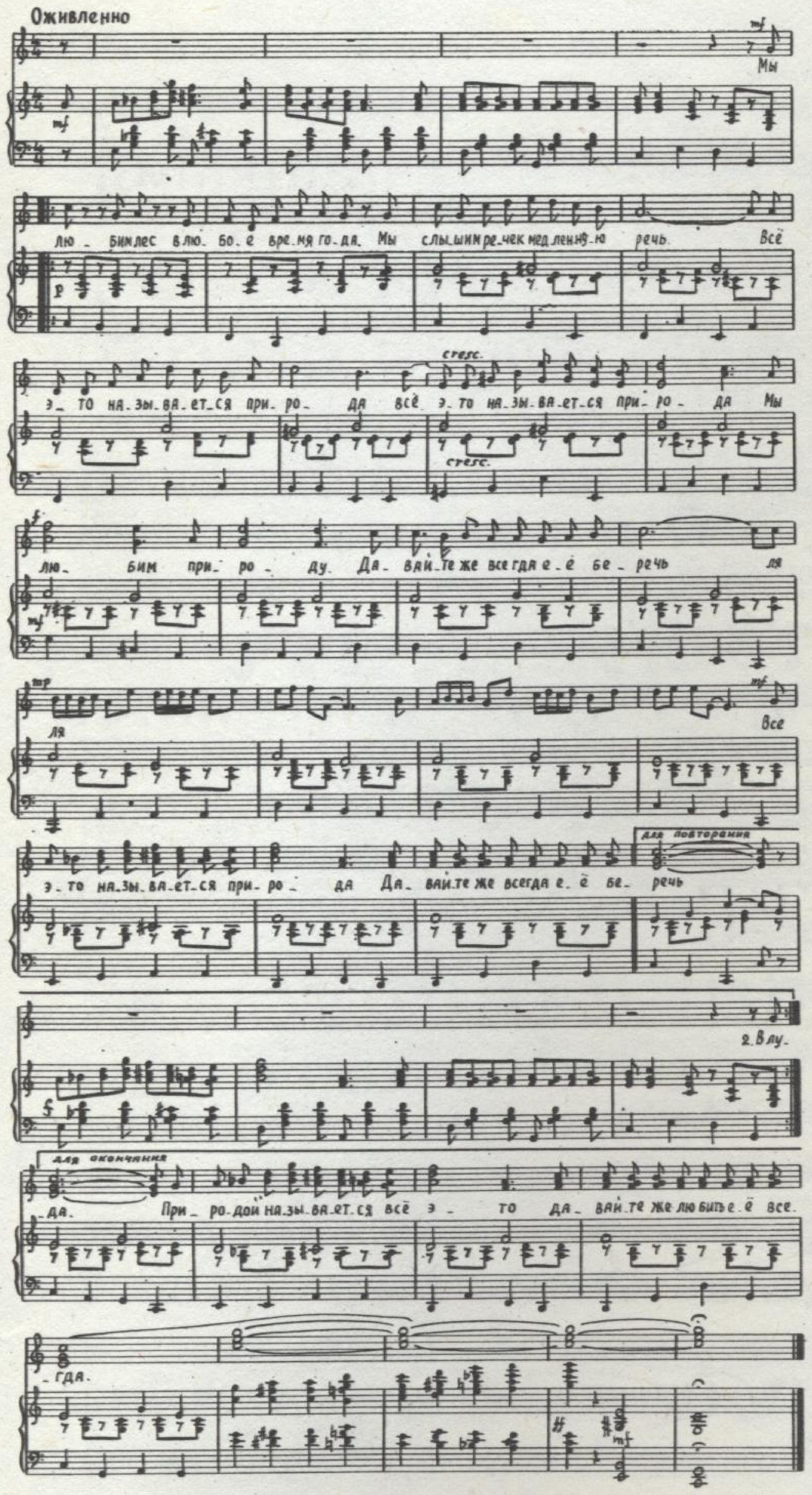
ПРИПЕВ.

Покоренье тайги
И полет космонавта —
Это наши шаги
В комсомольское завтра.

ПРИПЕВ.



Первая песня из этой кантаты, «Мы верная смена твоя, комсомол!», была напечатана в «Пионере» в прошлом году, в № 10.

ТВОЯ, КОМСОМОЛ!

Это называется—природа

Мы любим лес в любое время года,
Мы слышим речек медленную речь...
Все это называется природа,
Мы любим природу,
Давайте же всегда ее беречь!
Все это называется природа
Давайте же всегда ее беречь.

В лугах ромашки солнечного цвета,
Такие, что светлей на свете жить...
Природой называется все это,
Мы любим природу,
Давайте же с природою дружить!
Природой называется все это,
Давайте же с природою дружить.

Летят, звеня, дождинки с небосвода,
Клубится на заре тумана дым...
Все это называется природа,
Мы любим природу,
Давайте же сердца ей отдадим!
Все это называется природа,
Давайте же сердца ей отдадим.

Прощальный вальс танцует с ветром лето,
Дрожит в окне вечерняя звезда...
Природой называется все это,
Мы любим природу,
Давайте же любить ее всегда!
Природой называется все это,
Давайте же любить ее всегда.

Слова Михаила ПЛЯЦКОВСКОГО.

Горизонты мечты

У зеленых предгорий
Серебрится прибой,
И открытое море
Вдаль зовет нас с тобой.
Станут небыли былью,
Оживут чудеса —
Словно смелые крылья,
Полетят паруса.

ПРИПЕВ:
Мы с друзьями всегда будем рядом:
Ты и я, я и ты...
Наша дружба открыла ребятам
Горизонты мечты,
Горизонты мечты.

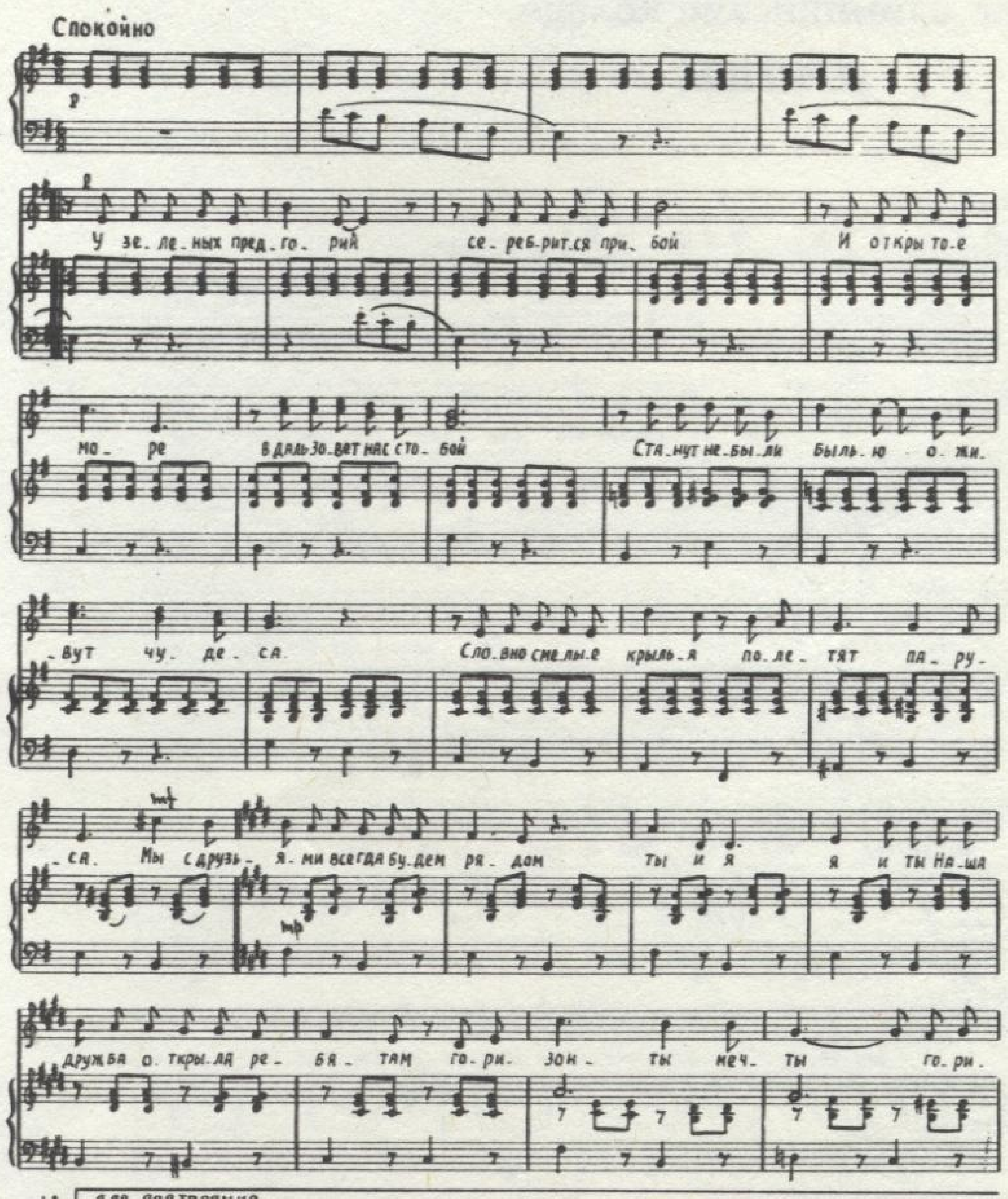
В небе плещется пламя
Пионерских костров
И лучится огнями
Ярче всех маяков.
Песни чайками кружат,
Паруса, как заря.
Кораблям нашей дружбы
Не нужны якоря.

ПРИПЕВ.

Может, лет через двадцать
Или даже быстрей
Сможем мы повстречаться
С ветром звездных морей.
И за радугой где-то
У заветных вершин
Назовем мы планеты
Именами дружин.

ПРИПЕВ.

Слова Петра СИНЯВСКОГО.



Продолжение на последней обложке.

Звенят олимпийские кольца

Слова Константина **ИБРЯЕВА.**

Все громче, призывней для нас день за днем
Звенят олимпийские кольца.
На школьной площадке разбег мы берем,
Чтоб завтра допрыгнуть до солнца.

ПРИПЕВ:

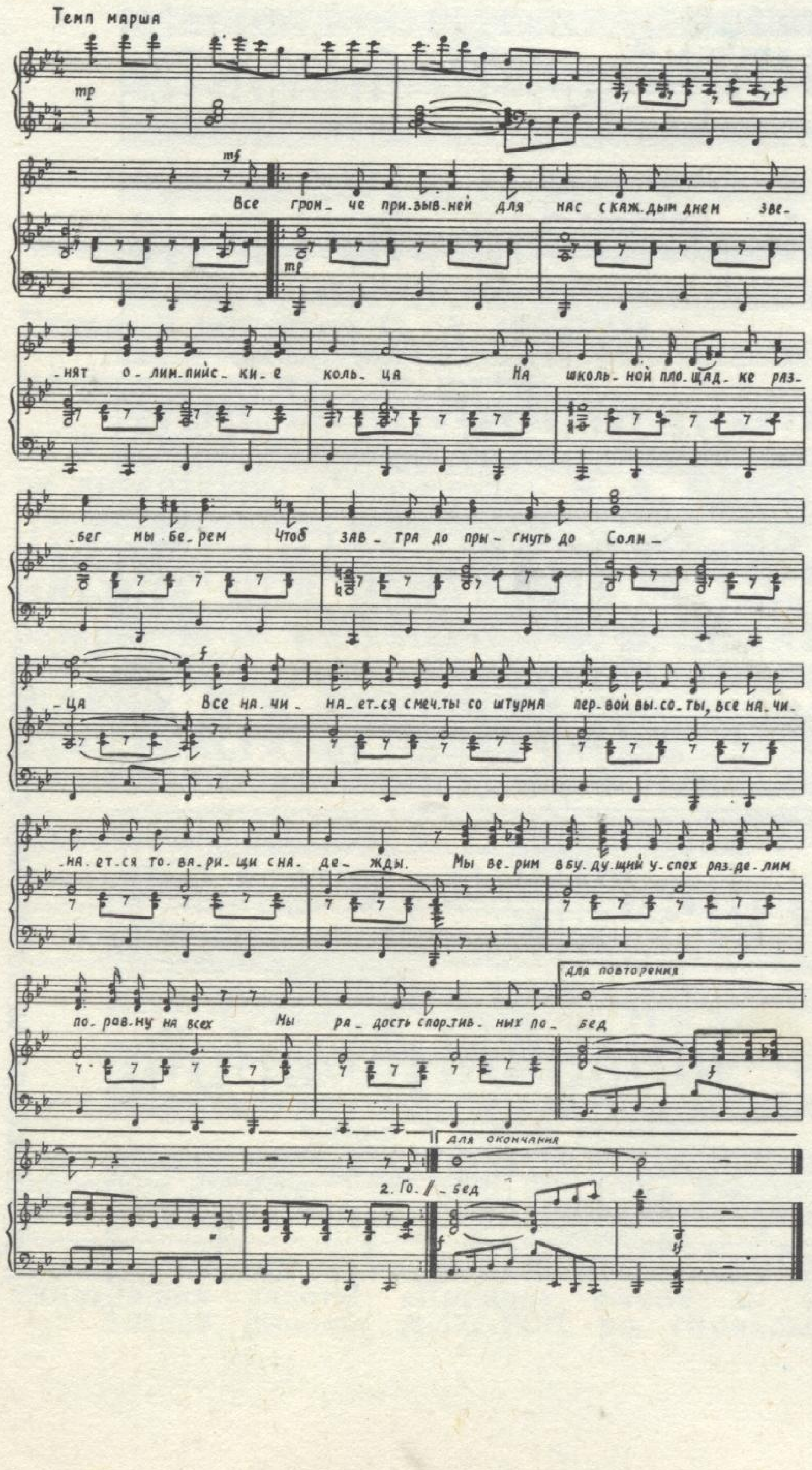
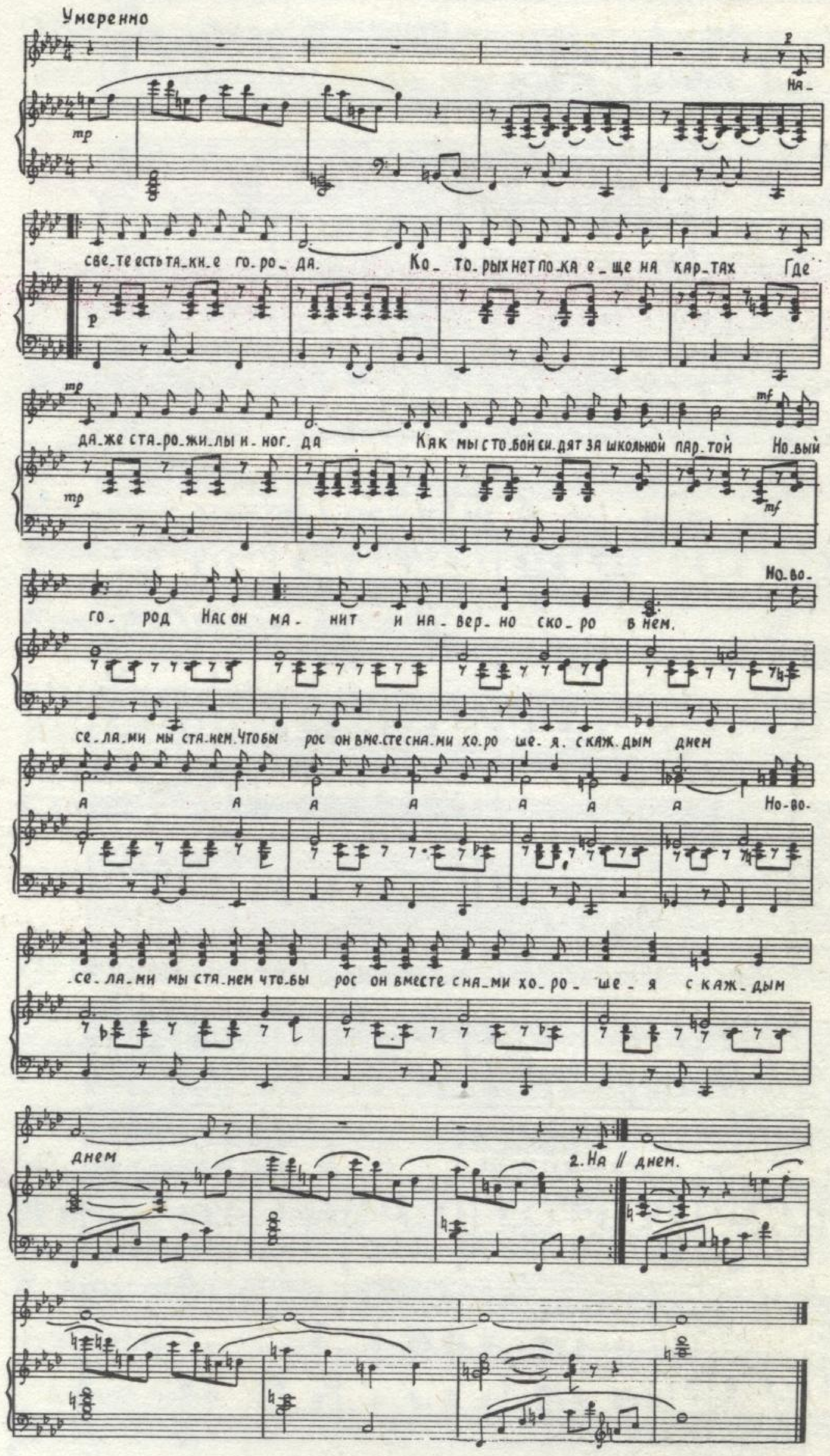
Все начинается с мечты,
Со штурма первой высоты.
Все начинается, товарищи, с надежды.
Мы верим в будущий успех,
Разделим поровну на всех
Мы радость спортивных побед.

Готовясь к боям олимпийским сейчас,
Сильней и отважней мы стали.
И мишка московский кому-то из нас,
Быть может, подарит медали.

ПРИПЕВ.

Пусть пламенный вымпел в честь наших ребят
На финише гордо взовьется.
Недаром все громче, призывней звенят
Для нас олимпийские кольца.

ПРИПЕВ.



На свете есть такие города

Слова Константина **ИБРЯЕВА.**

На свете есть такие города,
Которых нет пока еще на картах,
Где даже старожилы иногда,
Как мы с тобой, сидят за школьной партой.

ПРИПЕВ:

Новый город, нас он манит
И, наверно, скоро в нем
Новоселами мы станем,
Чтобы рос он вместе с нами,
Хорошея с каждым днем.

На свете есть такие города,
Где все вначале, все, как в новой песне,
Где хватит нам на долгие года
Чудесных дел, веселый наш ровесник.

ПРИПЕВ.

На свете есть такие города,
Где сказка былью доброй обернулась,
Где поселилась сразу навсегда
Задорная стремительная юность.

ПРИПЕВ.

Цена 25 коп. Индекс 70694.